

дут на чистую воду, тебе не одобровать. — Чур меня, чур! Грѣми, грѣми, гром, да не над моим домком! И что это меня дернуло ради чужого удовольствия искать у кота пятой ноги? Уж сам дьявол, не иначе, как дьявол, впутал меня в эту историю!

Долго беседовал сам с собою Санчо, пока не принял следующего благоразумного решения:

— Ну, ладно, — сказал он сам себе, — все на свете можно исправить, кроме смерти, под ярмом которой всем нам придется пройти в конце нашей жизни. Все говорит о том, что мой господин сумасшедший, которого следует связать, да и я ни в чем ему не уступаю. Я еще безумнее его, так как по доброй воле служу ему, а ведь правду говорят пословицы: скажи мне, с кем ты водишься, и я скажу тебе, кто ты, и не в том суть, от кого ты родился, а с кем ты пасешься. Итак, он сумасшедший и постоянно видит то, чего на самом деле нет: белое считает черным и черное белым, — стоит только вспомнить, как принимал он встрияпы мельницы за великанов, поповских мулов — за верблюдов, а стада баранов — за неприятельские войска. А если так, то нетрудно будет его уверить, что первая крестьянка, которая попадется мне на глаза, и есть сеньора Дульсиня. Если он не поверит, я поклянусь; если он сам станет клясться, я снова поклянусь; он станет возражать, а я еще тверже буду стоять на своем. Быть может, он рассердится на мое упорство и не станет больше посылать меня с такими поручениями. А вернее всего, он подумает, что какой-нибудь злой волшебник превратил его красавицу в крестьянку.

Эти размышления успокоили душу Санчо, и он решил, что дело его уже сделано. Он просидел под деревом до вечера, чтобы дон Кихот не сомневался, что он действительно был в Тобосо. А как раз в ту минуту, когда он уже собирался сесть на серого, он увидел трех крестьянок, ехавших из Тобосо на ослах или на ослицах. Санчо тотчас же поспешил к своему господину, который продолжал вздыхать и разливаться в любовных жалобах. Завидев своего оруженосца, дон Кихот сказал:

— Ну что, друг Санчо, каким камушком отметить мне этот день — белым или черным?

— Да уж лучше, — ответил Санчо, — отметьте его, вапа милость, красным, подобно тому, как студенты в Саламанке отмечают красными буквами прославившихся профессоров...

— Значит, — сказал дон Кихот, — ты принес хорошие вести!

— Самые лучшие! — ответил Санчо. — Вашей милости остается только припшпорить Росинанта и поспешить навстречу сеньоре Дульсинеяе Тобосской, которая с двумя прислужницами едет на свидание с вашей милостью.

— Боже милосердный! — воскликнул дон Кихот. — Что говоришь ты, друг Санчо? Смотри, не обманывай меня и не пытайся ложной радостью облегчить мою неподдельную печаль.

— Да какой мне прок обманывать вашу милость? — возразил Санчо. — Ведь вы тут же можете проверить, лгу ли я. Припшпорьте коня да поезжайте за мной. Вы увидите нашу госпожу принцессу в убранстве, достойном ее величия. И она и ее прислужницы так и горят золотом, жемчужными нитями, алмазами, рубинами и нарчевыми тканями; волосы их распущены по плечам и сияют, как лучи солнца. А едут они на белых разноходцах, лучше которых на свете не сыщешь.

— Ты хочешь сказать — на иноходцах, Санчо?

— Разница не велика — разноходцы или иноходцы, — возразил Санчо, — но на чем бы они ни ехали, а только более изящных дам еще не бывало на свете. Особенно прекрасна принцесса Дульсинея; от одного взгляда на нее можно с ума сойти.

— Поедем, друг Санчо, — ответил дон Кихот. — В награду за эти неожиданные добрые вести я отдам тебе лучший трофей, который захвачу в первом же приключении. А если этого тебе недостаточно, я жалую тебе жеребят, которые родятся от трех моих кобыл, — ты ведь знаешь, что они скоро должны ожеребиться.

— Мне больше нравятся жеребята, — сказал Санчо, — так как я не очень уверен, что трофеи, которые вы захватите в первом приключении, будут довольно хороши.

Они выехали из леса и увидели трех крестьянок. Дон Кихот тщательно оглядел всю тобосскую дорогу и, не заметив никого,

кроме этих крестьянок, встревоженным голосом спросил у Санчо Пансы, твердо ли уверен его оруженосец в том, что Дульсинея со своими спутницами выехала из города.

— Выхала из города! — воскликнул тот. — О чем вы говорите, сеньор? Да что, у вашей милости глаза на затылке, что ли? Как же вы не видите, что это они и есть и что едут они прямо нам навстречу, сияя точно солнце в полдень?

— Я вижу только трех крестьянок верхом на трех ослах, Санчо, — ответил дон Кихот.

— Господи, спаси нас от дьявольского навождения! — сказал Санчо. — Как же это может быть, чтобы три иноходца, белые, словно только что выпавший снег, казались вашей милости ослами? Господи помилуй, да я готов себе бороду вырвать, коли это правда.

— Говорю тебе, друг Санчо, — возразил дон Кихот, — что перед нами ослы или ослицы. Это так же верно, как то, что я дон Кихот, а ты Санчо Панса.

— Замолчите, сеньор, — сказал Санчо, — не говорите таких слов, протрите лучше глаза и поспешите приветствовать владычицу ваших мыслей, — она уж совсем близко.

С этими словами Санчо подъехал к крестьянкам и, спешившись, схватил за уздечку осла одной из них. Упав на колени, он сказал:

— Королева, принцесса и герцогиня красоты, да соблаговолит ваша сиятельнейшая светлость оказать благосклонность плененному вами рыцарю. Ослепленный вашей красотой, он оцепенел и стоит неподвижно подобно мраморному изваянию. Я — его оруженосец, Санчо Панса, а он сам — блуждающий рыцарь дон Кихот Ламанчский, по прозванию рыцарь Печального Образа.

Тут и дон Кихот опустился на колени рядом с Санчо. Широко раскрыв помутневшие глаза, смотрел он на ту, кого Санчо называл сеньорой и королевой. Увы! Перед ним была всего-навсего простая крестьянская девушка, довольно некрасивая, круглолицая, курносая, не очень чисто одетая. Бедный рыцарь был жестоко разочарован, однако не решался произнести ни слова. Девушка же, разинув рот, смотрела на коленопреклоненных рыцаря и оруженосца, не понимая, чего хотят от нее эти странные люди. Только одно было ей ясно: эти чудаки преградили им дорогу. Поэтому она резко и сердито закричала:

— Не загораживайте, анафемы, дороги и сейчас же пропустите нас. Мы торопимся.

На это Санчо ответил:

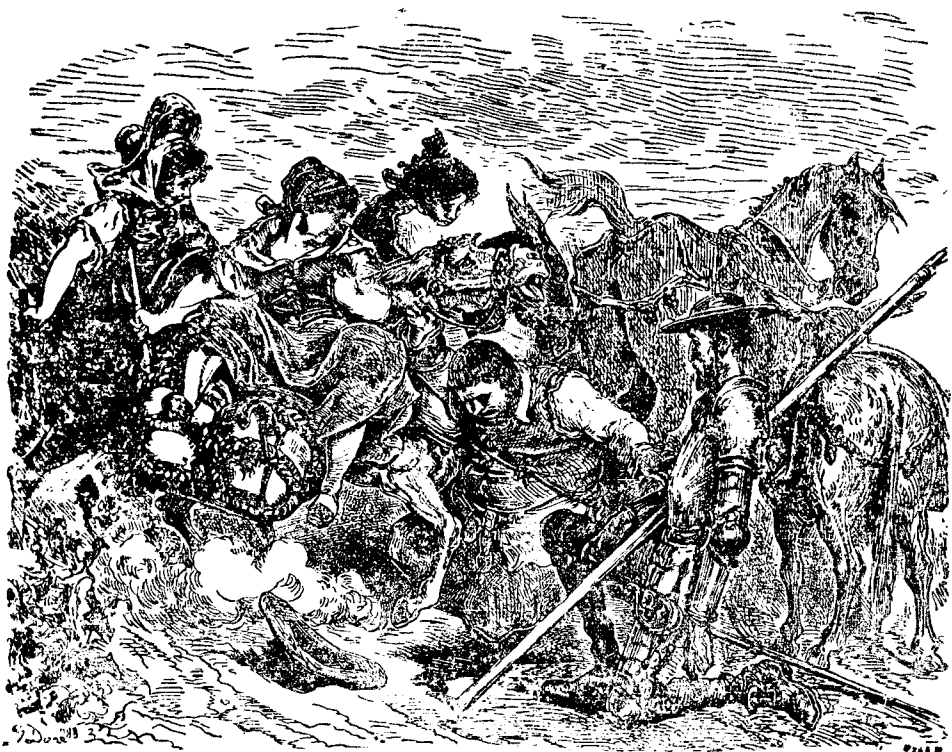
— О принцесса и верховная владычица Тобосо! Неужели великодушное сердце ваше не смягчится, видя, с каким смирением склонил колени перед вашей милостью сей знаменитейший из странствующих рыцарей?

Услышав эти слова, другая крестьянка сказала:

— Полюбуйтесь, пожалуйста, как эти господчики издеваются над деревенскими девушками. Берегитесь, сеньоры! А не то вам не поздоровится от наших шуток! Ступайте своей дорогой и оставьте нас в покое.

— Встань, Санчо, — сказал тут дон Кихот. — Я вижу, что судьба еще не насытилась моими несчастьями и что для бедной души моей отрезаны все пути к радости. А ты, о высочайшая

добродетель, о какой только можно мечтать, — продолжал он, обращаясь к первой крестьянке, — ты, единственная отрада обожавшего тебя опечаленного сердца, знай, что по воле злого волшебника, преследующего меня, мрачная пелена опустилась на мои глаза, и зловещий туман окутал их, и вместо твоего несравненного по красоте лица я вижу только лицо бедной крестьянки.

Но все же молю тебя — взгляни на меня нежно и влюбленно. Взгляни: смиренно, на коленях стою я перед тобою. Неужели же ты не веришь моей безмерной и покорной преданности и любви?

— Рассказывайте это моему дедушке! — закричала крестьянка. — Очень мне нужны ваши дерзкие заигрывания! Ступайте прочь, не загораживайте дорогу. — честью прошу.

Санчо отошел в сторону, пропустил крестьянку и был радехонек, что его затея так благополучно кончилась. А зачарованная Дульсинея из всех сил ударила своего «разноходца» палкой и погнала его по полю. Однако ослица от боли прижалась лягаться и сбросила свою хозяйку на землю. Увидев это, дон Кихот кинулся ее подымать, а Санчо поймал ослицу и стал поправлять седло. Когда подпруга была подтянута, наш идальго собрался было взять на руки свою принцессу и посадить ее на седло, но сеньора избавила его от этого труда: поднявшись с земли, она разбежалась, уперлась обеими руками в круп ослицы и легче сокола вскочила к ней на спину. Тогда Санчо сказал:

— Клянусь святым Рокé, наша госпожа легче кречета. Она могла бы поучить верховой езде самых ловких кордуанцев или мексиканцев! Одним махом перелетела она через заднюю луку седла, а теперь без шпор погнала своего иноходца, как зебру, да и прислужницы от нее не отстают, — ишь как они помчались, словно ветер.

Санчо говорил правду, потому что две другие крестьянки, увидев, что Дульсинея вскочила на седло, помчались во всю прыть.

Дон Кихот проводил их глазами, а когда они скрылись, обратился к Санчо и сказал:

— Подумай только, Санчо, до чего доходит коварство и ненависть волшебников: они лишили меня радости лицезреть мою сеньору во всей ее красоте и прелести. Воистину, я родился, чтобы служить примером всем несчастливцам на свете и чтобы стать мишенью для самых острых стрел злой судьбы. Заметь, Санчо, эти предатели не удовольствовались тем, что околдовали мою Дульсинею, — нет, им понадобилось придать ей образ грубой крестьянки. Она утратила даже то благоухание, которое свойственно высокородным сеньорам. Ибо, по правде говоря, когда я подошел к Дульсинее, чтобы посадить ее на иноходца, то от нее так сильно пахло чесноком, что я чуть не задохся.

— Какие мерзавцы! — воскликнул Санчо. — Ах, зловерные и злокозненные волшебники, взять бы вас всех под жабы да и нанизать на нитку, словно сардинки. О негодяи! Как злобно насмеялись вы над моим господином! Вы превратили для него

атманные очи моей сеньоры в чернильные орешки, а волосы чистейшего золота — в щетину рыжего бычьего хвоста! Вы исказили прелестные черты ее лица, но этого вам показалось мало. Благоухание амбры, что от нее исходит, вы превратили в отвратительный запах чеснока. А между тем, клянусь, перед нами была первейшая красавица на свете.

— Верю тебе, друг мой, — сказал дон Кихот, — ибо природа одарила Дульсинею совершенной красотой. Однако скажи мне, Санчо, на ее иноходце было простое седло или седло со спинкой?

— Да нет же, — ответил Санчо, — это было великолепное седло с короткими стременами и богатой дорожной попоной, стоимостью не менее полцарства.

— И я всего этого не видел! — горестно воскликнул дон Кихот. — Повторяю и повторю тысячу раз, Санчо, что я несчастнейший из смертных.

А плут Санчо с трудом удерживался от смеха, слушая суесбродные речи господина, которого он так ловко одурачил. Наконец, несколько успокоившись, они сели на своих скакунов и направились в Сарагосу. Дон Кихот рассчитывал принять участие в торжественных празднествах, которые ежегодно устраиваются в этом славном городе. Однако, как читатель увидит ниже, множество великих и невиданных приключений помешали нашим путникам понасть туда.

Глава 38

**о странной встрече дон Кихота с отважным рыцарем
и об усладительной беседе двух оруженосцев.**

Погруженный в глубочайшее раздумье, дон Кихот ехал по дороге, вспоминая о злой шутке, которую сыграли с ним волшебники, превратившие прекрасную сеньору Дульсинею в безобразную крестьянку. Он тщетно ломал голову над тем, каким способом вернуть своей госпоже ее настоящий облик. Он был так поглощен этими мыслями, что незаметно для себя отпустил узду Росинанта, а тот, почуяв волю, на каждом шагу останавливался и щипал зеленую траву. Санчо, видя, что господин его впал в глубокое уныние, решил подбодрить его и сказал:

— Сеньор, печали созданы не для животных, а для людей, но если люди чрезмерно им предаются, они превращаются в животных. Возьмите себя в руки, ваша милость, опомнитесь, ожи-

витесь, проснитесь и проявите бодрость, как это полагается страстующему рыцарю. Что за чорт! К чему такое уныние? Пускай сатана унесет всех Дульсиной на свете; здоровье одного странствующего рыцаря дороже, чем все волшебства и превращения в мире.

— Замолчи, Санчо, — грозно перебил его дон Кихот, — говорю тебе, замолчи, не смей так говорить о нашей очарованной сеньоре: я один виноват в ее злоключениях. Ее несчастье произошло оттого, что я своими подвигами возбудил зависть в душе могучего волшебника, моего врага.

— Да и я то же говорю, — ответил Санчо, — у всякого, кто знает, кем она была и кем стала, просто сердце переворачивается.

— Тебе-то еще ничего, Санчо. Ты ведь видел ее во всем блеске красоты, злые чары тебя не коснулись, твои глаза не были затуманены, и ее прелесть не укрылась от тебя. Вся сила колдовства была направлена только против меня. Но вот что, Санчо. Помнится, ты сказал, что глаза у нее словно жемчуг. Такие глаза бывают у рыб, а не у женщин. Мне кажется, что глаза Дульсины должны походить па два зеленых изумруда, осененных двумя арками — ее бровями. А жемчуг — это, конечно, зубы. Да, Санчо. Ты, наверное, ошибся и принял ее глаза за зубы.

— И то возможно, — ответил Санчо. — Ведь ее красота поразила меня так же сильно, как вас ее безобразие. Но оставим это. Знаете ли, ваша милость, что беспокоит меня больше всего? Положим, что вы победите какого-нибудь великана или рыцаря и велите ему язвиться к сеньоре Дульсине. Каким же образом этот бедный великан или несчастный побежденный рыцарь ее отыщет? Я словно вижу его: слоняется он дурак дураком по Тобосо и ищет сеньору Дульсинею. Ведь повстречайся он с нею лицом к лицу посреди улицы, — все равно не узнает ее.

— Возможно, Санчо, — ответил дон Кихот, — что волшебство это не простирается на побеждаемых мною великанов и рыцарей. Ведь ты же не подвластен ему и мог созерцать сеньору Дульсинею во всем блеске ее красоты. Проверить это будет не очень трудно: первых же побежденных рыцарей я пошлю в То-

босо и прикажу им вернуться и сообщить, что они видели. Тогда мы будем знать всю правду.

— Вы хорошо придумали, сеньор, — ответил Санчо. — С помощью этой хитрости мы выясним все, что нам нужно. И если окажется, что сеньора Дульсинея скрыта только от глаз вашей милости, — ну, тогда беда будет не столько ее, сколько ваша. Лишь бы она была здорова и благополучна, а сами мы как-нибудь обойдемся, занявшись поисками приключений. Все остальное мы предоставим времени: оно — лучший врач, излечивающий болезни и похуже нашей.

Беседуя таким образом, рыцарь и оруженосец продолжали свой путь. Было далеко за полночь, когда Санчо наконец заявил, что он желает закрыть ставни своих глаз. Путники спешились, и Санчо, расседлав серого, пустил его свободно пастись на сочной траве. С Росинанта же седла он не снял. Дон Кихот раз навсегда запретил ему расседлывать Росинанта, пока они находятся в походе и спят под открытым небом. Всем известно, что у странствующих рыцарей был обычай снимать с коня уздечку и привязывать ее к луке седла, но никогда не трогать седла, — храни бог! Санчо так и поступил и позволил Росинанту пастись вместе с осликом. Между этими животными была тесная и единственная в своем роде дружба. Как только коню и ослику удавалось сойтись вместе, они начинали друг друга почесывать, а потом усталый и довольный Росинант клал свою голову на шею серого, и в этой позе, задумчиво смотря в землю, простанвали они целые часы, пока голод не заставлял их снова приняться за траву. Это были настоящие друзья, такие, какие редко встречаются между людьми. Пусть читатель не обижается на то, что автор сравнивает животных с людьми, в этом нет ничего обидного. Люди получили от животных много полезных уроков: так, например, собаки научили людей благодарности, муравьи — предусмотрительности, слоны — благопристойности, лошади — верности и т. д.

Но вернемся к нашим героям. Поужинав, Санчо растянулся у подножия пробкового дерева и сразу же захрапел, а дон Кихот прилег под могучим дубом, но не успел задремать, как услы-

шал за своей спиной какой-то шум. Он вскочил на ноги и принялся всматриваться и вслушиваться, желая понять, откуда доносится шум. Тут увидел он двух всадников. Один из них соскочил с седла и сказал другому:

— Сойди с коня, друг мой, и разнуздай лошадей; мне кажется, что в этом месте для них найдется сочная трава, а для моих любовных размышлений то, что им больше всего нужно, — тишина и уединение.

Промолвив это, неизвестный так порывисто бросился на траву, что надетые на нем доспехи загремели. Дон Кихот сразу же заключил, что незнакомец — странствующий рыцарь. Подойдя к спящему Санчо, он потянул его за руку, с большим трудом растолкал его, а затем шопотом сказал:

— Братец Санчо, вот и приключение!

— Дай-то бог, чтоб хорошее! — ответил Санчо. — А где же оно, это приключение?

— Новерни-ка голову и посмотри, — сказал дон Кихот, — вон там на траве лежит странствующий рыцарь. Насколько я могу понять, он не слишком весел. Я видел, как он соскочил с лошади и бросился на землю, повидимому, чем-то очень расстроенный.

— Но почему же вашей милости кажется, — спросил Санчо, — что это — приключение?

— Я не хочу сказать, — ответил Дон Кихот, — что это уже и есть само приключение. Нет, это только его начало, ибо все приключения так начинаются. Но слушай, он, кажется, настраивает лютню или виолу, сплевывает и прочищает горло, словно собирается петь.

— Честное слово, вы правы, — ответил Санчо, — это не иначе, как влюбленный рыцарь.

— Странствующий рыцарь не может не быть влюбленным, — заявил дон Кихот. — Послушаем: по его песне мы узнаем, что у него на душе.

Не успел Санчо ответить своему господину, как незнакомец затянул песню. Пел он не то чтобы плохо, но и не очень хорошо. Тем не менее друзья со вниманием слушали его.

Сеньора, дайте мне для исполненья
 Наказ, согласный вашей точной воле, —
 В таком почете будет он и холе,
 Что ни на шаг не встретит отклоненья.
 Угодно ль вам, чтоб, скрыв свои мученья,
 Я умер, — нет меня на свете боле!
 Хотите ль вновь о злополучной доле
 Слыхать? — Амур исполнит порученье.
 Я мягкий воск в душе соединяю
 С алмазом крепким, — и готовы оба
 Любви высокой слушать приказанья.
 Вот — воск иль камень, — вам предоставляю:
 На сердце вырежьте свое желанье, —
 И сохранять его клянусь до гроба.

Кончив свою песню, неизвестный рыцарь воскликнул: «ах!»
 Казалось, что стон этот вырвался из самой глубины его сердца.
 Вскоре затем он заговорил жалобным и скорбным голосом:

— О прекраснейшая и бесчувственнейшая из всех женщин на свете! Неужели, светлейшая Касильдея Вандальская, ты позволишь плененному тобой рыцарю погибнуть в вечных страданиях и в тяжелых и суровых трудах? Разве тебе не довольно, что по моему приказу все рыцари Наварры, Леона, Тартесии, Кастилии и, наконец, Ламанчи признали тебя прекраснейшей дамой во всем мире?

— Это неправда! — вскричал дон Кихот. — Я — рыцарь из Ламанчи, и я никогда этого не признавал, да и не мог и не должен был признавать, ибо это наносит ущерб славе моей дамы. Теперь ты видишь, Санчо, что этот рыцарь бредит. Впрочем, послушаем дальше; быть может, он выскажется еще яснее.

— Конечно, выскажется, — ответил Санчо, — по всему видно, что он готов голосить хоть целый месяц подряд.

Однако произошло иначе, чем думал Санчо. Неизвестный рыцарь, услышав, что кто-то неподалеку разговаривает, прекратил свои жалобы, поднялся на ноги и сказал приветливым голосом:

— Кто там? Что вы за люди? Принадлежите ли вы к числу радующихся или скорбящих?

— Скорбящих, — ответил дон Кихот.

— Тогда подойдите ко мне, — сказал неизвестный рыцарь, — и знайте, что вы подходите к воплощению печали и скорби.

Услышав такой дружелюбный и учтивый ответ, дон Кихот подошел поближе, и Санчо последовал за ним. Возносивший жалобы рыцарь схватил дон Кихота за руку и сказал:

— Присядьте сюда, сеньор рыцарь, ибо я догадываюсь, что вы принадлежите к ордену странствующих рыцарей. Это ясно из того, что я встречаю вас здесь, где вам сопутствует одно лишь уединение да ясное небо. Только странствующий рыцарь может избрать своим ночным приютом это пустынное место.

На это дон Кихот ответил:

— Вы правы, я действительно рыцарь этого ордена; в душе моей, как в собственном жилище, давно уже поселились печаль, тоска и скорбь, но, несмотря на это, в сердце моем не угасло сострадание к чужому горю. Из песни, которую вы недавно пели, я заключил, что ваши страдания порождены любовью к той жестокой красавице, к которой вы обращали ваши жалобные мольбы.

Беседуя таким образом, они мирно сидели рядом на земле, не подозревая о том, что на рассвете они примутся тузить друг друга.

— Теперь поведайте мне, сеньор рыцарь, — сказал неизвестный рыцарь дон Кихоту, — не влюблены ли вы?

— О, да! Влюблен — себе на горе, — ответил дон Кихот. — Впрочем, любя достойную даму, мы должны почитать наши любовные страдания благом, а не бедствием.

— Вы были бы вполне нравы, — заявил неизвестный рыцарь, — если бы чрезмерное презрение наших дам не помрачало нашего рассудка и мыслей.

— Моя дама никогда меня не презирала, — возразил дон Кихот.

— Конечно, не презирала, — подтвердил стоявший поблизости Санчо, — ибо моя госпожа кротка, как овечка, и мягка, как масло.

— Это — ваш оруженосец? — спросил неизвестный рыцарь.

— Да, — отвечал дон Кихот.

— Я никогда еще не видел, — сказал неизвестный рыцарь, — чтобы оруженосец осмеливался говорить в то время, как говорит его господин. Вот стоит мой оруженосец; ростом он не ниже своего собственного отца, но я смело утверждаю, что он никогда в жизни не вмешивался при мне в беседу.

— Ну, а я говорю, — возразил Санчо, — и не побоюсь говорить перед таким... ну, не буду доканчивать. Я могу и помолчать.

Тогда оруженосец неизвестного рыцаря взял Санчо за руку и сказал:

— Отойдем-ка, друг, в сторону да поговорим на свободе, о чем нам вздумается. Пусть сеньоры, наши господа, ломают копья, рассказывая друг другу о своих любовных историях. Они, наверное, проговорят до рассвета, да и то не кончат.

— В добрый час, — ответил Санчо, — а я расскажу вамей милости, кто я такой, и вы поймете, что меня нельзя равнять со всякими болтливыми оруженосцами.

Отойдя в сторону, они расположились под развесистым дубом, и между ними началась оживленная беседа.

— Нелегкую жизнь ведем мы, оруженосцы странствующих рыцарей, — сказал оруженосец неизвестного рыцаря. — Вот уж подлинно едим хлеб в поте лица своего, а ведь это — одно из проклятий, наложенных господом богом на наших праотцев.

— Вы бы также могли сказать, — ответил Санчо, — что мы едим хлеб в муках нашего тела, ибо кто больше несчастных оруженосцев странствующих рыцарей страдает от жары и стужи? Но это было бы еще полбеды, будь у нас этот хлеб всегда, — а то нередко случается, что целый день закусываем мы только одним ветерком.

— Но зато у нас есть надежда на награду! — возразил оруженосец неизвестного рыцаря. — Все это можно перенести и претерпеть, ибо если странствующему рыцарю, которому служит оруженосец, хоть немножко повезет, то слуга его смело может рассчитывать получить в награду какой-нибудь славенький остров или весьма приятное графство.

— Я уже заявлял своему господину, — ответил Санчо, — что меня вполне удовлетворит управление островом; и мой господин так благороден и щедр, что неоднократно мне его обещал.

— А я буду доволен, — сказал оруженосец рыцаря Леса (так мы будем называть нового рыцаря), — если меня за мою службу сделают каноником. Мой господин уже пообещал мне отличный приход.

— Значит, — сказал Санчо, — господин вашей милости рыцарь духовного ордена, раз он может жаловать такие награды своим добрым оруженосцам. А мой господин — лицо светское. Правда, умные люди пытались уговорить его сделаться архиепископом. Но, к счастью, он не согласился, а то я прямо дрожал от страха, как бы ему не приглянулось духовное звание, ибо я чувствую себя решительно неспособным исполнять духовную должность.

— Честное слово, вы заблуждаетесь, ваша милость, — возразил другой оруженосец. — Духовная должность может оказаться доходнее иного острова, ибо не все острова хороши: бывают среди

них бедные и унылые. К тому же, даже самые плодородные и богатые налагают тяжелое бремя забот и тревог на того несчастного, кому они достаются в управление. Я думаю, что нам с вами, изнемогающим в должности оруженосцев, было бы куда выгоднее отказаться от этой затеи. Всего лучше не ждать от наших господ никаких островов, графств и духовных должностей, а вернуться во-свояси и заняться более приятными делами — охотой, например, или рыбной ловлей; у любого оруженосца найдется пара борзых да удочки; стало быть, ему есть чем поразвлечься у себя в деревне.

— Все это у меня есть, — ответил Санчо. — Вот только лошади нет; зато у меня есть ослик, много лучше коня моего господина. Пусть господь не даст мне счастливо встретить ближайшую Пасху, если я соглашусь променять моего осла на его коня, хотя бы в придачу он дал мне еще четыре меры ячменного зерна. Ваша милость решит, что я шучу, если я стану перечислять все достоинства моего серого. И борзые у меня найдутся; ведь у нас в деревне их не занимать стать, а охота особенно приятна, когда охотишься за чужой счет.

— Клянусь, сеньор оруженосец, — ответил Санчо его собеседник, — я решил бросить все эти рыцарские сумасбродства, вернуться к себе в деревню и воспитывать детишек, — у меня их трое, и все словно восточные жемчужины.

— А у меня — двое, — сказал Санчо, — да таких, что их не стыдно повезти во дворец к самому папе, особенно девочку. Наперекор матери я собираюсь сделать ее графиней, ежели будет на то милость божия.

— А сколько лет этой сеньоре, которая готовится в графини? — спросил оруженосец рыцаря Леса.

— Около нятнадцати, — ответил Санчо, — но она ростом не ниже копья, свежа, как апрельское утро, и сильна, точно поденщик. И я только о том и молю господа бога, чтобы он привел меня поскорее свидеться с моей семьей и избавил от смертного греха, или (что то же самое) от опасной службы оруженосца. Я уже попробовал ее однажды и ни за что не взялся бы за нее снова. Меня соблазнил только кошелек с сотней дукатов, который мне удалось найти в прошлый раз в глухом ущелье

Сиерра Морены. С тех пор дьявол дразнит меня золотыми монетами. Ну так и водит ими перед глазами; каждую минуту мне мерещится, что я хватаю мешок с деньгами, прижимаю его к груди и тащу домой, а там покупаю себе землю и живу, как принц. Когда я об этом думаю, я легко переношу все муки, что выпадают мне на долю на службе у моего свихнувшегося хозяина. Ибо, говоря по совести, он более похож на сумасшедшего, чем на рыцаря.

— Вот потому и говорится, — ответил второй оруженосец, — что жадность мешки рвет. Но раз мы уже заговорили о сумасшедших, то скажу вам, что большего безумца, чем мой господин, на свете не сыщешь. Он принадлежит к тому роду людей, о которых говорится: подыхает осел от чужих забот. Подумайте-ка, только для того, чтобы вернуть другому рыцарю рассудок, он сам сделался сумасшедшим и отправился на поиски того, от чего ему самому, быть может, первому непоздоровится.

— А может, он влюблен? — спросил Санчо.

— Да, — ответил слуга неизвестного рыцаря, — он влюблен в некую Касильдею Вандальскую, а другой сеньоры с таким крутым нравом во всем мире не сыщется. Впрочем, его этим не испугаешь. У него в голове бездна всяких затей и козней. Вы скоро в этом убедитесь.

— И на самой прямой дороге есть ухабы, — сказал Санчо. — В других домах изредка варят бобы, а у меня их полные котлы. У безумия, видно, больше спутников, чем у мудрости; но если справедлива поговорка, что товарищи по несчастью приносят нам облегчение, то, значит, и я могу утешиться в обществе вашей милости, раз рыцарь, которому вы служите, такой же безумец, как мой господин.

— Он безумец, но зато храбрец, — возразил другой оруженосец, — а хитрости в нем будет побольше, чем безумства и храбрости.

— Ну, мой-то совсем не такой, — ответил Санчо, — никакой хитрости в нем нет. Душа у него открыта, как кувшин; никому он зла не причиняет, всем делает добро. Нет в нем ни капли

лукавства: любой ребенок убедит его, что сейчас ночь, когда на самом деле полдень. За это простодушие я и люблю его всем сердцем и, несмотря на все его сумасбродства, никак не могу решиться покинуть.

— А все-таки, братец мой и сеньор, — возразил слуга рыцаря Леса, — когда один слепец ведет другого, оба рискуют свалиться в яму. Искатели приключений нередко наталкиваются на приключения вовсе не приятные и даже опасные. Поэтому я думаю, не лучше ли было бы нам оставить наших рыцарей и вернуться домой.

Во время этого разговора Санчо каждую минуту сплевывал слюну. Другой оруженосец подметил это и сказал:

— Мне кажется, что мы так много говорили, что у нас языки прилипли к гортани. Но подождите, братец: у меня на луке седла висит неплохое средство против этого.

Он встал и вскоре возвратился обратно с большим бурдюком вина и пирогом длиной в целый локоть. В пироге был запечен кролик таких размеров, что Санчо, пощупав его, решил, что это не кролик, а целый козел. Увидев такое угощение, он спросил:

— И этикие вещи, сеньор, вы всегда возите с собой?

— А вы что же думаете? — ответил тот. — Разве я похож на какого-нибудь завалящего оруженосца? Ни один генерал в походе не возит с собой таких запасов, какне навьючены на мою лошадь.

Не заставляя себя упрашивать, Санчо стал есть и, глотая впопыхах куски величиной с канатные узлы, сказал:

— Вы, ваша милость, поистине верный и преданный оруженосец, настоящий, великолепный и пышный, как это доказывает пир, устроенный вами, словно по волшебству. Не то, что я, несчастный: у меня в сумках всего-навсего кусок твердого сыра, которым можно проломить голову любому великану, да дюжины четыре сладких стручков и орехов. А все потому, что господин мой держится того правила, что странствующие рыцари не должны вкушать ничего, кроме сухих плодов и полевых трав.

— Клянусь честью, братец, — возразил другой оруженосец, — мой желудок не приспособлен для орехов, диких груш и лесных кореньев. Пускай себе наши господа держатся каких угодно правил и едят, что им вздумается, — у меня всегда припасено холодное мясо, да на всякий случай к седлу подвешен бурдючок с вином. Я его так люблю, что то и дело обнимаю.

С этими словами он сунул в руки Санчо бурдючок, и тот, принавивши ртом к его горлышку, с четверть часа глядел на звезды. Кончив пить, он склонил голову набок и с глубоким вздохом сказал:

— Ну и хорошо вам впицо, братец. Однако, ради всего святого, скажите мне, сеньор: это вино не из Сьюдад Реаль?

— Да вы настоящий знаток! — воскликнул тот. — Оно действительно оттуда, и ему уже немало лет отроду.

— Ну, по части вина, — ответил Санчо, — я никогда не ошибусь. Представьте себе, сеньор оруженосец, — у меня такие способности распознавать вино, что стоит мне только его понюхать, и я сейчас же вам скажу, из какой оно области, какого сорта, какой у него вкус и как оно выдержано. Впрочем, тут нечему удивляться, ибо в моем роду было два таких замечательных знатока, каких уже много, много лет не бывало в Ламанче. Послушайте-ка, что с ними однажды случилось. Как-то раз дали им на пробу вина из бочки и попросили сказать свое мнение о его достоинствах и недостатках. Первый попробовал вино кончиком языка, а другой только понюхал его. Первый сказал, что оно отдает железом, а второй сказал, что оно скорее пахнет кожей. Хозяин вина заявил, что бочка — чистая, что вино еще не было разлито и что ему не с чего отдавать ни железом, ни кожей. Но два знаменитых знатока тем не менее упорно стояли на своем. Прошло немного времени, вино было продано, и когда опорожнили бочку, то на дне ее нашли маленький ключик на кожаном ремешке. Теперь вы понимаете, ваша милость, что человек такой породы и сам может кое-что смыслить в винах.

— Что уж тут и говорить, — ответил другой оруженосец, — вот потому-то я и считаю, что нам не надо ввязываться ни в какие приключения. Зачем нам пирожки, когда есть каравай. Вер-

немся-ка лучше в свои хижины, а если богу будет угодно, то он и там нас найдет.

— Я должен сопровождать моего господина до Сарагоссы, — сказал Санчо, — а там уж мы подумаем, что делать дальше.

Наконец наши добрые оруженосцы наговорились и напились до того, что сну пришлось связать им языки. Они заснули с недожеванными кусками пирога во рту, ухватившись за почти пустой бурдючок. Теперь мы их оставим и повеедем читателю, о чем беседовали неизвестный рыцарь и рыцарь Печального Образа.

Глава 39,

в которой выясняется, кто такие были неизвестный рыцарь и его оруженосец.

После долгой беседы с дон Кихотом неизвестный рыцарь сделал ему наконец такое признание:

— Сеньор рыцарь, да будет вам известно, что по воле судьбы или, точнее, по собственному моему выбору, я влюбился в несравненную Касильдею Вандальскую. Я называю ее несравненной, ибо никто не может сравниться с нею ни высотой роста, ни благородством происхождения, ни красотой. И вот моя жестокая и гордая Касильдея, подобно мачехе Геркулеса,⁶⁶ велела мне совершить множество опасных подвигов. Когда я выходил победн-

телем из одного испытания, она обещала мне, что следующее будет последним и тогда она наградит меня за верность. По цени моих подвигов все удлинняется, и я уже не в силах их сосчитать и не знаю, когда же кончится мой искуc. Однажды она велела вызвать на поединок знаменитую севильскую великаншу Хиральду.⁶⁷ В другой раз — поднять и взвесить гигантских каменных быков Гисандо,⁶⁸ — дело, более подходящее для грузчиков, чем для рыцаря. Затем она приказала мне броситься в пропасть на горе Кабра⁶⁹ и потом рассказать ей, что скрывается в этой мрачной бездне. Я совершил все эти подвиги: я победил Хиральду, поднял быков Гисандо, бросился в пропасть Кабра. И что же? Всего этого ей показалось мало. Недавно она велела мне объехать все провинции Испании и заставить всех встретившихся на моем пути странствующих рыцарей признать, что красотой своей она превзошла всех женщин и что я — самый отважный и влюбленный рыцарь в мире. Исполняя ее волю, я объездил почти всю Испанию и победил множество рыцарей, осмелившихся мне противоречить. Но особенно горжусь я тем, что победил наедине прославленного рыцаря дон Кихота Ламанчского и заставил его признать, что моя Касильдея прекраснее его Дульсинеи. Но-моему, одна эта победа равняется победам над всеми рыцарями на свете, ибо дон Кихот, о котором я вам рассказываю, всех их победил, а, следовательно, раз я победил его, то его слава, честь и величие принадлежат мне:

Ведь победителям тем больше чести,
Чем в высшем состоит противник месте.

Дон Кихот с изумлением слушал неизвестного рыцаря, тысячу раз порываясь перебить его и крикнуть, что он лжет. Однако он сдержал себя, ему хотелось, чтобы собеседник сам сознался в своей лжи. Поэтому он спокойно ответил:

— Весьма возможно, ваша милость сеньор рыцарь, что вы победили почти всех странствующих рыцарей Испании и, если угодно, всего света. С этим я не стану спорить. Но я сомневаюсь в том, что вы победили дон Кихота Ламанчского. Быть может, вы победили кого-нибудь другого, похожего на него, хотя, впрочем, едва ли найдется человек, на него похожий.

— Как другого! — воскликнул рыцарь Леса. — Клянусь небом, я бился на поединке именно с дон Кихотом, победил его и заставил просить у меня пощады. Хотите, я опишу его вам. Это — человек высокого роста, тощий и долговязый, с худощавым лицом и орлиным носом; волосы у него с проседью, усы черные, падающие вниз. Сражается он под именем рыцаря Печального Образа, а оруженосцем при нем состоит крестьянин, по имени Санчо Панса; он сжимает бока и правит поводьями знаменитого коня по имени Росинант, и, наконец, его дама сердца — некая Дульсинея Тобосская, в свое время называвшаяся Альдонсой Лоренсо. А если вы все еще не верите моим словам, то вот мой меч, — он заставит вас поверить, если б вы даже были воплощением неверия.

— Успокойтесь, сеньор рыцарь, и выслушайте меня, — сказал дон Кихот. — Прежде всего узнайте, что дон Кихот, о котором вы рассказываете, мой самый близкий друг. Мы так с ним дружны, что можно сказать, он и я — один человек. Вы описали этого рыцаря настолько точно, что я должен поверить, что вы победили именно его. Однако мои глаза и руки убеждают меня в противном. Остается только предположить, что кто-нибудь из врагов-волшебников принял образ этого доблестного рыцаря, чтобы позволить вам одержать над ним победу и тем лишить его всемирной славы. Недаром же всего несколько дней тому назад они исказили образ прекрасной Дульсины Тобосской, превратив ее в грубую и неуклюжую крестьянку. Весьма вероятно, что кто-нибудь из них принял образ дон Кихота, чтобы дать вам случай одержать над ним победу. А если мои слова не убеждают вас, так вот перед вами сам дон Кихот. Он докажет вам это с оружием в руках, в пешем или конном бою — как вы пожелаете.

С этими словами он вскочил на ноги и схватился за меч. Собеседник его тоже поднялся и ответил спокойным голосом:

— Хороший плательщик, сеньор дон Кихот, никогда не бонтся залога. Одержавший победу над вашим двойником, кто бы он там ни был, вправе питать надежду одолеть и вас самого. Но сейчас ночь, а рыцарям не подобает сражаться в потемках, подобно ворах и разбойникам. А потому дождемся дня, пусть солнце будет свидетелем наших подвигов. Но я ставлю непременно

ним условием нашего поединка, чтоб побежденный признал волю победителя и повиновался бы всем его приказаниям, если только в них не будет заключаться ничего унижительного для рыцаря.

— Я принимаю ваше условие, — сказал дон Кихот.

Затем оба отправились к своим оруженосцам, которые крепко спали около бурдючка с вином. Рыцари разбудили их и велели приготовить коней, ибо на рассвете между ними должна произойти неслыханная, кровавая, опаснейшая битва. При этой вести Санчо очень встревожился: оруженосец неизвестного рыцаря столько наговорил ему о доблести своего господина, что он не на шутку опасался за жизнь дон Кихота. Тем не менее оба оруженосца, не проронив ни слова, пошли за лошадьми, которые успели тем временем свести знакомство и паслись вместе.

По дороге оруженосец рыцаря Леса сказал Санчо:

— Должен вам сообщить, братец, что у нас в Андалузии существует обычай, чтобы оруженосцы не стояли сложа руки, в то время как рыцари дерутся. Поэтому имейте в виду, что во время поединка наших господ мы также обязаны подраться.

— Этот обычай, сеньор оруженосец, — ответил Санчо, — может нравиться только забиякам, но никоим образом не касается оруженосцев странствующих рыцарей. По крайней мере мой господин никогда не говорил мне о подобных обычаях, а он наизусть знает устав странствующего рыцарства. Но пускай даже все это правда; пускай действительно есть такое правило, чтобы оруженосцы дрались во время поединка своих господ, — все же я предпочту не исполнять его. Я согласен лучше заплатить пеню, налагаемую на миролюбивых оруженосцев. Я уверен, что она не превышает каких-нибудь двух фунтов воска, и я охотно отдам эти два фунта: это обойдется мне дешевле, чем корния и бинты для ран. Мне уж и сейчас кажется, что череп у меня проломлен. А кроме того, у меня нет меча, да и отроду его не было.

— Ну, этой беде не трудно пособить, — ответил другой оруженосец: — я захватил с собой два полотняных мешка одинаковых размеров; вы возьмете один, а я — другой, и мы будем сражаться равным оружием.

— Ну, на это я согласен. В таком бою раненых не будет. Мы только выколотим пыль друг из дружки, — ответил Санчо.

— Положим, не совсем так, — возразил тот. — Чтобы ветер не унес наших меников, мы положим в них по полдюжины гладких камешков. Тогда мы сможем пошлепать друг дружку без всякой опасности для жизни, но все же так, чтобы подольше не забыть приятной встречи.

— Полюбуйтесь, пожалуйста, пропади прахом мой батюшка, — воскликнул Санчо, — каким пухом да ватой хочет он набить мешки, чтобы головы у нас остались целы, а из костей не получилась каша. Ну, нет! Набейте ваши меники шелковыми коконами, — я и тогда не стану драться. Вот нашли дурака! Пускай себе дерутся наши господа, дай им бог здоровья, а мы будем пить и есть в свое удовольствие. Время само позаботится пресечь нашу жизнь, так незачем нам торопиться закончить свои дни раньше положенного срока.

— А все-таки, — снова возразил другой оруженосец, — нам следует подраться хотя бы с полчаса.

— Ни за что! — ответил Санчо. — С чего мне драться с вами? Я не такой уж неблагодарный невежа, чтобы заводить ссору с человеком, с которым только что ел и пил. Тем более, что вы ничем не обидели меня.

— Ну, за этим дело не станет, — сказал тот. — Когда господа наши вступят в бой, я подойду к вашей милости и залезлю вам три или четыре оплеухи. Тогда гнев у вас наверное пробудится, хотя бы вы были сонливы, как сурок.

— На такую любезность, — ответил Санчо, — у меня найдется скорый ответ: я схвачу дубинку, и, прежде чем ваша милость успеет разбудить во мне гнев, я надаю вам таких затрепчин, что ваш собственный гнев заснет и проснется разве только на том свете. Не такой я человек, чтобы позволить щекотать себе под посом. Пусть всякий держит ухо востро, а главное — пусть никогда не приводит своего ближнего в ярость. Ведь никто не знает, что у другого на душе. Бывает, что пойдешь стричь барана, а тебя самого остригут. Даже несчастный кот, когда его травят да загоняют в угол, дерется словно лев. А я ведь чело-

век, так одному богу известно, что я могу натворить, когда меня раздражат. И потому я заранее заявляю вашей милости, сеньор оруженосец, что вы будете отвечать за все убытки и изъятия, которые произойдут от нашей драки.

— Ну, ладно, — ответил тот, — утро вечера мудренее.

Тем временем на ветвях деревьев уже начали щебетать тысячи пестрых птичек. Казалось, что они своими песенками приветствуют красавицу зарю, которая появилась на востоке, сияя красотой своего лица и отряхая с волос сверкающие капли. Ивы источали сладкую манну,⁷⁰ источники смеялись, ручьи журчали, леса ликовали, а поля еще богаче зеленели, встречая зарю.

Однако это радостное утро не принесло отрады Санчо Пансе. Первое, что бросилось ему в глаза при свете наступающего дня, был огромный нос оруженосца неизвестного рыцаря. Этот чудовищный нос был лилового цвета, с горбом посередине, и весь

покрыт бородавками; он свешивался на два пальца ниже рта и придавал такое отвратительное выражение лицу оруженосца, что Санчо весь затрясся словно ребенок, с которым приключился родимчик. Он тотчас же решил, что скорее согласится получить двести пощечин, чем прогневить чудовище, а тем более лезть с ним в драку.

Дон Кихот, в свою очередь, взглянул на противника, но тот уже опустил забрало так, что наш рыцарь не мог разглядеть его лица. Видно было только, что незнакомец — человек коренастый, не очень высокого роста. Поверх доспехов на нем была накинута епанча, сотканная, казалось, из нитей чистого золота и усеянная множеством маленьких сверкающих зеркалац в форме полулун, что придавало наряду чрезвычайно пизящный и пышный вид. На его шлеме развевалось множество зеленых, желтых и белых перьев; его огромное копьё стояло у дерева.

Дон Кихот рассмотрел все это внимательно и решил, что его противник должен обладать огромной силой. Однако это несколько не утратило его, напротив, он непринужденно и смело обратился к рыцарю Леса и сказал:

— Если воинственный пыл, сеньор рыцарь, не умалил вашей любезности, то прошу вас — поднимите забрало и позвольте мне убедиться, что ваше лицо дышит такой же отвагой, как и весь ваш облик.

— Чем бы ни окончился наш бой, сеньор рыцарь, — ответил рыцарь Леса, — вашей победой или поражением, у вас будет достаточно времени, чтобы рассмотреть меня. Но сейчас я не могу удовлетворить ваше желание: мне кажется, что я нанесу явную обиду прекрасной Касильдее Вандальской, если буду тратить время на то, чтобы поднимать забрало. Мое дело — немедленно заставить вас признать ее превосходство над всеми дамами.

— Во всяком случае, — возразил наш рыцарь, — вы обязаны мне сказать, действительно ли я, дон Кихот Ламанчский, тот рыцарь, которого вы, по вашим словам, победили.

— На это я вам отвечу, — сказал рыцарь Леса, — что вы похожи на побежденного мною рыцаря, как одно яйцо похоже на другое. Но так как вы утверждаете, что вас, рыцаря дон Ки-

хота Ламанчского, преследуют злые волшебники, то я не берусь утверждать, что вы и он одно и то же лицо.

— Этого мне довольно, чтобы убедиться в вашем заблуждении, — сказал дон Кихот, — по оно рассеется, как только нам приведут наших коней; с помощью божьей, моей дамы и моего меча, мне понадобится меньше времени, чтобы увидеть ваше лицо, чем понадобилось бы вам, чтобы поднять забрало. Тогда вы убедитесь, что я — не тот побежденный вами рыцарь, за которого вы меня принимаете.

На этом разговор и кончился. Они вскочили на коней, и дон Кихот повернул Росинанта, чтобы как следует разогнать лошадь при нападении на противника; то же сделал и рыцарь Леса. Но не успел дон Кихот отъехать на двадцать шагов, как рыцарь Леса закричал ему:

— Помните же, сеньор рыцарь, наш уговор: побежденный отдает себя во власть победителя.

— Номню, — отвечал дон Кихот, — но при этом победитель не может приказать и повелеть побежденному ничего такого, что противоречило бы правилам рыцарства.

— Разумеется, — сказал рыцарь Леса.

В это время дон Кихот случайно взглянул на необычайный нос оруженосца и был поражен его размерами и цветом не менее, чем Санчо. Он решил, что это какое-то чудовище из тех, что описываются в сказках, или новая порода человека, еще нигде не встречавшаяся. Санчо же, увидев, что дон Кихот отъехал в сторону, не пожелал оставаться наедине с носачом, боясь, как бы тот не завязал с ним драки. Поэтому он вприпрыжку побежал за своим господином. Когда же дон Кихоту пришлось повернуть Росинанта обратно и броситься на своего противника, Санчо воскликнул:

— Умоляю вас, ваша милость, прежде чем вы устремитесь навстречу врагу, помогите мне взобраться на этот дуб. Оттуда мне будет удобнее наблюдать за вашим поединком с этим рыцарем.

— Вернее сказать, Санчо, — ответил дон Кихот, — ты хочешь взобраться повыше на подмости, чтобы в полной безопасности смотреть на бой быков.

— Скажу вам правду, — ответил Санчо, — чудовищный нос этого оруженосца внушает мне такой ужас, что я не решаюсь оставаться с ним наедине.

— Да, нос у него такой, — сказал дон Кихот, — что, не будь я дон Кихотом, я бы тоже испугался. Ну, что же, иди сюда, я помогу тебе взобраться на дерево.

Пока дон Кихот подсаживал своего оруженосца на дуб, рыцарь Леса отъехал на положенное расстояние. Думая, что дон Кихот готов к битве, он повернул своего коня и поскакал на встречу противнику. Увидя, однако, что дон Кихот подсаживает Санчо на дерево, он натянул поводья и остановился на полпути. Но дон Кихоту показалось, что противник уже насккивает на него. Поэтому он так яростно вонзил шпоры в тощие бока Росинанта, что конь в первый раз в жизни пустился вскачь. При виде мчавшегося на него дон Кихота, рыцарь Леса начал изо всех сил шпорить свою лошадь, которая была ничем не лучше Росинанта.

Однако лошадь заупрячилась и не хотела двинуться с места; а пока он расправлялся с упрямым животным, дон Кихот налетел на него с такой стремительностью, что бедный рыцарь не успел даже взять копьё наперевес. Он получил могучий удар в грудь, перелетел через круп лошади и так грохнулся оземь, что не мог более пошевелить ни рукой, ни ногой, словно убитый на смерть.

Как только Санчо заметил, что противник дон Кихота упал, он слез с дуба и опрометью бросился к своему господину. А дон Кихот спрыгнул с Росинанта, подбежал к рыцарю Леса и принялся отстегивать его шлем, чтобы узнать, не убит ли он, и вдруг увидел... Но как сказать, кого он увидел, не возбудив в читателе удивления, изумления и ужаса? Он увидел лицо, облик, внешность, наружность, образ и подобие самого баксылавра Самсона Карраско! Пораженный изумлением, он громко закричал:

— Беги сюда, Санчо, взгляни на него! Ты не поверишь своим глазам. Скорей, сынок, посмотри, что может сделать магия, и как могущественны колдуны и волшебники.

Санчо подбежал, взглянул на лицо поверженного рыцаря и

принялся креститься и поминать святых. Затем, испуганный и удивленный свыше всякой меры, он сказал дон Кихоту:

— Мое мнение таково, сеньор мой, что вам бы следовало всадить ваш меч в рот этого оборотня, прикинувшегося бакалавром Самсоном Карраско. Как знать! Быть может, вы уничтожите одного из ваших врагов-волшебников.

— Ты прав, Санчо, — ответил дон Кихот, — ибо чем меньше врагов, тем лучше.

И он обнажил меч, чтобы привести в исполнение совет Санчо, но как раз в эту минуту подбежал оруженосец рыцаря Леса. Он совершенно преобразился; его страшный лиловый нос куда-то исчез. Оруженосец кричал:

— Остановитесь, ваша милость сеньор дон Кихот. Что вы делаете? Ведь у ваших ног лежит ваш друг бакалавр Самсон Карраско, а я его оруженосец.

— А где же твой нос? — вне себя от изумления закричал Санчо, перебивая его.

— Он у меня здесь, в кармане, — ответил тот и вытащил маскарадный нос из лакированного картона.

А Санчо, взглядевшись попристальней в оруженосца, изумленно воскликнул:

— Святая Мария, помилуй меня! Да ведь это мой сосед и кум Томе Сесьяль.

— А то кто же? — отвечал оруженосец, лишенный своего страшного носа. — Да, я Томе Сесьяль, друг мой и кум Санчо Панса. Потом я расскажу вам, как я сюда попал. Но, ради бога, упрсите сеньора вашего господина, чтобы он не убивал рыцаря Леса. Клянусь вам всеми святыми, что это не кто иной, как дерзкий и безрассудный бакалавр Самсон Карраско, наш односельчанин.

Между тем рыцарь Леса пришел в себя. Тогда дон Кихот приставил к его горлу острие обнаженного меча и сказал:

— Вы умрете, рыцарь, если не признаете, что несравненная Дульсинея Тобосская превосходит своей красотой вашу Касильдосу Вандальскую. Вы должны также обещать мне отправиться в город Тобосо и рассказать моей даме все, что случилось. Затем вы вернетесь ко мне — слава моих подвигов позволит вам найти

мепя — и поведаете мне о вашей встрече с владычицей моего сердца. Вы видите, что мои требования не нарушают обычаев странствующих рыцарей и не противоречат нашему уговору.

— Признаю, — отвечал поверженный рыцарь, — что грязный и рваный башмак сеньоры Дульсиныи Тобосской лучше, чем нечесаная, но опрятная борода Касильдеи, и обещаю отправиться к вашей даме, вернуться обратно и дать вам подробный отчет, которого вы от меня требуете.

— Кроме того, я требую, чтобы вы признали, — продолжал дон Кихот, — что побежденный вами некогда рыцарь не был и не мог быть дон Кихотом Ламанчским, несмотря на свое сходство с ним. А я со своей стороны признаю и верю, что хотя вы кажетесь бакалавром Самсоном Карраско, но все же вы — не он, а кто-то другой. Это мои враги придали вам его вид, чтобы и отнесся к вам с меньшей суровостью, чем следовало.

— Все это я признаю, допускаю и принимаю, — ответил лежащий на земле рыцарь. — А теперь позвольте мне встать, если только я в силах это сделать. Я порядком расшибся и чувствую себя очень слабым.

Дон Кихот, вместе с Томе Сесьялем, помог ему подняться. Между тем Санчо стоял, не спуская глаз с своего кума, и осыпал его разными вопросами. Ответы оруженосца с полной убедительностью доказывали, что перед Санчо действительно был настоящий Томе Сесьяль. Но слова дон Кихота о проделках злых волшебников, которые превратили рыцаря Леса в бакалавра Карраско, настроили Санчо так подозрительно, что он никак не мог поверить своим собственным глазам. Окончательно разрешить свое недоумение он так и не успел. Едва поднявшись на ноги, рыцарь Леса поспешил взгромоздиться на своего коня и вместе со своим оруженосцем тотчас покинул место ноединка. А дон Кихоту и Санчо не оставалось ничего другого, как продолжать свой путь в Сарагоссу.

Наш рыцарь был весьма доволен исходом ноединка. Он считал рыцаря Леса блестящим воином и очень гордился победой над ним. Кроме того, полагаясь на рыцарское слово противника, он надеялся получить от него достоверные известия о своей даме и ее судьбе. Дон Кихот не сомневался, что такой блестящий рыцарь сдержит свое слово и вернется поведать ему о своем свидании с Дульсинеей.

По одно думал дон Кихот, а другое — рыцарь Леса. Этот рыцарь забыл уже о своих обещаниях и мечтал только о том, как бы поскорее перевязать раны.

Чтобы понять описанное нами происшествие, пусть читатель вспомнит, как в свое время бакалавр Самсон Карраско, обманув ожидания экономки и племянницы, посоветовал дон Кихоту продолжать жизнь странствующего рыцаря. Дело в том, что перед этим он долго совещался со священником и цырюльником о том, как заставить дон Кихота тихо и смирно сидеть дома, а не гоняться за злополучными приключениями. На этом совещании все единодушно пришли к заключению, что никакими уговорами дон Кихота не переубедишь, поэтому пусть он едет куда хочет. Самсон же Карраско, переодетый странствующим рыцарем, отправится вслед за ним. Встретившись якобы случайно с дон Кихотом, он вызовет его на поединок — повод для этого всегда найдется — и, конечно, победит. А перед боем рыцарь-бакалавр условится

с противником, что побежденный отдает себя во власть победителя, и, победив дон Кихота, прикажет ему вернуться в деревню и не отлучаться из нее в течение двух лет. Никто не сомневался, что побежденный дон Кихот свято исполнит это приказание, дабы не нарушить законов рыцарства. Ну, а за время своего вынужденного пребывания в деревне он, быть может, сам позабудет о своих сумасбродствах, или друзьям удастся подыскать какое-нибудь лекарство от его безумия.

Баккалавр взял на себя роль рыцаря, а в качестве оруженосца предложил ему свои услуги Томе Сесьяль, кум и сосед Санчо Пансы, человек веселый и дурачливый. Самсон надел рыцарские доспехи, а Томе Сесьяль, чтобы Санчо не узнал его при встрече, приснособил себе приставной маскарадный нос. Затем поехали они по той же дороге, что и дон Кихот, и настигли его в лесу. О том, чем кончилась вся эта затея, внимательный читатель уже знает. Не будь дон Кихот убежден, что баккалавр не баккалавр, а превращенный рыцарь, бедный Карраско навсегда лишился бы возможности достичь степени лиценциата, ибо там, где он искал птиц, он не нашел даже гнезд.

Томе Сесьяль, видя, как печально завершилось их путешествие, сказал баккалавру:

— Право, сеньор Самсон Карраско, мы наказаны по заслугам; недаром говорится, что легко затеять какое-нибудь дело, да трудно из него вынутаться. Дон Кихот — сумасшедший, а мы с вами в здравом уме, — между тем он остался невредим и посмеивается, а ваша милость возвращается домой весь в синяках. Скажите-ка, кто более безумен: тот, кто сошел с ума не по своей вине, или тот, кто безумствует по доброй воле?

На это Самсон ответил:

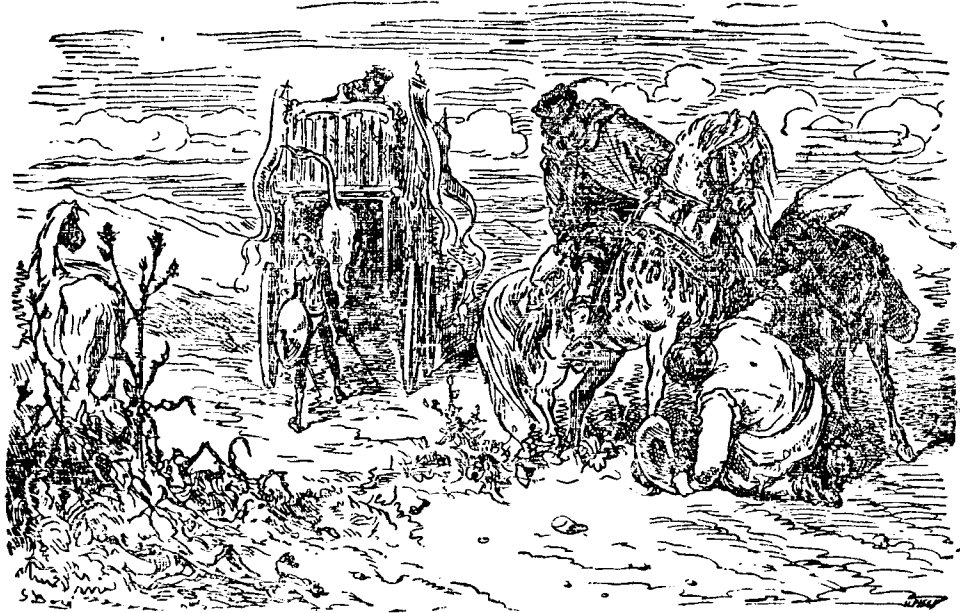
— Разница между этими сумасшедшими состоит в том, что безумец поневоле всегда таким и останется, а добровольный безумец может прийти в разум, когда ему вздумается.

— Раз это так, — ответил Томе Сесьяль, — то я, ставши оруженосцем вашей милости, сделался добровольным безумцем, а теперь добровольно желаю бросить эту службу и вернуться к себе домой.

— Поступайте, как знаете, — ответил Самсон. — Но я ни за что не вернусь домой прежде, чем не отколочу как следует дон Кихота. Теперь я буду преследовать его уже не для того, чтобы вернуть ему рассудок, а чтобы отомстить за свои унижения. У меня так сильно болят ребра, что я забыл и думать о сострадании.

Проехав несколько миль, они добрались наконец до деревни, где им посчастливилось найти костоправа, который подлечил злополучного Самсона. Томе Сесьяль покинул его и вернулся домой, а бакалавр, оставшись один, стал обдумывать свою будущую месть.

Глава 40,

**в которой описывается неслыханное мужество
дон Кихота в приключении со львами.**

Как мы уже сказали, дон Кихот продолжал свой путь, довольный и гордый, ибо он был убежден, что одержанная им победа доставила ему славу самого доблестного из всех странствующих рыцарей. Его не страшили большие козни недругов-волшебников: он забыл о бесчисленных палочных ударах, сыпавшихся на него в прошлые походы, о камне, выбившем ему половину зубов, о неблагодарности каторжников, о наглости янгуюэских погонщиков мулов, исколотивших его дубинками. Он говорил

себе, что теперь ему остается одно: во что бы то ни стало освободить от волшебных чар сеньору Дульсинею, и тогда он ни в чем не будет уступать знаменитейшим рыцарям минувших веков. Он ехал, глубоко погруженный в эти мысли, как вдруг Санчо сказал:

— Разве не забавно, сеньор, что мне все время мерещится огромный чудовищный нос моего кума Томе Сесьяля?

— Неужели ты в самом деле думаешь, Санчо, что рыцарь Леса — бакалавр Карраско, а его оруженосец — твой кум Томе Сесьяль?

— Уж не знаю, что и сказать, — ответил Санчо, — знаю только, что никто, кроме него, не мог бы так точно описать мой дом, жену и детей. А когда он снял свой нос, то стал как две капли воды похож на Томе Сесьяля. Я ведь постоянно встречаюсь с ним у нас в деревне, так как живем мы с ним совсем рядом.

— Давай рассуждать здраво, Санчо, — сказал дон Кихот. — Поди-ка сюда поближе. Ну скажи мне, чего ради бакалавр Самсон Карраско стал бы наряжаться странствующим рыцарем, добывать себе оружие и вызывать меня на бой? Разве я когда-нибудь был его врагом? Разве я его соперник? И разве он был когда-нибудь воинном, чтобы завидовать моей славе?

— Все это так, ваша милость, но как же вы себе объясните, что этот рыцарь Леса — вылитый бакалавр Карраско, а его оруженосец точь-в-точь мой кум Томе Сесьяль? И если, как ваша милость полагает, все это — волшебство, так почему они оказались похожи именно на этих двух молодцов?

— Поверь, братец, все это навождение и козни злых волшебников, — ответил дон Кихот, — они предвидели, что из этого боя я выйду победителем, поэтому они решили придать побежденному мною рыцарю полное сходство с другом моим, бакалавром, дабы связывающая нас дружба смягчила мое сердце и встала между лезвием моего меча и суровостью моей руки. Таким путем им удалось сохранить жизнь коварному недругу, который обманом и уловками пытался лишить меня свободы. Ты ведь можешь подтвердить, Санчо, что волшебникам ничего не стоит превратить одно лицо из прекрасного в безобразное, а другое из безобразного в прекрасное. Ведь не прошло и двух дней, как

ты своими собственными глазами созерцал красоту и прелесть несравненной Дульсины, а мне она показалась уродливой и грубой крестьянкой с мутными глазами и запахом чеснока. И если преступный волшебник осмелился проделать такое гнусное превращение над Дульсиной, то ему ничего не стоило превратить рыцаря Леса и его оруженосца в Самсона Карраско и твоего кума, чтобы вырвать у меня из рук славу победы.

— Один бог знает всю правду, — ответил уклончиво Санчо.

Он отлично знал, что превращение Дульсины было плодом его собственных хитростей и проделок; поэтому сумасбродные доводы дон Кихота его не убеждали. Однако Санчо, опасаясь проговориться и обнаружить свой обман, предпочел смолчать. Заметив вблизи пастухов, он свернул с дороги и направился к ним, чтобы купить творогу или сыру. Между тем дон Кихот продолжал ехать по дороге, погруженный в глубокую задумчивость, как вдруг, случайно подняв голову, он увидел, что навстречу ему едет повозка, разукрашенная королевскими флагами. Решив, что судьба посылает ему новое приключение, он громко позвал своего оруженосца. Санчо, услышав нетерпеливый возглас своего господина, растерялся. Впопыхах он сунул только что купленный творог в шлем, который дон Кихот незадолго до этого снял и передал ему, и поспешил на зов своего господина.

— Скорей, друг мой, — сказал дон Кихот, — дай мне шлем. Я должен подготовиться к бою, ибо колесница, которая виднеется вдали, несомненно сулит мне новое приключение.

Заторопившись, Санчо подал шлем, не успев выбросить из него творог. Дон Кихот, не глядя, насадил шлем себе на голову. Творог сплюснулся, и сыворотка потекла по его лицу. Рыцарь в страшном испуге воскликнул:

— Что это, Санчо? У меня, кажется, размягчился череп и растаял мозг? А, впрочем, быть может, это пот. Но если я вепотел, то уж, конечно, не от страха, хотя и не сомневаюсь, что мне предстоит какое-то ужасное приключение. Дай-ка мне чем-нибудь обтереть лицо, ибо этот пот слепит мне глаза.

Санчо молча подал ему платок и возблагодарил бога за то, что господин его не догадался, в чем было дело. Дон Кихот вы-

тер лицо и снял шлем, чтобы посмотреть, что там такое. Увидев внутри шлема белую кашницу, он поднес ее к носу, понюхал и сказал:

— Клянусь жизнью моей сеньоры Дульсинен Тобосской, ты, предатель, бродяга, наглый оруженосец, положил в шлем творог.

Санчо ответил ему, сохраняя полную невозмутимость:

— Если это творог, дайте его мне, ваша милость, я его съем. Впрочем, пускай лучше ест его дьявол, — ведь это он его, должно быть, и подсунул. Чтобы я осмелился замарать шлем вашей милости! Знаете ли, сеньор, я думаю, меня тоже преследуют какие-нибудь волшебники за то, что я служу вашей милости. Без сомнения, они подбросили эту дрянь в шлем, чтобы вывести вас из терпения и заставить отколотить меня. Но я уверен, что на этот раз они останутся с носом, ибо полагаюсь на здравый смысл моего господина. Ведь если бы у меня был творог или молоко, то я скорее отправил бы их в свой желудок, чем в ваш шлем.

— Возможно, что ты и прав, — согласился дон Кихот. Затем он еще раз вытер голову, лицо и бороду, вытряхнул творог, снова надел шлем на голову, укрепился на стремях и воскликнул:

— Ну, теперь я готов сразиться хоть с самим сатаной!

С этими словами он двинулся навстречу повозке. На передке этой повозки сидел какой-то безоружный человек. Кроме него и погонщика мулов, никого не было. Дон Кихот выехал вперед и спросил:

— Куда вы едете, братцы? Что это за повозка, что вы в ней везете и что это за флаги?

На это погонщик ответил:

— Новозка — моя собственная, а везем мы клетку со свирепыми львами, которых оранский губернатор посылает в столицу в подарок его величеству; флаги эти — господина нашего короля, и означают они, что везем мы королевское имущество.

— А большие эти львы? — спросил дон Кихот.

— Огромные, — ответил человек, сидевший на передке повозки. — Я служу сторожем в зверинце и приставлен ухаживать за львами, но таких еще ни разу не видывал. Тут у нас лев и

львица; сейчас они оба очень голодны, так как сегодня мы их еще не кормили. Поэтому пропустите нас, ваша милость, мы только доехав до какого-нибудь места, где можно будет их покормить.

Услышав это, дон Кихот слегка улыбнулся и сказал:

— Итак, значит, волшебники посылают уже на меня львов! Клянусь богом, они сейчас увидят, что меня и львами не испугашь! Ну-ка, добрый человек, слезайте-ка с повозки! Откройте клетки, выпустите зверей на волю, и я покажу им, кто такой дон Кихот Ламанчский. Пускай себе злятся волшебники, решившие наказать на меня этих львов.

Перепуганный Санчо подбежал к дон Кихоту и стал умолять его не связываться со львами.

— Ради самого бога, сеньор, оставьте в покое этих королевских львов, ведь они всех нас растерзают в клочки.

Но дон Кихот не обратил никакого внимания на слова Санчо и закричал надсмотрщику:

— Чорт побери, дон бездельник, если вы немедленно не отворите клеток, то я вот этим копьём припилю вас к повозке.

Возница испугался этого грозного окрика и сказал:

— Мой сеньор, я исполню волю вашей милости, но помилосердствуйте и позвольте мне сперва распрячь мулов и укрыться вместе с ними в безопасное место. Если эти звери, очутившись на свободе, растерзают моих животных, я останусь нищим; ведь эта повозка и мулы — все мое достояние.

— О маловерный! — воскликнул дон Кихот. — Так поскорее слезай на землю, распрягай своих мулов и поступай, как знаешь. Но ты скоро увидишь, что трудился понапрасну и вполне мог бы обойтись без этих предосторожностей.

Возница спешился и быстро распряг мулов, а надсмотрщик закричал громким голосом:

— Призываю в свидетели всех здесь присутствующих, что я отворяю клетки и выпускаю львов против воли и по принуждению. Кроме того, громогласно заявляю этому сеньору, что все убытки, которые причинят эти звери, включая сюда и мое жалование, он оплатит из своего кармана. Но, прежде чем я отопру черрицы, пусть все получше спрячутся. Сам-то я не боюсь зверей,

я уверен, что они не сделают мне никакого зла, но остальных они могут разорвать в клочья.

Услышав эти слова, Санчо со слезами на глазах стал просить своего господина отказаться от этой безумной затеи, по сравнению с которой и приключение с ветряными мельницами, и страшное приключение на сукновальне, и вообще все деяния, совершенные им в течение всей его жизни, не больше как детские забавы.

— Заметьте себе, сеньор, — говорил Санчо, — что тут нет

никакого волшебства. Это самые настоящие, живые львы; я сквозь решетку клетки успел увидеть лапы одного льва и думаю, что лев с такими когтями должен быть вышиной с гору.

— От страха, — ответил дон Кихот, — он тебе мог показаться величиной с полмира. Удались, Санчо, не мешай мне. Если я погибну, то не забудь о нашем старинном уговоре: извести об этом Дульсинею.

Тут наш рыцарь снова принялся торопить надсмотрщика и повторять свои угрозы. Санчо погнал своего серого, возница — своих мулов как можно дальше от повозки, в которой находились львы. Бедный оруженосец был уверен, что его господину на этот раз не уцелеть, и заранее оплакивал его гибель. Однако слезы и причитания не мешали ему изо всех сил понукать серого.

Когда надсмотрщик убедился, что беглецы отъехали на значительное расстояние, он снова принялся умолять дон Кихота отказаться от своего намерения сразиться со львами. Но рыцарь резко ответил, что мольбы и заклинания ни к чему не приведут, и повторил свое приказание отпереть клетки. Пока надсмотрщик возился, отпирая первую клетку, дон Кихот обдумывал, как ему лучше сражаться — пешим или на коне. Наконец он решил, что будет сражаться пешим, так как вид львов может испугать Росинанта. Поэтому, соскочив с лошади, он отбросил копье, схватил щит, обнажил меч и медленным шагом, с изумительной отвагой и твердостью, направился прямо к повозке, поручив себя сначала богу, а затем сеньоре Дульсинее.

Когда надсмотрщик увидел, что дон Кихот уже приготовился к бою и что так или иначе ему придется выпустить на волю львов, он распахнул настежь дверцы первой клетки. Сидевший там лев был необычайно велик и страшен. Но, вместо того чтобы выскочить из клетки и броситься на дон Кихота, зверь повернулся, раскинул лапы и потянулся всем телом. Затем он открыл пасть, медленно зевнул, высунул язык и облизал себе глаза и морду. Умывшись, лев высунул из клетки голову и повел глазами, сверкавшими, как угли. Его горделивая осанка и свирепый взгляд могли привести в ужас само бесстрашие, тем не менее дон Кихот с невозмутимым спокойствием глядел на него в упор и желал только одного: чтобы лев поскорее выпрыгнул из по-

возле и вступил с ним в рукопашный бой, ибо рыцарь наш был уверен, что изрубит его в мелкие куски.

Однако благородный лев не был дерзок. Он не обратил внимания на ребяческий задор дон Кихота, поглядел кругом, повернулся, показав нашему рыцарю свой зад, а затем спокойно и невозмутимо лег. Дон Кихот, увидев это, приказал надсмотрщику ударить льва палкой, чтобы разозлить и выгнать из клетки.

— Нет, этого я ни за что не сделаю, — ответил надсмотрщик. — Ведь если я его разозлю, так он прежде всего растерзает меня самого. Довольно с вашей милости, сеньор рыцарь, и того, что было. Вы доказали вашу храбрость. Не следует искушать судьбу. Смелый воин обязан вызвать врага на бой и ожидать его на поле битвы. По-моему, это все, что от него можно требовать. А если враг не явится, значит он трусил и побежден. Тот же, кто его ждал, заслуживает венца.

— Пожалуй, вы правы, мой друг, — ответил дон Кихот. — В таком случае запирайте дверцы и выдайте мне свидетельство: опишите подробно, как вы отперли дверцы, как я спокойно стоял перед клеткой, а лев не вышел, как я долго ждал его, но он повернулся ко мне задом и разлегся в клетке. Я исполнил свой долг; прочь всякие волшебства, и да поможет господь разуму, правде и истинному рыцарству! Итак, повторяю, запирайте клетку, а я тем временем подам знак нашим беглецам, чтобы они вернулись. Пусть они из ваших уст услышат о моем подвиге.

Надсмотрщик запер клетку, а дон Кихот нацепил на острие копья платок, которым он вытирал себе лицо после твoroжного дождя, и стал им размахивать, чтоб призвать обратно беглецов. Санчо, заметив, что дон Кихот делает знаки, воскликнул:

— Убейте меня, если мой господин не победил этих свирепых зверей. Ведь это он нас зовет.

Погонщик оглянулся и увидел, что дон Кихот действительно призывает их обратно. Облегченно вздохнув, они повернули назад. Когда они подъехали к повозке, дон Кихот сказал вознице:

— Братец, вы можете снова запрячь ваших мулов и продолжать путь, а ты, Санчо, выдай ему и надсмотрщику по золотому эскудо в вознаграждение за потерянное время.

— Очень охотно, — ответил Санчо, — но что же случилось со львами? Ранены они или убиты?

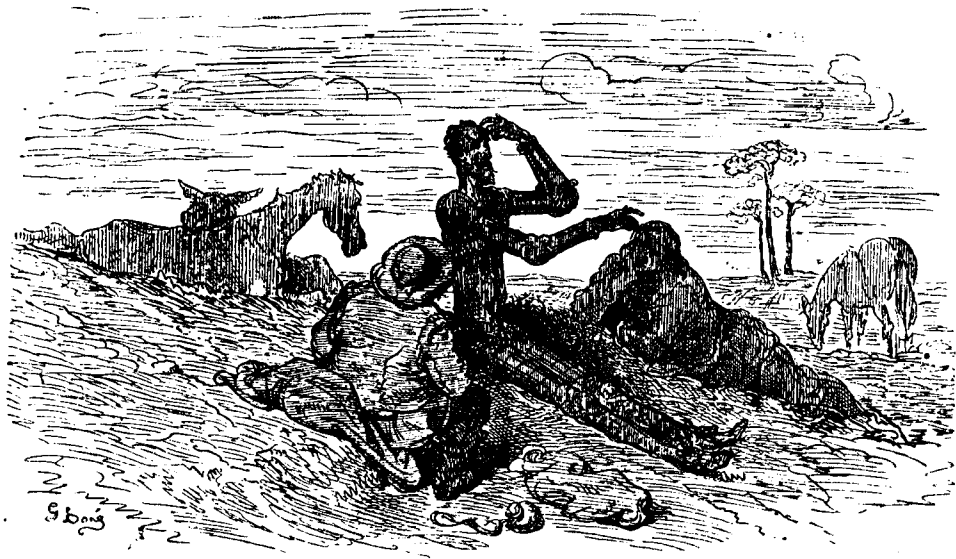
Тогда надсмотрщик подробно и неторопливо рассказал об исходе сражения, расписывая самыми яркими красками мужество и доблесть дон Кихота. Едва взглянув на него, лев струслил и не захотел выйти наружу, хотя клетка была открыта. Рыцарь велел его раздражить, но надсмотрщик заявил, что нельзя испытывать бога, дразня льва и заставляя его насильно выйти из клетки. Тогда рыцарь неохотно и против своей воли позволил запереть двери клетки.

— Ну, что ты скажешь, Санчо? — спросил дон Кихот. — Какое колдовство может устоять против истинной доблести? Волшебники могут лишить меня удачи, но отнять у меня мужество и отвагу им не под силу.

Санчо дал два эскудо, возница впряг мулов, надсмотрщик поцеловал руку дон Кихота, благодаря за щедрую подачку и обещая рассказать об этом подвиге самому королю, как только прибудет в столицу.

— А если его величество пожелает узнать, кто совершил этот подвиг, — заявил тут дон Кихот, — то скажите ему: рыцарь Львов, ибо отныне я желаю именоваться рыцарем Львов, а не рыцарем Печального Образа.

Глава 41

**о великом приключении в пещере Монтеинос,
находящейся в самом сердце Ламанчи.**

После доблестного приключения со львами дон Кихот и его оруженосец поехали дальше, держа путь в Сарагоссу. Однако нашему рыцарю непременно хотелось посетить по дороге знаменитую пещеру Монтеинос,⁷¹ находившуюся в самом сердце Ламанчи. Беда была только в том, что ни он, ни его оруженосец не знали, как до нее добраться. Но, к счастью, им скоро повстречались на пути двое, не то духовных, не то студентов, и с ними два крестьянина; все четверо ехали верхом на ослах. И студенты и крестьяне были поражены видом дон Кихота (как

бывали поражены все, встречавшиеся с ним в первый раз) и умирали от желания узнать, кто этот человек, столь мало похожий на обыкновенных смертных. Дон Кихот приветствовал их и, услышав, что они едут в ту же сторону, куда и он, предложил продолжать путь вместе. Предупреждая их вопросы, он в кратких словах объяснил, что по званию и роду занятий он странствующий рыцарь, ищущий приключений во всех частях света, что имя его дон Кихот Ламанчский, а прозвище рыцарь Львов. Для крестьян это все было совершенной тарабарщиной, но студенты сразу же догадались, что дон Кихот не в своем уме. Тем не менее они глядели на него с удивлением и уважением.

Дон Кихот поведал им о своем желании посетить прославленную пещеру Монтесинос, чтобы убедиться собственными глазами, правду ли рассказывают об ее чудесах, и спросил, как до нее добраться. Один из студентов взялся проводить его к пещере, заявив, что он любитель рыцарских романов и почтет для себя большою честью сопутствовать столь знаменитому рыцарю, каким является дон Кихот Ламанчский.

По дороге дон Кихот поинтересовался, каким наукам студент собирается себя посвятить. Тот ответил, что он гуманист, а кроме того ищет книги, дабы напечатать их к великой пользе и по меньшей утехе общества. Одна из его книг называется «О костюмах»; в ней описывается семьсот три костюма с указанием их цветов, девизов и шифров. Руководствуясь этой книгой, придворные кабальеро могут без труда придумать себе для любого праздника подобающий костюм.

— У меня, — прибавил студент, — есть еще другая книга под названием «Дополнения к Вергилию Полидору»; ⁷² в ней рассказывается о различных изобретениях. На эту книгу я потратил много труда и учености; в ней я излагаю и излагаю изысканным слогом все вопросы, на которых Полидор не останавливался подробно. Например, он позабыл сообщить, кто из людей первый схватил насморк, кто первый изобрел целебную мазь. Я же объясняю все это подробнейшим образом, ссылаясь более чем на двадцать пять авторов. Отсюда ваша милость может заключить, сколько мне пришлось поработать и как будет полезна людям моя книга.

Санчо, с большим вниманием слушавший рассказ студента, перебил его:

— Скажите мне, сеньор, и да пошлет вам бог удачу в деле печатания ваших книг, не можете ли вы мне сообщить (впрочем, конечно, можете, так как вы все знаете), кто первый почесал у себя в голове? Я лично полагаю, что это был наш праотец Адам.

— Наверное, он, — ответил студент, — ибо нет сомнения, что у Адама были голова и волосы. А раз он был первым человеком на свете, то, конечно, первый стал чесывать у себя в голове.

— Я так и думал, — ответил Санчо, — а теперь скажите мне, кто был первым акробатом?

— Поистине, братец, — ответил студент, — я не решусь ответить вам немедленно, не изучив этого вопроса. Когда я возвращусь к своим книгам, я займусь этим и при ближайшей встрече, — ибо я надеюсь, что эта наша встреча не последняя, — удовлетворю ваше любопытство.

— Послушайте, сеньор, — возразил Санчо, — не стоит вам утруждать себя, потому что я уже сам нашел ответ на свой вопрос. Знайте же, что первым, кто начал кувыркаться и прыгать, был Люцифер. Когда его сбросили с неба, он кувыркался и скакал до тех пор, пока не добрался до самой преисподней.

— Ты прав, друг мой, — ответил студент.

А дон Кихот сказал:

— Конечно, ты, Санчо, не сам придумал этот вопрос и этот ответ: ты их где-нибудь слышал.

— Даю вам слово, сеньор, что если только я примусь спрашивать и отвечать, так и до завтра не кончу. Уверяю вас, для того чтобы спрашивать о глупостях и отвечать всякий вздор, мне не к чему ходить за помощью к соседям.

— Санчо, ты сказал больше, чем сам понимаешь, — ответил дон Кихот, — ибо есть много людей, которые трудятся над тем, чтобы разрешить разные вопросы, а когда они разрешены, то оказывается, что они и гроша ломаного не стоят.

В подобных приятных беседах дон Кихот, Санчо и студент провели день, а на ночь остановились в небольшой деревеньке. Утром студент сказал дону Кихоту, что до пещеры Монтесинос

остается не больше двух миль и что если решение его неизменно, то следует запастись веревками, ибо ему придется спуститься на дно глубокой пропасти. Дон Кихот ответил, что он готов спуститься в самую бездну, лишь бы только узнать, что там находится. Они купили веревку больше ста саженьей длины и отправились к пещере. Вход в пещеру был широк и просторен, но весь зарос кустами, до того густыми, что они совершенно закрывали отверстие. Увидев пещеру, путники спешили, и Санчо со студентом принялись крепко-накрепко обвязывать нашего рыцаря веревкой. В то время как они его обвязывали и

скручивали, Санчо попытался было отговорить дон Кихота от его затей.

— Подумайте, ваша милость, что вы делаете; смотрите, не хороните себя заживо и не уподобляйтесь бутылки, которую спускают в колодезь для охлаждения. Не ваше это дело и не ваша забота, сеньор мой, исследовать пещеру: она, наверное, хуже всякого басурманского подземелья.

— Замолчи, друг Санчо, — ответил дон Кихот. — Ты говоришь вздор: именно мне предназначено исследовать эту знаменитую пещеру.

Тогда проводник сказал:

— Умоляю вашу милость, сеньор дон Кихот, хорошенько осмотрите все, что вам встретится. Быть может, там найдете что-нибудь такое, что сможет пригодиться для моей будущей книги о превращениях.

— Не беспокойтесь, сеньор, — вмешался тут Санчо. — Бубен в руках хорошего музыканта, он с ним отлично управится.

Когда все приготовления были окончены, дон Кихот сказал:

— Как неблагоразумно мы поступили, позабыв запасться колокольчиком: я бы привязал его к веревке и время от времени звонил, тогда бы вы знали, что я все еще жив и продолжаю спускаться. Но теперь уж поздно думать об этом. Да поможет мне бог, в руки которого я предаю себя.

Тут дон Кихот опустился на колени и вполголоса прочитал молитву, прося господу помочь ему и увенчать благополучным концом это опасное и необычное приключение. Затем он громко сказал:

— О моя повелительница, славнейшая и несравненная Дульсинея Тобосская! Если просьбы и мольбы твоего счастливого поклонника могут достигнуть твоего слуха, то заклинаю тебя твоей неслыханной красотой: услышь меня. Прошу тебя об одном: не откажи мне в твоей благосклонности и защите в минуту, когда я так в них нуждаюсь. Сейчас я брошусь в пропасть, зияющую предо мной. Я делаю это единственно для того, чтобы всему миру стало известно, что нет такого подвига, которого бы я не предпринял и не завершил, если ты окажешь мне покровительство.

С этими словами дон Кихот приблизился к провалу. Тут он увидел, что дорогу ко входу в пещеру ему придется проложить себе силой руки и меча. Он выхватил меч и принялся рубить разросшийся кустарник. Шум встревожил стаи галок и ворон, гнездившихся в пещере. Их было такое множество и они поднялись с такой стремительностью, что сбили с ног нашего рыцаря. Но дон Кихота не могли смутить такие пустяки. Дождавшись, когда все птицы улетели, он схватил веревку, конец которой держали студент и Санчо, и приготовился спуститься на дно страшной пещеры. Расставаясь с ним, Санчо дал ему благословение, перекрестил его тысячу раз и сказал:

— Да поможет тебе господь бог и святая троица, о цвет, сливки и пена всех странствующих рыцарей! Иди же, первый смельчак в мире, стальное сердце и бронзовая рука! Да ведет тебя господь, повторяю я, и да выведет он тебя свободным, здоровым и невредимым на свет божий, который ты ныне покидаешь, добровольно погружаясь в эту мрачную бездну.

В таком же роде напутствовал дон Кихота и студент. Затем дон Кихот начал спускаться, подавая время от времени голос своим спутникам, а те понемногу разматывали веревку. Постепенно возгласы дон Кихота делались все глуше и глуше и наконец совсем замерли в глубине пещеры. Когда веревка была размотана до конца, Санчо и студент решили подождать немного и потом тащить дон Кихота обратно. Через полчаса они принялись тянуть веревку наверх. Она шла так легко, словно на ней не было никакого груза. Им пришло в голову, что дон Кихот остался в пещере, и Санчо, торопливо подбирая веревку, принялся горько плакать. Однако, когда веревка была вытащена больше чем наполовину, они почувствовали, что на ней висит какой-то груз, и очень этому обрадовались. Наконец в глубине провала показался дон Кихот, и Санчо громко закричал:

— Добро пожаловать, ваша милость сеньор мой. А мы уж боялись, что вы останетесь там навсегда.

Но дон Кихот не отвечал ни слова. Поспешно вытащив его на край спуска, они увидели, что глаза его закрыты и что по всем признакам он спит. Его положили на землю, развязали, а он все не просыпался. Тогда студент и Санчо принялись вся-

чески вертеть и встряхивать его. Наконец дон Кихот пришел в себя, потянулся, будто просыпаясь от глубокого и крепкого сна, с ужасом поглядел по сторонам и сказал:

— Да простит вас бог, друзья мои, за то, что вы лишили меня самого приятного зрелища, которое когда-либо выпадало на долю смертного. Поистине, только теперь я вполне понял, что все наслаждения жизни проходят, как тень и сон. О несчастный Монтесинос! О тяжко раненный Дурандарте! О злосчастная Белерма! О слезообильная Гвадиана и вы, злополучные дочери Руидеры!

Студент и Санчо с глубоким вниманием слушали дон Кихота, который, повидному, говорил с мучительным трудом. Они попросили его подробно рассказать им, что он видел в этом аду.

— Вы называете эту пещеру адом? — воскликнул дон Кихот. — Не называйте ее так, она этого не заслуживает, как вы сами сейчас убедитесь.

Он попросил дать ему чего-нибудь поесть, так как был очень голоден. Они разостлали на зеленой траве плащ студента, вытащили из сумок съестные припасы и сразу и пообедали и поужинали. Когда все было убрано, дон Кихот заявил:

— Ну, теперь, друзья мои, слушайте меня внимательно. На глубине двенадцати или четырнадцати сажений, по правую руку в этом подземелье находится впадина такой величины, что в ней могла бы поместиться повозка с мулами. Я заметил ее в то время, когда вы спускали меня вниз на веревке. Утомленный этим спуском, я решил забраться туда и немного отдохнуть. Я закричал вам, чтобы вы перестали отпускать веревку, но вы, должно быть, меня не слышали. Я собрал веревку, которую вы продолжали мне спускать, и, сложив ее в кружок, уселся на нее, погруженный в глубокое раздумье. Я недоумевал, как же я стану спускаться дальше, ибо, пока я отдыхал, вы отпустили всю веревку. Пока я размышлял об этом, меня внезапно охватил глубокий сон; не знаю, что случилось, пока я спал, но, проснувшись, я оказался на таком очаровательном лугу, какого самое пылкое воображение не может себе представить. Охваченный крайним удивлением, я стал протирать себе глаза, чтобы убедиться, не сон ли это. Тут взорам моим представился пышный королевский

замок; стены и башни замка казались сделанными из светлого и прозрачного хрусталя; внезапно огромные ворота растворились; в них показался почтенный старец, в длинном фиолетовом плаще. Поверх плаща на нем была короткая накидка из зеленого атласа, какие носят наставники коллегий. На голове у него была черная шапочка; белоснежная борода спадала до пояса; он держал в руке четки с зернами побольше лесного ореха. Его осанка, поступь, величественный вид внушили мне удивление и благоговение. Он подошел ко мне, обнял меня и сказал: «Уже долгие годы, доблестный рыцарь дон Кихот Ламанчский, мы ждем тебя в этой заколдованной пустыне, так как ты должен оповестить мир о том, что таится в глубокой пещере, называемой Монтесинос. Этот подвиг предназначался для тебя, ибо только ты один с твоим непобедимым мужеством и изумительной отвагой мог на него решиться. Следуй за мной, славнейший сеньор, я покажу тебе чудеса, скрывающиеся в этом заколдованном замке. Я его главный хранитель, ибо я — сам Монтесинос, по имени которого названа пещера». Тогда я спросил его, правда ли, что он вырезал кинжалом сердце своего друга Дурандарте, убитого при Ронсевале, и принес его в дар сеньоре Белерме, как поется в нашей песне. Он мне ответил, что все это правда, только он сделал это не кинжалом, а хорошо отточенным стилетом.⁷³

— Должно быть, — перебил тут Санчо, — это был стилет работы севильянца Рамона де Осес.

— Не знаю, — ответил дон Кихот, — но, вероятно, нет, потому что ножовщик Рамон де Осес жил совсем недавно, а Ронсевальская битва была много веков тому назад. Но ведь это не важно.

— Совершенно верно, — сказал студент, — продолжайте, ваша милость сеньор дон Кихот, — я слушаю вас с величайшим удовольствием.

— А я с таким же удовольствием рассказываю вам, — произнес дон Кихот. — Итак, почтенный Монтесинос повел меня в хрустальный дворец, где в прохладной и низкой, облицованной алмазным залом стояла мраморная гробница. На крышке этой гробницы покоился рыцарь, но не из бронзы или яшмы, как это бывает на надгробных памятниках, а из костей и мяса, как все

люди. Правая его рука покоилась на сердце. Заметив удивление, с каким я глядел на покоящегося рыцаря, Монтесинос, не дожидаясь моего вопроса, заговорил сам: «Здесь лежит мой друг Дурандарт, цвет и слава всех влюбленных и доблестных рыцарей своего времени. Он покойся, очарованный Мерлином,⁷⁴ этим французским волшебником, сыном самого дьявола. Ради чего этот злой волшебник околдовал Дурандарт, меня и многих других рыцарей и дам, никто до сих пор не знает. Но вот что меня больше всего удивляет: я твердо знаю, что Дурандарт испустил дух у меня на руках; после его смерти я собственными руками вырезал у него сердце, весом оно было, ноистине, фунта в два, ибо, по мнению естествоиспытателей, люди с большим сердцем обладают большей храбростью, чем люди с очень маленьким сердцем. А раз этот рыцарь действительно умер, то каким же образом может он теперь то жаловаться, то вздыхать, словно он все еще жив?» Не успел Монтесинос произнести эти слова, как несчастный Дурандарт громко застонал и проговорил:

«Братец милый Монтесинос,
Я прошу нелицемерно:
Как затмятся мои очи
Темным смерти покрывалом,
Отнесите мое сердце
Вы туда, где есть Белерма,
Из моей доставши груди
Иль стилетом, иль кинжалом».

«Услышав эти слова, почтенный Монтесинос опустил на колени перед рыцарем и отвечал ему со слезами на глазах: «О сеньор Дурандарт, дорогой брат мой, я уже исполнил то, что вы поручили мне в горький день нашего поражения. Я вырезал ваше сердце, вытер его кружевным платочком и во весь опор помчался с ним во Францию. Но перед этим я предал ваш прах земле и пролил столько слез, что влагой их я омочил свои руки и смыл кровь, которая покрыла их, когда они погружались в вашу грудь. В первом же местечке, куда я попал, выбравшись из Ронсеваль, я посыпал ваше сердце солью, чтобы от него не пошел зловонный запах, и чтобы я мог его поднести сеньоре Белерме в неиспорченном виде. Но знайте, мой любезный друг и брат,

что и сама сеньора Белерма находится здесь. Сеньору Белерму, как самих, меня, вашего оруженосца Гвадиану, дуэнью Руидеру и ее семь дочерей с двумя племянницами и со множеством других ваших знакомых и друзей держит здесь под властью своих чар мудрый Мерлин. Пятьсот лет минуло с тех пор, как мы здесь томимся, но до сих пор никто из нас не умер. Одной только Руидеры и ее дочерей и племянниц нет между нами. Они все время плакали, и, должно быть, из сострадания к ним Мерлин превратил их в лагуны; теперь в мире живых, в провинции Ламанча, их называют лагунами Руидеры. Нет также и вашего оруженосца Гвадиана: он превращен в реку, носящую его имя.⁷⁵ Пробившись сквозь землю, река вышла на свет божий, но, тоскуя по вас, снова погрузилась в ее недра. Однако она не может совсем уклониться от исполнения воли Мерлина. Поэтому время от времени она показывается солнцу и людям. Лагуны Руидеры питают эту реку своими водами. Принимая в себя много притоков, она величаво несет волны в море. Но печаль и тоска отравили ее воды; в ней водятся только костлявые и невкусные рыбы, совсем не похожие на тех, которые плещутся в золотых струях Тахо. Все, что я сейчас говорю вам, я рассказывал вам много раз. Но вы не отвсчаєте мне. Быть может, вы мне не верите или не слышите меня. Один бог знает, как мне больно это. Но сегодня я хочу сообщить вам вести, которые если не облегчат вашу печаль, то во всяком случае не усилят ее. Знайте же, что перед вами стоит тот великий рыцарь, о котором не раз уже пророчествовал мудрый Мерлин, — я говорю о дон Кихоте Ламанчском. Он воскресил давно забытое странствующее рыцарство и окружил его таким блеском и славой, каких оно не имело и в прошлые времена. Я надеюсь, что при его помощи и покровительстве с нас будет снято роковое заклятье». — «А если бы этого не случилось, — ответил горестный Дурандарте тихим и умирающим голосом, — если бы даже этого не случилось, то все же, брат мой, нечего падать духом. Давай-ка снова сыграем в картишки!»

«И, повернувшись на бок, он снова погрузился в свое обычное молчание.

«Тут послышались громкие крики, глубокие стоны и безутешные рыдания. Я повернул голову и через хрустальные стены

увидел, что по другой зале проходила вереница прекраснейших девушек в траурных одеждах и белых тюбанах. В конце процессии с величественным видом выступала какая-то сеньора, также в траурных одеждах. Ее белое головное покрывало спускалось до самого пола, а богатый тюбан был вдвое больше, чем у остальных девушек. У нее были сросшиеся брови, слегка вздернутый нос, большой рот и яркие губы. В руках она держала тончайшее полотенце, а в нем покоилось засохшее и сморщенное сердце

цвета мумии. Монтесинос сказал, что эти девушки — прислужницы Дурандарте и сеньоры Велермы, томящиеся здесь вместе со своими господами. А дама, замыкающая шествие, — сама сеньора Белерма. Четыре раза в неделю она со своими прислужницами обходит замок. При этом они поют жалобные песни над телом и истерзанным сердцем Дурандарте. Монтесинос добавил, что если Белерма не выглядит такой прекрасной, как о ней рассказывается в песнях, то виной этому вечное созерцание сердца, которое поконится у нее на руках, постоянно напоминая ей о ги-

бели ее злополучного рыцаря. Не будь этого, сама великая Дульсинея Тобосская, столь прославленная в наших краях, да и во всем мире, едва ли могла бы соперничать с ней красотой и грацией.

«— Прошу вас, сеньор Монтесинос, — сказал я, — избегать сравнений, ибо сравнения не всегда бывают приятны. Несравненная Дульсинея Тобосская — единственная в своем роде, точно так же как и сеньора Белерма, — поэтому довольно об этом». На это он мне ответил: «Простите меня, сеньор дон Кихот. Признаюсь, что я неудачно выразился, сравнив сеньору Дульсинею с сеньорой Белермой. По правде говоря, я догадался, что ваша милость служит этой даме, и мне следовало бы прикусить язык и не сравнивать ее ни с чем, кроме самого неба». Эти извинения великого Монтесиноса успокоили возмущение, которое я почувствовал, услышав, что мою сеньору сравнивают с какой-то другой дамой».

— А все же удивительно, ваша милость, — сказал Санчо, — как это вы не набросились на этого стариканку да не переломали ему костей и не вырвали ему всех волос из бороды.

— Нет, друг Санчо, — ответил дон Кихот. — Мы обязаны оказывать уважение всем старцам, а тем более рыцарям, да еще околдованным.

Тут заговорил студент:

— Я не понимаю, сеньор дон Кихот, как вам удалось увидеть под землей такое множество вещей, о стольком переговорить и расспросить. Ведь вы пробыли там очень недолго.

— А сколько времени прошло с тех пор, как я спустился в пещеру? — спросил дон Кихот.

— Да немногим больше часа, — ответил Санчо.

— Этого не может быть, — возразил дон Кихот, — ибо, пока я был там, ночь трижды сменяла день.

— Мой господин прав, — подтвердил Санчо. — Ведь он спустился в очарованную пещеру, и то, что нам кажется часом, там внизу равняется трем суткам.

— Так оно и есть, — ответил дон Кихот.

— А если вы что-нибудь там, мой сеньор? — спросил студент.

— В рот ничего не брал, — ответил дон Кихот, — но мне даже и в голову не приходило, что я голоден.

— А очарованные едят? — снова спросил студент.

— Нет, не едят, — ответил дон Кихот. — Но некоторые ученые полагают, что у них продолжают расти ногти, борода и волосы.

— Ну, а спать им полагается, сеньор? — спросил Санчо.

— Конечно, нет, — ответил дон Кихот, — по крайней мере за те трое суток, что я пробыл с ними, там никто глаз не сомкнул.

— Вот тут-то кстати припомнить пословицу, — сказал Санчо: — с кем поведешься, от того и наберешься. Ваша милость завела дружбу с очарованными, которые не едят и не спят, — так что ж тут удивительного, если все время, что вы были с ними, вы тоже не ели и не спали? Но простите мою смелость, ваша милость сеньор мой: побей меня бог (я чуть было не сказал: дьявол), если я хоть капельку верю во все ваши рассказы.

— Как не верите? — воскликнул студент. — Да разве дон Кихот может лгать? Впрочем, если бы ему и захотелось позабавить нас интересной выдумкой, то у него нехватило бы времени сочинить ее.

— Я не думаю, что мой господин лжет, — ответил Санчо.

— Так что же ты думаешь? — спросил дон Кихот.

— Я думаю, — ответил Санчо, — что этот Мерлин или какой-нибудь другой волшебник вбил вам в голову все те истории, что вы нам рассказали.

— Как ни правдоподобно твое предположение, братец Санчо, но все же ты ошибаешься, — серьезно сказал дон Кихот. — Вспомни только, что все, о чем я вам рассказывал, я видел собственными глазами и трогал руками. Но что ты скажешь, если я открою тебе, что среди разных чудес и диковин Монтесинос показал мне трех крестьянок, которые прыгали и резвились, как козочки, на прелестнейших лужайках. Я сейчас же узнал в них несравненную Дульсинею Тобосскую и ее спутниц. Я спросил Монтесиноса, знает ли он, кто это такие. Почтенный старец ответил, что не знает. «Должно быть, — прибавил он, — это какие-нибудь знатные сеньоры, которых только недавно околдовал Мерлин. На этих лужайках часто появляются новые сеньоры и дамы, ставшие жертвами злых чар волшебника».

Когда Санчо Панса услышал слова своего господина, он испугался, что допнет от смеха: ибо он лучше других знал тайну превращения Дульсинеи, — ведь в этом деле он был и волшебником и единственным свидетелем! Теперь он окончательно убедился, что его хозяин спятил с ума.

— Будь проклят день, когда вы спустились в подземное царство, ваша милость дорогой хозяин, — сказал Санчо. — В недобрый час повстречался вам сеньор Монтесинос, который совсем вскружил вам голову. Сидели бы вы здесь на земле, ваша милость, да изрекали разумные поучения при каждом удобном случае, а не городили бы такого вздора, что хуже и придумать нельзя.

— Тебя, Санчо, следовало бы проучить за твои дерзости, — сказал дон Кихот, — но я слишком хорошо знаю тебя, чтобы придавать цену твоим словам.

— А я вашим, дорогой сеньор, — возразил Санчо. — Избейте меня до смерти, ваша милость, если хотите. Все равно я стану твердить вам одно и то же, пока вы не образумитесь и не исправитесь. Но, пока мы еще не успели поссориться, скажите мне, ваша милость, как вы узнали сеньору Дульсинею? И что она вам ответила, когда вы заговорили с нею?

— Я узнал ее, — ответил дон Кихот, — потому, что она была одета совершенно так же, как и в тот день, когда я видел ее на лугу у Тобосо. Я заговорил с ней, но она молча повернулась и убежала так быстро, что и стрела бы ее не догнала. Я хотел кинуться за ней, но Монтесинос сказал мне, что все мои попытки догнать ее будут тщетны. К тому же приближался час, когда мне надлежало покинуть пещеру. Монтесинос прибавил, что, когда наступит предназначенное время, он откроет мне, какие подвиги я должен совершить, чтобы расколдовать Белерму, Дурандарте и других. Много грустного видел я в подземном царстве, но сильнее всего я был огорчен, когда ко мне подошла одна из спутниц обездоленной Дульсинеи и со слезами на глазах тихо сказала: «Госножа моя Дульсинея Тобосская целует руки вашей милости и просит сообщить ей, как вы поживаете. Она настоятельнейше умоляет вашу милость снизойти к ее великой нужде и дать ей взаймы под залог новой канифасовой юбки, ко-

торая у меня в руках, шесть реалов. Она обязуется честным словом возвратить их вам в кратчайший срок». Эта просьба чрезвычайно изумила меня. Обратившись к сеньору Монтесиносу, я спросил: «Возможно ли, сеньор Монтесинос, что очарованные знатные особы терпят нужду?» — «Поверьте мне, ваша милость, сеньор дон Кихот Ламанчский, — ответил он, — нужда встречается повсюду и не щадит даже околдованных. И раз сеньора Дульсинея Тобосская просит дать ей займы шесть реалов под верный залог, то почему бы вам не исполнить ее просьбы: очевидно, она находится в весьма стесненном положении». — «Залога мне не нужно, — ответил я, — но и шести реалов я дать не могу, потому что у меня всего-навсего четыре». Я отдал девушке эти деньги и сказал: «Передайте вашей госпоже, моя милая, что ее невзгоды печалят мою душу. Я хотел бы обладать несметными богатствами, чтобы отдать их ей. Скажите ей, что вдали от нее я не могу и не должен чувствовать себя хорошо. Я смиренно прошу прекрасную сеньору оказать мне честь и побеседовать со своим истосковавшимся рыцарем. Передайте ей, что я даю клятву — не вкушать хлеба за скатертью, не спать под кровлей и не отдыхать, пока не расколдую сеньору Дульсинею. Клянусь также объехать весь мир ради ее освобождения». — «Не только это, но и многое другое ваша милость обязана совершить ради своей госпожи», — ответила мне девушка; затем она схватила четыре реала и, вместо того чтобы поклониться мне, вдруг подпрыгнула вверх, да так, что взлетела на воздух почти на сажень от земли.

— Святой боже! — воскликнул тут громким голосом Санчо. — Виданное ли это дело, чтобы все эти волшебники могли забрать такую власть на белом свете и подменить безумием здравый разум моего господина! О сеньор, сеньор, ради господа бога придите в себя, подумайте о своей чести и не верьте всему этому вздору, от которого у вас ум за разум зашел!

— Ты говоришь это, Санчо, потому, что желаешь мне добра, — ответил дон Кихот, — но ты не знаешь, что такое колдовство, и поэтому все, что тебе трудно понять, ты считаешь невозможным.

Студент был поражен дерзостью Санчо Нансы и терпением его господина, но решил, что кротость дон Кихота вызвана ра-

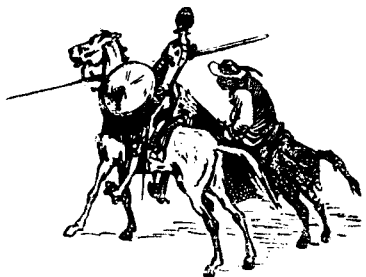
достыю свидания с сеньорой Дульсинеей Тобосской, хотя бы даже очарованной. Сам же он поверил всему, что рассказывал наш сумасбродный рыцарь.

— Я считаю, сеньор дон Кихот, — обратился он к рыцарю, — что я совершил весьма удачное путешествие. Во-первых, я познакомился с вашей милостью. Во-вторых, узнал тайну пещеры Монтесинос и превращения Гвадианы и лагун Руидеры, а все это пригодится для моего испанского Овидия. В-третьих, выяснил, что игральные карты были известны уже во времена Карла Великого, ибо о них упоминает Дурандарте. Это открытие я помещу в своей новой книге «Дополнения к Полидору».

— Ваша милость вполне правы, — сказал дон Кихот. — Я мог бы сообщить вам еще очень много интересных и полезных сведений. Но мы поговорим об этом после, а теперь подумаем, где бы нам устроиться на ночлег.

— Недалеко отсюда живет отшельник, — ответил студент. — Говорят, что он добрый и сострадательный человек. Я не сомневаюсь, что он даст нам приют на ночь. Найдется у него и стаканчик хорошего вина.

Когда Санчо услышал о стаканчике, он начал настойчиво торопить своих спутников с отъездом. Дон Кихот сел на своего Росинанта, Санчо и студент на ослов, и все поспешно тронулись в путь.

Глава 42,

в которой описывается забавное приключение с кукольным театром, а также достопримечательные пророрицания обезьяны-предсказательницы.

Когда наши спутники выехали на просвжую дорогу, они увидели какого-то человека, который быстро шел к ним навстречу, подгоняя мула, нагруженного пиками и алебардами. Поравнявшись с ними, он поклонился и прошел мимо.

Но дон Кихот окликнул его:

— Остановитесь, добрый человек. Мне кажется, вы идете быстрее, чем этого хотелось бы вашему мулу.

— Я очень тороплюсь, сеньор, — ответил человек. — Вы видите, я везу оружие, которое завтра же понадобится, поэтому я не могу задерживаться в дороге. Прощайте. Но если вам угодно знать, для какой надобности я его везу, то имейте в виду, что сегодня я буду ночевать в гостинице неподалеку отсюда. Если вы поедете в ту же сторону, мы там встретимся, и я расскажу вам чудеса, а пока еще раз прощайте.

И он так погнал своего мула, что дон Кихот не успел даже спросить, какие чудеса он собирается им рассказать. А так как нашего рыцаря вечно разбирало желание узнать что-нибудь новое, то он решил провести ночь в гостинице, а не заезжать к отшельнику, как предлагал студент.

Так они и сделали. Повернули обратно и поехали к гостинице.

Но дороге наши всадники нагнали молодого человека. Это был статный юноша лет восемнадцати, веселый, бодрый и ловкий на вид. Он держал на плече пиагу, к пиаге был привязан узелок, куда он, должно быть, запрятал свое платье, так как на нем были надеты только куртка из бархата и выпущенная наружу рубашка. На ногах у него были шелковые чулки и башмаки с четырехугольными носками, по столичной моде. Юноша вполголоса напевал песенку, чтобы не было скучно идти. Когда наши путники поравнялись с ним, он как раз кончал куплет:

«На войну меня гонит злодейка-нужда,
А достал бы я денег, — остался б тогда».

— Позвольте спросить вас, молодой сеньор, куда вы держите путь? Вы, я вижу, путешествуете совсем налегке, — сказал дон Кихот.

На это юноша ответил:

— Путешествую я так налегке из-за жары и бедности. А отправляюсь я на войну.

— Из-за жары — это я понимаю, — сказал дон Кихот, — но почему по бедности?

— Сеньор, — ответил юноша, — в этом узелке у меня лежат бархатные шаровары, парные к моей куртке. Если я изношу их

в пути, мне нельзя будет нарядиться в городе, а у меня нет денег на покупку новых; поэтому-то я и путешествую в таком виде. Я направляюсь в лагерь пехотного полка, расположенный в двенадцати милях отсюда. Там я запишусь в солдаты, а уж начальство сумеет доставить нас до порта, где нас посадят на корабли. Говорят, что это будет в Картахене. Я предпочитаю служить королю на войне, чем прислуживать какому-нибудь бедняку придворному.

— Вероятно, ваша милость, покидая последнее место, получила какую-нибудь награду? — спросил студент.

— Если бы я служил испанскому гранду или какому-нибудь знатному вельможе, — ответил юноша, — я бы наверно получил ее. Служба у именитых людей имеет большие преимущества: можно сразу пройти в поручики, капитаны или получить хорошие наградные. Но мне, злополучному, пришлось служить у людей, которые сами ищут, где бы получше устроиться, и получают такое нищенское жалованье, что половина его уходит на крахмальные воротники. Было бы чудом, если бы такой бродяга паж, как я, добрался хотя бы до маленького счастья.

— Но скажите мне, дружок, — спросил дон Кихот, — неужели за все годы вашей службы вы так и не получили от ваших господ ливрей?

— У меня их было две, — ответил паж, — но когда послушник уходит из монастыря, с него снимают рясу и возвращают ему его прежнее платье. Точно так поступили со мной и мои господа: они отобрали у меня мою ливрею.

— Вот это уже подлинная скаредность. Но зато теперь вы должны быть счастливы, раз вы решили покинуть столицу и посвятить себя военной профессии. Нет на свете дела более почетного и полезного, чем служить нашему законному господину — королю, особенно солдатом. На военной службе мы достигаем если не большего богатства, то во всяком случае большей чести, чем занимаясь науками. Правда, науки чаще приводят к богатству, но все же военные обладают каким-то неуловимым превосходством над учеными. Запомните хорошенько то, что я вам сейчас скажу, ибо мои слова послужат вам на пользу и утешение. Всегда отгоняйте от себя мысль о том, что вас могут постигнуть

несчастья. Ведь худшее из несчастий — смерть, но если смерть ваша будет доблестной, то вы должны почитать ее величайшим благом. А если вы уцелеете среди битв, состаритесь, станете какой-то, то ничто, даже бедность, не умалит той славы, которая по праву принадлежит храброму солдату. Впрочем, правительство уже принимает меры, чтобы обеспечить спокойную старость убогим воинам. Ибо недостойно обращаться с ними, как с неграми, которым господа возвращают свободу, когда они состарятся и не в силах больше служить, иначе говоря, выгоняют их из дома, отдавая в рабство голоду. Вот и все, что я хотел вам сказать. Теперь садитесь на круп моего коня: я доведу вас до постоянного двора, там мы вместе поужинаем, а завтра вы отправитесь дальше. И да пошлет вам бог счастливый путь, как того заслуживает ваше благородное решение.

Паж отказался сесть сзади дон Кихота, но согласился поужинать с нашими путниками на постоялом дворе. А Санчо в это время бормотал про себя:

— Господи, помилуй моего господина. Ну, как это возможно, чтобы тот самый человек, который только что высказал столько разумных и прекрасных мыслей, мог утверждать, что он видел всякие нелепости в пещере Монтесинос. Ну да ладно, посмотрим, что будет.

Уже вечерело, когда они подъехали к постоялому двору. Санчо обрадовался, увидев, что дон Кихот, вопреки своему обыкновению, принял его не за замок, а за обыкновенную гостиницу. Как только они вошли, рыцарь первым делом спросил хозяина, где крестьянин, везший оружие. Хозяин ответил, что тот в конюшне расседлывает своего мула.

Дон Кихоту так нетерпелось услышать обещанный рассказ о чудесах, что он решил отправиться в конюшню. Однако появление нового приезжего отвлекло его от этого намерения. Приезжий был высокий худощавый человек в костюме из верблюжьей шерсти. Левый глаз и почти половина щеки у него были залеплены пластырем из зеленой тафты, так что можно было подумать, что вся левая сторона его лица поражена какой-то болезнью. Держался он бойко и развязно, говорил громко и внушительно.

— Сеньор хозяин, не найдется ли для меня местечка? — закричал он, появляясь на пороге. — Со мной целая компания.

— Чорт нобери! — воскликнул хозяин. — Да ведь это сеньор маэсе * Педро. Добро пожаловать, сеньор маэсе! Да где же ваша обезьянка и театр? Почему я их не вижу?

— Они сейчас подъедут, — отвечал человек с пластырем на глазу, — я поспешил вперед, чтобы узнать, нельзя ли у вас переночевать.

— Да я бы отказал самому герцогу Альбе,⁷⁶ только бы приютить на ночь сеньора маэсе Педро, — ответил хозяин. — Тащите сюда обезьяну и театр. У меня сегодня много постояльцев, которые охотно заплатят, чтобы посмотреть на ваших кукол и на фокусы обезьяны.

— Ну, в добрый час, — ответил человек с пластырем. — А я согласен сбавить цену за представление. С меня довольно, если мне оплатят мои расходы. Сейчас пойду и подвезу сюда тележку с обезьяной и театром.

С этими словами он вышел из гостиницы. А дон Кихот сейчас же спросил хозяина, кто такой маэсе Педро и про какой театр он говорил.

На это хозяин ответил:

— Это владелец кукольного театра. Он разъезжает по арагонской Ламанче и представляет, как доблестный Гайферос освободил Мелисендру.⁷⁷ Уж давно мы не видали представления более занимательного и лучше разыгранного. Возит он с собой также и ученую обезьяну. Ее редкостным способностям могут позавидовать не только обезьяны, но и люди. Спросите ее о чем-нибудь. Она внимательно вас выслушает, потом быстро вспрыгнет на плечо своего хозяина и, наклонившись к его уху, шепнет ему ответ на ваш вопрос, а маэсе Педро повторит этот ответ вслух. Обезьяна более осведомлена в прошлом, чем в будущем, и хотя не всегда и не во всем попадает в точку, но в общем ошибается редко. Мы думаем, что в нее вселился дьявол. Если обезьяна ответит, то есть, я хочу сказать, если ответит ее хозяин, после того как она пошепчет ему на ухо, вы платите маэсе Педро два

* Маэсе — маэстро, мастер.

ржала. Это не так мало, и ходит слух, что Педро очень богат; во всяком случае, он живет припеваючи, говорит за пятерых, платит за десятерых, и все это благодаря своей обезьяне и театру.

Тут возвратился маэсе Педро с тележкой; в тележке лежал ящик с кукольным театром и сидела большая бесхвостая обезьяна с задом словно из войлока, а, впрочем, недурная собой. Увидев ее, дон Кихот тотчас же спросил:

— Скажите мне, ваша милость сеньора предсказательница, что сулит нам будущее? Вот вам два реала.

И он велел Санчо передать их маэсе Педро, но тот ответил сам, вместо обезьяны:

— Сеньор, этот зверь не отвечает на вопросы о будущем. Он знает кое-что о прошлом и немного о настоящем.

— Чорт побери! — воскликнул Санчо. — Да я и гроша не дам за то, чтобы мне гадали о моем прошлом. Кому же лучше об этом знать, как не мне самому? А платить за то, что я и сам знаю, было бы величайшей глупостью. А впрочем, если ваша милость знает все, что совершается в настоящее время, так вот мои два реала, и пусть их обезьянья милость скажет мне, что сейчас поделявает моя жена Тереса Панса.

Маэсе Педро не пожелал взять денег и сказал:

— Я не желаю получать вознаграждение до тех пор, пока я еще не заработал.

Тут он дважды похлопал себя правой рукой по левому плечу, обезьяна мигом взобралась к нему на шею и, наклонив морду к уху хозяина, стала быстро пощелкивать зубами; продолжалось это ровно столько времени, сколько понадобилось бы, чтобы прочитать недлинную молитву; затем она быстро соскочила на землю, а маэсе Педро бросился на колени перед дон Кихотом и, обнимая его ноги, сказал:

— Позвольте припасть к вашим стопам, о достославный рыцарь, воскресивший странствующее рыцарство. О дон Кихот Ламанчский, чьи доблести превосходят всякую хвалу, о утешение слабых, опора павших, посох и отрада всех несчастных!

Дон Кихот остолбенел, Санчо был ошеломлен, студент изумлен, паж поражен, хозяин растерялся, крестьянин, везший оружие и как раз в эту минуту вернувшийся в комнату, разинул

мт от удивления, одним словом, все, слышавшие эти слова, были потрясены, а маэсе Педро продолжал:

— Ты же, добрый Санчо Панса, лучший оруженосец лучшего в мире рыцаря, радуйся. Твоя добрая жена Тереса жива и здорова. В настоящую минуту она расчесывает лен, а для большей точности я прибавлю, что слева от нее стоит кувшин с отбитым горлышком, а в нем порядочная порция вина, чтобы работа шла веселее.

— Этому не трудно поверить, — ответил растроганный Санчо, — она у меня хорошая женщина, работающая, а что касается вина, так в этом, пожалуй, она и мне не уступит.

— Теперь я могу сказать, — перебил его дон Кихот, — что тот, кто много странствует — много видит и много узнаёт. Никогда бы я не поверил, что на свете есть обезьяны-предсказательницы. Этот славный зверек угадал: я — дон Кихот Ламанчский. Правда, обезьяна немного перестаралась в похвалах мне. Но, каков бы я ни был, я благодарю небо за то, что оно одарило меня мягкой и сострадательной душой, склонной оказывать добро и никому не делать зла.

— Если бы у меня были деньги, — сказал паж, — я спросил бы у сеньоры обезьяны, что ждет меня в будущих странствиях.

На это маэсе Педро ответил:

— Я уже сказал, что моя обезьянка не умеет предсказывать будущего, — иначе, чтобы угодить сеньору дон Кихоту, я бы не взял с вас денег за предсказание. Ну, а теперь я расставляю свой театр и дам в честь этого славного рыцаря бесплатное представление для всех присутствующих.

Услышав это, хозяин очень обрадовался и указал маэсе Педро место, где было всего удобнее расставить театр.

Пока маэсе Педро налаживал свой театр, дон Кихот задумчиво поглядывал на обезьяну, а затем отвел Санчо в угол и, убедившись, что никто его не слышит, сказал:

— Послушай, Санчо, я хорошо присмотрелся к этой необыкновенной обезьяне и думаю, что этот маэсе Педро несомненно заключил тайный договор с дьяволом. Дьявол помогает обезьяне отгадывать прошлое и настоящее, а хозяин зарабатывает на этом деньги. Но когда он разбогатеет, ему придется отдать чорту

свою душу, ибо враг рода человеческого только за такую плату помогает людям. Правда, обезьяна гадает только о прошлом и настоящем. Но ведь и дьявол не больше знает. О будущем он может лишь догадываться, да и то очень редко, ибо одному господу богу дано знать времена и сроки. Ясно, что обезьяна говорит по наущению дьявола, и меня удивляет, как на нее до сих пор не донесли святой инквизиции, не подвергли допросу и не выяснили в точности, какая сила внушает ей прорицания.

— И все-таки, — возразил Санчо, — хорошо, кабы ваша милость велели маэсе Педро спросить у обезьяны, правда ли все то, что приключилось с вашей милостью в пещере Монтесинос, — признаться, я и до сих пор думаю, не в обиду будь сказано вашей милости, что все это обман и выдумка или, в лучшем случае, сонное видение.

— Хорошо, — согласился дон Кихот. — Хотя это, по-моему, грешно, но я все же последую твоему совету.

В это время появился маэсе Педро, который сказал, что все приготовления окончены и он просит дон Кихота присутствовать на представлении, ибо оно того заслуживает. Но дон Кихот попросил его сначала справиться у обезьяны, правда ли все, что случилось с ним в пещере Монтесинос. Маэсе Педро тотчас привел обезьяну, посадил ее перед дон Кихотом и Санчо и сказал:

— Послушайте, сеньора обезьяна, этот рыцарь желает узнать, правда ли все, что случилось с ним в пещере, называемой Монтесинос, или же это только ему пригрезилось.

Затем он подал свой обычный знак, — обезьяна вскочила ему на левое плечо и, казалось, стала что-то шептать на ухо. Затем маэсе Педро сказал:

— Обезьяна говорит, что кое-что из того, что ваша милость видели и пережили в пещере, — ложь, а кое-что правда. Вот и все, что она знает. Но если вашей милости угодно получить более подробный ответ, то подождите до будущей пятницы. Тогда она будет отвечать на все вопросы, а теперь ее способность отгадывать кончилась и, как она сказала, не вернется к ней раньше пятницы.

— Ну, что я говорил! — промолвил Санчо. — Разве я не был прав, когда и наполовину не поверил рассказам вашей милости о приключениях в пещере Монтесинос.

— Будущее покажет, говорил ли я правду, Санчо, — ответил дон Кихот, — ибо время выводит на свет солнца все тайны, хотя бы они были скрыты в глубочайших недрах земли. Ну, а теперь довольно об этом и пойдем смотреть на представление маэсе Педро. Быть может, у него припасена какая-нибудь новинка.

— Какая-нибудь новинка! — вскричал маэсе Педро. — В моем театре имеется шестьдесят тысяч новинок. Уверяю вас, ваша милость, что мой театр — одна из самых достопримечательных вещей, существующих на свете! Ну, а теперь за дело: час уже ранний, а нам предстоит еще много рассказать и показать.

Дон Кихот и Санчо послушались и отправились в комнату, где был расставлен театр. Вокруг театра горели восковые свечи, и он казался пышным и блестящим. Маэсе Педро скрылся за ширмами, так как он должен был управлять куклами, а перед сценой поставил мальчика, своего помощника, с палочкой в руках. Этот мальчик должен был давать зрителям объяснения, указывая палочкой на появляющиеся фигуры.

Все присутствующие частью уселись, частью остались стоять перед театром. Дон Кихот, Санчо, паж и студент заняли лучшие места и с нетерпением ждали начала представления.

Вдруг за сценой послышались звуки множества литавр и труб и грохот пушек. Но вскоре шум этот затих, и мальчик, возвысив голос, начал так:

— Правдивая история, которую мы представим вашим милостям, взята слово в слово из французских хроник и испанских романсов, которые знают не только взрослые, но даже уличные мальчишки. В ней рассказывается о том, как сеньор дон Гайферос освободил свою супругу Мелисандру, томившуюся в плену у мавров в городе Сансуэнье, — так в те времена назывался город Сарагосса. Взгляните, сеньоры, вот и сам дон Гайферос играет в кости, как об этом поется в песне:

Сидит, играет в кости дон Гайферос
И позабыл совсем о Мелисендре.

«А вот выходит на сцену с короной на голове и скипетром в руке император Карл Великий, отец Мелисендры. Видя, что зять его занят пустой игрой и ни о чем не заботится, он сердится и бранит его. Обратите внимание, с каким жаром он наступает на Гайфероса. Того и гляди он огреет его своим скипетром. Иные авторы утверждают, что он действительно здорово

отшелкал зятя. Карл требует, чтобы Гайферос во что бы то ни стало освободил свою супругу. В противном случае старый император грозит ему позором и бесславием:

Я сказал, теперь подумай!

«Затем, — как вы видите, — император покидает взволнованного дон Гайфероса. Дон Гайферос вне себя от гнева. Он далеко швыряет доску и кости и велит немедленно подать оружие. Он просит своего двоюродного брата дон Роланда дать ему на

время меч. Дон Роланд не соглашается расстаться с мечом и взамен предлагает брату свою помощь. Однако рассерженный Гайферос отказывается от его помощи, восклицая, что и сам сумеет освободить свою супругу, хотя бы она была заключена в недрах земли. Затем Гайферос берет оружие и уходит, чтобы немедленно пуститься в путь.

«Теперь, сеньоры, обратите ваши взоры на виднеющуюся вдали башню Сарагосского замка. На вышке башни дама в мавританском платье — это несравненная Мелисендра. Тоскуя о Париже и о своем супруге, она смотрит на дорогу, ведущую во Францию. А на галерее замка сидит важный мавр. Это мавританский король Марсилий, который держит в плену прекрасную Мелисендру.

«Но вот, — продолжал мальчик, — появляется всадник в гасконском плаще на взмыленном скакуне — это сам дон Гайферос. Он останавливается у башни. Прекрасная Мелисендра не узнает своего супруга и обращается к нему с теми словами, которые известны вам из романа:

Быть во Франции придется—
О Гайферосе узнай.

«Я не стану пеликом повторять их. Многословие обычно порождает скуку. Взгляните лучше, как дон Гайферос распахнул плащ, а Мелисендра радостными жестами дает понять, что она его узнала. Недолго думая, она спускается с балкона, чтобы сесть на коня позади своего милого супруга. О, горе! Подол ее юбки зацепился за железный край балкона, и она повисла в воздухе. Но милостивое небо может спасти человека и на краю гибели: дон Гайферос схватывает ее, не заботясь о том, что ее роскошная юбка может порваться, спускает на землю, одним махом сажает позади себя и велит ей покрепче держаться за его плечи. Он боится, чтобы сеньора Мелисендра не свалилась, ибо она не привыкла к подобным скачкам. Посмотрите, как радостно ржет конь, как он гордится своей прекрасной ношей. Взгляните, как они поворачивают, выезжают из города и, радостные и веселые, скачут во Францию. Счастливый путь, прекрасная чета любовников! Возвращайся с миром к себе на родину! Дай бог,

чтобы вы прожили в счастье и согласии всю вашу жизнь! Да нишпошет он вам Мафусанлов век!»

Тут маэсе Педро возвысил голос и сказал:

— Говори попросте, не увлекайся: напыщенность всегда нехороша.

Мальчик ничего не ответил и продолжал:

— Однако нашлись праздные зеваки, которые всегда все видят. Они заметили, как Мелисендра спустилась вниз и села на коня, и донесли об этом королю Марселию. Марселий тотчас велел бить тревогу. Взгляните, как все это быстро делается: вот уже на всех мечетях звонят в колокола, и весь город гудит от звона.

— Ну, мальчик, — вскричал дон Кихот, — это чистый вздор. Звонить в колокола на мечетях! Да ведь мавры вместо колоколов употребляют литавры и дульсайны, напоминающие наши кларнеты.

Услышав эти слова, маэсе Педро перестал звонить и сказал:

— Сеньор дон Кихот, не обращайтесь внимания на такие пустяки и не гонитесь за точностью. Вы все равно ее не найдете. Почти каждый день у нас представляют комедии, полные нелепостей и несуразностей, и все же они пользуются величайшим успехом и вызывают восторг. Продолжай, мальчик. Пускай они говорят, что хотят. Пускай у меня окажется столько нелепостей, сколько пылинок в солнечном луче. Все это не беда. Мне бы только набить себе карманы.

— Ну что же, вы, пожалуй, правы, — ответил дон Кихот.

А мальчик продолжал:

— Взгляните, сколько блестящих всадников скачет в погоне за супругами. Гремят трубы, звучат дульсайны, грохочут литавры и барабаны. Боюсь, что они догонят беглецов и приведут их обратно, прикрутив к хвосту их собственного коня, — какое это будет ужасное зрелище!

Увидев перед собой столько мавров и услышав такой грохот, дон Кихот решил, что ему следует помочь беглецам. Он вскочил и громко закричал:

— Я не допущу, чтобы в моем присутствии была нанесена такая обида знаменитому рыцарю дон Гайферосу. Стой, подлый сброд! Не смей гнаться за ним, не то тебе придется иметь дело со мной.

И, перейдя от слов к делу, он обнажил свой меч, одним прыжком очутился у сцены и с невиданной яростью и быстротой стал осыпая ударами кукольных мавров. Он сбивал их с ног, снимал им головы, калечил и рассекал. Один раз он ударил на-

отмашь с такой силой, что если бы маэсе Педро не присел, съжившись, на корточки, дон Кихот снес бы ему голову с такой же легкостью, как если бы она была из марципана. Маэсе Педро закричал:

— Остановитесь, ваша милость сеньор дон Кихот! Опомнитесь! Ведь вы истребляете не живых мавров, а кукол, которые составляют все мое достояние. Горе мне, несчастному! Вы сделали меня нищим!

Но дон Кихот ничего не слышал и не понимал. Он продолжал

рубить плашмя, наотмашь, обеими руками. Через мгновение весь театр валялся на земле. Все ниточки были разорваны; куклы искрошены на куски, король Марсилий тяжело ранен, а у императора Карла Великого голова вместе с короной разрублена пополам. Все зрители пришли в смятение, обезьяна удрала на крышу, студент испугался, паж перетрусил, — и даже Санчо Панса находился в величайшем страхе. (Когда буря прошла, он уверял, что никогда еще не видел своего господина в таком бешеном гневе.) Разгромив театр, дон Кихот успокоился и произнес:

— Хотел бы я в эту минуту видеть перед собой всех тех, кто не верит и не хочет верить, что странствующие рыцари приносят великую пользу человечеству. Подумайте, что было бы со славным дон Гайферосом и прекрасной Мелисендрой, если бы я случайно не оказался здесь? Конечно, эти неверные собаки настигли бы их и подвергли всяческим унижениям. Итак, да здравствует странствующее рыцарство!

— В добрый час, пускай себе здравствует, — раздался жалобный голос маэсе Педро, — а только мне пришла пора помирать. Я так несчастен, что мне остается только сказать вместе с королем дон Родриго:

Был вчера страны владыкой,
А сегодня нет и башни,
Что своей назвать бы мог я.

Еще минуту тому назад я почитал себя властителем королей и императоров, в моих конюшнях стояли сотни лошадей, сундуки ломились от множества уборов, а теперь я разорен, унижен, беден и нищ. Но хуже всего, что удрала обезьяна: теперь я набегаясь до кровавого пота, прежде чем залучу ее снова. И все это из-за безрассудной ярости сеньора рыцаря, утверждающего, что его призвание — защищать сирот, восстанавливать справедливость и совершать иные милосердные дела. Только меня одного не коснулось его великодушие. Но и за это должно возблагодарить господа, восседающего на небесном престоле. Видно, рыцарю Печального Образа было суждено лишить образа и подобия мои фигурки.

Слова маэсе Педро растрогали Санчо Пансу, и он сказал ему:

— Не плачь и не горюй, маэсе Педро, не надрывай моего сердца. Знай, что мой господин, дон Кихот, — человек добрый и совестливый. Когда он поймет, какой нанес тебе убыток, он, наверное, вознаградит тебя да еще с лихвою.

— Я был бы вполне удовлетворен, если бы сеньор дон Кихот заплатил мне за часть сломанных кукол. Тогда и совесть его милости была бы спокойна, ибо не может спасти свою душу тот, кто сокрушает чужое имущество, не возмещая убытков потерпевшему.

— Все это так, но я не понимаю, маэсе Педро, о каких убытках вы говорите, — спросил дон Кихот.

— О каких убытках?! — воскликнул маэсе Педро. — А обломки, валяющиеся на этой твердой и бесплодной земле, кто разбросал их, как не ваша могучая рука? И кому, как не мне, принадлежали эти куклы? И разве не ими я кормился?

— Ну, — сказал дон Кихот, — теперь я окончательно убедился, что преследующие меня волшебники показывают мне настоящих, живых людей, а затем превращают их во что им вздумается. Сеньоры, слушающие меня, говорю вам по чистой совести: все это представление показалось мне действительностью: Мелисендра — Мелисендрой, дон Гайферос — дон Гайферосом, Марсилий — Марсилием, Карл Великий — Карлом Великим. Вот почему я воспылал гневом и, чтобы выполнить свой долг странствующего рыцаря, решил выступить на защиту беглецов. Во имя этой благой цели я и совершил все, чему вы были свидетелями. Если же дело обернулось иначе, то виноват не я, а преследующие меня злодеи. Тем не менее, хотя я и не виновен в моей ошибке, я готов уплатить за причиненные убытки. Скажите, маэсе Педро, сколько вы просите за поломанные куклы, — я готов заплатить вам немедленно доброй кастильской монетой.

Маэсе Педро поклонился и сказал:

— Другого я и не ждал от доблестного дон Кихота Ламанчского, истинного помощника и защитника всех бедных и неиму-

щих броляг. Пусть сеньор хозяин и Санчо будут оценщиками и решат, сколько стоят поломанные куклы.

Хозяин и Санчо согласились на это предложение. Тогда маэсе Педро поднял с пола обезглавленного короля Марсилия Сарагосского и сказал:

— Вы видите, что этого короля невозможно исцелить. Поэтому я желал бы, если только вы не возражаете, получить за его смерть, кончину и уничтожение четыре с половиной реала.

— Дальше, — ответил дон Кихот.

— За эту голову, рассеченную сверху донизу, — продолжал маэсе Педро, беря в руки разрубленного императора Карла Великого, — справедливо будет потребовать пять с четвертью реалов.

— Это не дешево, — возразил Санчо.

— Но и не слишком дорого, — сказал хозяин, — я предлагаю помириться на пяти реалах.

— Дайте ему нять с четвертью, — вмешался дон Кихот, — па четверть реала больше или меньше — это не играет роли. Только кончайте скорей, маэсе Педро: близится время ужина, и я начинаю ощущать голод.

— У этой куклы отбит нос и выбит глаз, — продолжал маэсе Педро. — Это — прекрасная Мелисендра, и за нее я прошу по совести два реала и двенадцать мараведисов.

— Чорт меня побери, — воскликнул дон Кихот, — сейчас Мелисендра со своим супругом, наверно, уже переехали границу Франции, ибо конь, на котором они мчались, казалось, не бежал, а летел. Поэтому, прошу вас, не продавать мне кота за зайца и не уверять меня, что эта безногая кукла — Мелисендра. Настоящая Мелисендра вместе со своим супругом наслаждаются теперь счастьем во Франции. Каждому воздастся по заслугам, сеньор маэсе Педро, и всем надлежит ходить прямо и мыслить здраво.

Увидев, что дон Кихот снова сел на своего конька, маэсе Педро испугался, как бы ему не остаться без всякого вознаграждения, и поспешил сказать:

— Я действительно ошибся: это не Мелисендра, а одна из

ее служанок. Дайте мне за нее шестьдесят мараведисов, и я останусь доволен расчетом.

Так одну за другой распенил он всех сломанных кукол. Когда он кончил, Санчо с хозяином несколько сократили его требования, так что общая сумма убытков составила сорок реалов с тремя четвертями. Санчо вытащил было кошелек, но маэсе Педро потребовал еще два реала за поимку обезьяны.

— Заплати ему, Санчо, — сказал дон Кихот, — если он и не поймает это животное, пусть хоть напьется в свое удовольствие. Я бы охотно дал двести реалов тому, кто бы мог с достоверностью сказать, что сеньора донья Мелисендра и сеньор дон Гайферос находятся теперь во Франции, в кругу своих родных.

— Никто бы не мог сделать этого лучше моей обезьяны, — сказал маэсе Педро. — К несчастью, теперь и сам чорт ее не поймает.

С этими словами пронырливый владелец театра опустил в кошелек монеты, полученные от Санчо, и, отказавшись от участия в общем ужине, раскланялся с присутствующими и отправился на покой. У маэсе Педро были свои основания уклониться от дальнейших разговоров с дон Кихотом и Санчо Пансой.

Читатели, вероятно, помнят Хинеса де Пасамонте, который вместе с другими каторжниками был освобожден отвагой дон Кихота в ущелье Сьерра Морены. Боясь попасть в руки правосудия, этот Хинес постарался всячески изменить свою наружность, наклеил себе на щеку синий пластырь и после разных приключений пробрался в Арагонское королевство.

Здесь он обзавелся кукольным театром, а у каких-то христиан, возвращавшихся из берберийского плена, купил обезьяну и научил ее вскакивать на плечо и шептать ему что-то на ухо. Направляясь в какое-нибудь село с театром и обезьяной, он прежде всего разузнавал, кто там живет и что с кем приключилось. Заполнив все это хорошенько, он являлся в село, давал представление, а затем предлагал посмотреть на искусство его обезьяны, объявляя зрителям, что она отгадывает прошлое и настоящее, но что мудрость ее не простирается на будущее. За ответы на каждый вопрос он брал два реала. Пасамонте, он же маэсе

Педро, был очень смышлен и ловко дурачил легковерных людей, втайне посмеиваясь над ними. Теперь читателю станет понятно, почему он без труда узнал дон Кихота и Санчо Пансу. Но как ни простодушны были благородный рыцарь и его оруженосец, он все же боялся слишком долго их дурачить. Поэтому он и отказался от общего ужина и поспешил скрыться в свою комнату.

Хозяин был немного огорчен исчезновением маэсе Педро, но остальные весело уселись за ужин. Угощал всех дон Кихот, и его щедрость не имела границ. К концу трапезы рыцарь вспомнил обещание крестьянина, везшего оружие, рассказать о чудесах и попросил его приступить к делу. Тот не заставил себя долго просить и начал свою историю, которая будет рассказана в следующей главе.

Глава 43,

**в которой рассказывается о том, как два друга
разыскивали пропавшего осла.**

— Да будет известно вапим милостям, — так начал рассказчик свое повествование, — что в одной деревне, в четырех с половиной милях отсюда, у рехидора⁷⁸ пронал осел. Эта пронажа очень огорчила рехидора. Он повсюду искал осла, но, несмотря на все его старания, животное не находилось. Так прошло около двух недель. И вот однажды, когда рехидор проходил по площади, его догнал другой рехидор из того же села и говорит:

«Ну, что вы мне дадите, кум? Ваш осел нашелся!» — «Обещаю вам, кум, подарочек, и не плохой, — ответил тот, — только скажите, где же он нашелся?» — «Я его видел сегодня утром в лесу, — ответил второй рехидор, — он был без упряжи и выглядел таким тощим, что жалко было на него смотреть. Я хотел пригнать его к вам, но он так одичал, что шарахнулся от меня в сторону и скрылся в чаще леса. Если хотите, пойдемте вместе, только позвольте мне сперва отвести в конюшню мою ослицу, — я сейчас вернусь». — «Вы доставите мне большое удовольствие, — сказал первый, — и я постараюсь отплатить вам тою же монетой». Итак, оба рехидора рука об руку отправились в лес. Но на том месте, где второй рехидор заметил утром осла, его уже не оказалось, и все их поиски были тщетными. Убедившись, что осел исчез, второй рехидор сказал своему другу: «Послушайте, кум, я придумал, как нам отыскать беглеца, даже если бы он провалился сквозь землю, а не то что заблудился в лесу. Я умею прекрасно реветь по-ослиному, и если вы тоже немного в этом сведущи, считайте, что дело наше выиграно». — «Немного! Да что вы говорите, кум, — ответил тот. — Клянусь богом, я в этом искусстве не уступаю даже самому ослу». — «Ну, и отлично, — сказал второй рехидор, — так вот что мы сделаем: вы пойдете по лесу в одну сторону, а я в другую. Таким образом мы обойдем весь лес, время от времени мы будем по очереди реветь. Осел, наверное, нас услышит и ответит нам таким же ревом». На это рехидор, потерявший осла, сказал: «Превосходная мысль, кум, она делает честь вашему глубокому уму». Тут они расстались. Немного погодя оба заревели и притом с таким искусством, что каждый подумал, будто осел нашелся и отвечает на его призыв. Обманутые этим предположением, они кинулись друг к другу. Когда они встретились, первый рехидор сказал: «Неужели, кум, это ревел не мой осел?» — «Нет, — ответил другой, — это я ревел». — «Ну, признаюсь, — сказал первый, — между вами, кум, и ослом не сыщешь разницы. Я в жизнь свою не слышал ничего более совершенного». — «Вы сами заслуживаете этих похвал, более чем я, — отвечал рехидор, придумавший план. — Клянусь богом, моим создателем, вы дадите два очка вперед самому искусному и опытному ослу на свете. Вы высоко ведете голос, держите

такт и меру, быстро и часто меняете лады; одним словом, я признаю себя побежденным и вручаю вам пальму первенства в этом редкостном искусстве». — «Знаете ли, кум, — ответил первый рехидор, — теперь я буду о себе лучшего мнения, чем прежде. Я буду думать, что и я кое-что умею, раз у меня открылся такой талант. Конечно, я и раньше знал, что реву хорошо, но никто до сих пор не говорил мне, что я достиг в этом совершенства».

«Затем они снова разошлись и принялись реветь, но все время ошибались, принимая друг друга за осла. Наконец они условились, что каждый из них будет реветь дважды сряду, чтобы было понятно, что режут они, а не осел. Так обошли они весь лес, оглашая его своим ревом, а заблудившийся осел все не подавал признаков жизни. Да он, несчастный, и не мог отозваться им, ибо в самой чаще леса наши рехидоры нашли в конпе концов его жалкие останки. Волки успели растерзать осла. Увидев это, хозяин осла сказал: «А я-то удивлялся, что он не отвечает. Не будь он мертв, он бы, наверное, заревел, услышав нас, — на то он и осел. Но все же я считаю, кум, что недаром потратил время на эти поиски. Я слышал, с каким изяществом вы ревете». — «В добрый час, кум, — ответил другой, — хорошо поет аббат, но и монашек от него не отстанет». Разочарованные и охрипшие, вернулись они в деревню и там рассказали своим друзьям, соседям и знакомым обо всем, что с ними случилось; каждый с восторгом расписывал, как изящно ревет по-ослиному его кум. Молва об этом происшествии разнеслась по всей округе, и все, слышавшие о нем, хохотали до упаду, а дьявол, который не дремлет и любит сеять вражду, пуская сплетни и раздувая ссоры, успел заварить порядочную кашу. Стоит теперь жителям соседних деревень увидеть кого-нибудь из нашего села, как они тотчас же принимаются реветь по-ослиному. Постепенно эта шутка превратилась в настоящее бедствие; ослиный рев перекатывается из села в село, и все научились тотчас отличать наших односельчан от других окрестных жителей, словно негров среди белых. Уже много раз наша деревня выходила на бой против насмешников. Вот и теперь мои односельчане собираются в поход против соседней деревни, жители которой нас особенно преследуют. А чтобы не идти в бой с голыми руками, меня послали

за пиками и алебардами. Вот все, что я могу вам рассказать. Если же это не кажется вам чудесным, то не прогневайтесь».

Так закончил свою повесть добрый крестьянин.

Дон Кихот и все присутствующие с интересом выслушали его рассказ. Вскоре все пожелало друг другу спокойной ночи и отправились на отдых. Ночь прошла спокойно. Крестьянин с оружием уехал до рассвета. А когда солнце встало, поднялись и студент с пажем и пошли прощаться с дон Кихотом. Студент возвращался к себе в деревню, а паж должен был продолжать свой путь, и дон Кихот дал ему на дорогу дюжину реалов. Своей щедростью он поразил хозяина гостиницы. Однако еще больше обрадовался он, когда Санчо по приказанию господина щедро расплатился с ним за ночлег и ужин. Покончив со всеми этими делами, дон Кихот со своим оруженосцем пустились в дальнейший путь.

Выехав из гостиницы, дон Кихот решил направиться вдоль берегов реки Эбро, а уж потом двинуться в Сарагосу, так как до начала турнира еще оставалось много времени. В течение двух дней они ехали вполне благополучно, без всяких особых приключений. На третий день, поднимаясь на какой-то холм, дон Кихот услышал громкие звуки труб и барабанов и аркебузные выстрелы. Сначала ему показалось, что вдали проходит отряд солдат. Но когда он добрался до вершины холма, то увидел, что внизу собралась толпа людей, вооруженных короткими копьями, арбалетами, рогатинами, алебардами и пиками. Некоторые держали в руках аркебузы, у многих были круглые щиты. Спустившись вниз, он заметил знамена и разглядел изображенные на них эмблемы. Его особенно заинтересовало белое атласное знамя с изображением ревущего осла. Вокруг осла шла надпись:

Да, ослами не без цели
Два алькальда заревели.

Тут дон Кихот сразу догадался, что это — односельчане ревунов, собравшиеся на бой со своими обилчиками.

К немалому огорчению Санчо, который терпеть не мог вмешиваться в такие истории, дон Кихот, подняв забрало, с благородным и отважным видом подъехал к знамени с изображением осла. Полагая, что это один из их сторонников, главные пред-

водители войска столпились вокруг него. Они молча смотрели на дон Кихота с тем удивлением, с каким глядели на него все незнакомые. Дон Кихот, видя, что никто не решается заговорить с ним и все молчат, решил воспользоваться этим молчанием и, возвысив голос, начал так:

— Добрые сеньоры, я собираюсь сказать вам несколько слов и убедительно прошу вас не перебивать меня. Но если мои слова покажутся вам неприятными, — подайте мне знак, и я немедленно наложу печать на свои уста и узду на свой язык.

Все в один голос обещали внимательно выслушать его. Тогда дон Кихот продолжал:

— Сеньоры, я — странствующий рыцарь, мое ремесло — военное дело, а призвание — покровительствовать слабым и помогать несчастным. Несколько дней тому назад я узнал о постигших вас неприятностях и о вашем намерении с оружием в руках отомстить обидчикам. Я много и долго размышлял о вашем деле и пришел к заключению, что у вас нет никаких оснований считать себя оскорбленными, ибо никогда частное лицо не может оскорбить целую общину. В благоустроенном государстве разумные мужи обнажают мечи и рискуют собой, своей жизнью и имуществом только в четырех случаях: во-первых, защищая нашу католическую веру; во-вторых, защищая собственную жизнь, ибо так велит и божеское и естественное право; в-третьих, защищая честь, семью и имущество; в-четвертых, защищая родину. Конечно, сюда можно присовокупить несколько других, не менее справедливых и разумных поводов к защите с оружием в руках. Но вооружаться из-за пустяков, из-за шуток и насмешек, которые вовсе не обидны, могут только люди, лишенные всякого здравого смысла. Тем более, что искать несправедливого отмщения (а справедливой мести вообще не существует) — значит прямо идти против исповедуемой нами святой веры, которая велит нам делать добро врагам и любить ненавидящих нас. Многим кажется, что соблюдение этой заповеди слишком трудно, но это только потому, что они более заботятся о мирских делах, чем о боге.

— Чорт меня побери, — сказал тут про себя Санчо Панса, — мой господин сущий богослов. Во всяком случае, он похож на него не меньше, чем одно лицо похоже на другое.

А дон Кихот немножко передохнул и, видя, что все слушают его в полном молчании, собрался было продолжать свою речь. Но в это время Санчо, горевший желанием блеснуть своим умом, не выдержал и перебил своего хозяина.

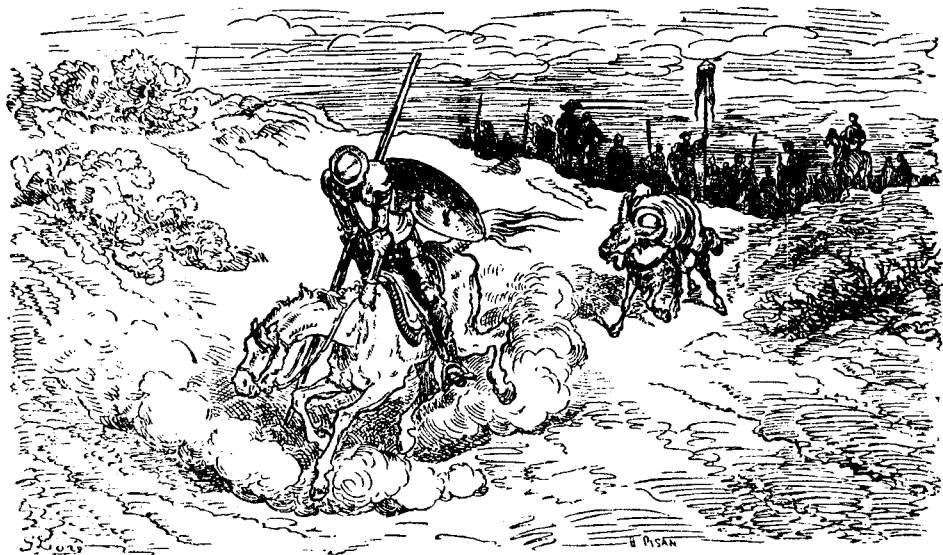
— Господни мой дон Кихот Ламанчский, — начал он, — называвшийся некогда рыцарем Печального Образа, а ныне именуемый себя рыцарем Львов, — весьма рассудительный идальго, знающий латынь не хуже любого бакалавра. Кроме того, он опытный и смелый воин и знает, как свои пять пальцев, все законы и правила поединков. Поэтому для вас лучше всего последовать его совету. Не стоит в самом деле обижаться, если дураки дразнят вас ослиным ревом. Я припоминаю, что мальчишкой я очень часто ревел ослом, хотя никто меня об этом не просил. И ревел так ловко и искусно, что вслед за мной подымали рев все ослы в деревне. Но это нисколько не мешало мне оставаться сыном своих родителей, людей почтеннейших: напротив, моему уменью завидовало немало щеголей из деревенской молодежи. Если же вы хотите убедиться в том, что я говорю правду, то подождите и послушайте. Научиться реветь по-ослиному все равно, что научиться плавать: кто раз эту науку постиг, тот никогда ее больше не забудет.

И тотчас же, приставив руку к носу, он заревел с такой силой, что по всем соседним долинам прокатилось эхо. Но эта выходка обошлась ему очень дорого. Какой-то крестьянин, вообразив, что Санчо заревел в насмешку, поднял свою дубинку и нанес ему такой удар, что Санчо Панса замертво повалился на землю.

Дон Кихот бросился было на помощь своему оруженосцу, но целая толпа крестьян мигом разделила их. На нашего рыцаря посыпался град камней, и множество заряженных арбалетов и аркебузов с угрозою направилось на него. Видя, что ему не справиться с разъяренными крестьянами, дон Кихот повернул Росинанта и во весь опор поскакал прочь. Он только о том и молил бога, чтобы какая-нибудь шальная пуля не попала ему в спину. Однако толпа удовлетворилась его бегством: ни одного выстрела не раздалось ему вслед. Так же милостиво крестьяне обошлись и с Санчо: как только он пришел в себя, его взвалили на осла и отпустили на все четыре стороны. Оруженосец был не в силах

править серым, но тот сам поплелся по следам Росинанта. Между тем дон Кихот, отдохав на порядочное расстояние и убедившись, что никто за ним не гонится, стал поджидать Санчо. Крестьяне же просидели в поле до ночи; увидев, что враги их уклонились от боя, они с торжеством вернулись к себе в деревню. Если бы им был ведом обычай древних греков, они, наверное, воздвигли бы памятник на этом месте.

А Санчо, с трудом держась на своем сером, еле-еле добрался

до господина и тут свалился к ногам Росинанта. Он был жестоко избит и едва дышал. Дон Кихот спешился, чтобы осмотреть его раны, но, убедившись, что никаких серьезных увечий у него нет, гневно закричал:

— Не в добрый час вздумалось вам зареветь, Санчо! Разве вы забыли, что в доме повешенного не говорят о веревке? К вашей ослиной музыке удары дубинкой оказались самым подходящим аккомпанементом. Благодарите бога, Санчо, что вы еще так дешево отделались.

— Я не в состоянии отвечать, — сказал Санчо, — ибо мне

кажется, что я говорю не ртом, а спиной. Уедемте-ка поскорей. Реветь по-ослиному я уж больше не стану, но не стану также и молчать о том, что странствующие рыцари удирают с поля битвы и оставляют во власти неприятеля своих добрых оруженосцев.

— Отступление не есть бегство, — возразил дон Кихот, — ибо следует тебе знать, Санчо, что храбрость без благоразумия именуется безрассудством, а подвиги безрассудного следует приписывать скорее удаче, чем мужеству. Я готов сознаться в отступлении, но не в бегстве. Я только следовал примеру множества храбрецов, которые берегли себя для более важных дел.

Затем Санчо с помощью дон Кихота взобрался на осла, сам дон Кихот сел на Росинанта, и они шагом поехали к видневшейся неподалеку роще. Время от времени Санчо выпускал глубочайшие «охи» и «ахи» и скорбные стоны. На вопрос дон Кихота, почему он так горько стонет, Санчо заявил, что у него дьявольски болит позвоночник.

— Ну, — сказал дон Кихот, — объяснить, почему он болит, нетрудно: тебя вздули порядочной дубинкой; будь она пошире, боль оказалась бы еще сильнее.

— Господи помилуй! — воскликнул Санчо. — Ваша милость разрешила великое сомнение. Подумать только — я и не подозревал, что у меня болят как раз те места, по которым прошлась дубинка. Поистине, сеньор хозяин, чужая голова не болит. Я с каждым днем все больше и больше убеждаюсь, что мне нечего ждать пользы от скитаний с вашей милостью. Сегодня вы позволили избить меня дубинками, а завтра мне выпадет на долю снова кувиркаться на одеяле или иная детская игра в этом же роде. Сегодня мне пришлось подставить только спину, а завтра, чего доброго, и глазам придется плохо. Нет уж, ваша милость, я полагаю, что лучше мне вернуться во-свояси, к жене и деткам, растить их и кормить, чем бог пошлет, а не бродить за вашей милостью по непроторенным дорогам и непротоптаным тропинкам, вечно страдая от голода и жажды. А уж о сне — лучше и не говорить! Не угодно ли вам соснуть, братец оруженосец? Отмерьте себе семь пядей земли, а желаете побольше — вот вам еще семь. Пожалуйста, не стесняйтесь. Занимайте, сколько вашей душе угодно, и располагайтесь со всеми удобствами. Чтобы сторел на

костре и рассыпался пеплом тот, кто первый выдумал все это странствующее рыцарство, а особенно тот, кто первый согласился поступить в оруженосцы к таким болванам, какими, наверное, были все странствующие рыцари прошлых веков. О теперешних я не говорю, потому что я их уважаю, да и ваша милость принадлежит к их числу, а мне известно, что по части ума ваша милость самому дьяволу может дать два очка вперед.

— Я готов биться об заклад, Санчо, — сказал дон Кихот, — что теперь, когда я не мешаю вам болтать, вы позабыли о всякой боли. Говорите, любезный, все, что вам взбредет в голову и подвернется на язык. Только бы у вас ничего не болело, а я с удовольствием стерплю все ваши дерзости. Но если вам так хочется вернуться домой к жене и детям, то упаси меня боже вас удерживать. У вас мои деньги; сосчитайте, сколько прошло дней со времени нашего третьего выезда из деревни и сколько вам приходится за вашу службу, и заплатите себе сами.

— Когда я служил Томе Карраско, отцу бакалавра Самсона Карраско, которого ваша милость хорошо знает, — ответил Санчо, — я зарабатывал в месяц двадцать реалов, не считая харчей. Не знаю, сколько мне попросить с вашей милости; знаю только, что быть оруженосцем странствующего рыцаря гораздо труднее, чем батраком у крестьянина. На службе у крестьянина мы, правда, много работаем днем, но зато вечером одним похлебку и ложимся спать в постель, а с тех пор, как я служу вашей милости, я и в глаза не видел постели. Все время я спал на голой земле под открытым небом, переноса, как говорится, бури и непогоды; питался хлебными корками да сухим сыром и пил воду из ручьев, которые попадались нам в этих дебрях.

— Признаю, — сказал дон Кихот, — что все, вами сказанное, Санчо, истинная правда. Сколько же, по вашему мнению, следует прибавить к тому, что вам платил Томе Карраско?

— Но-моему, — ответил Санчо, — если ваша милость накинёт по два реала в месяц, этого будет вполне достаточно. Но это только жалованье. А, кроме того, ваша милость дала обещание пожаловать мне губернаторство на каком-нибудь острове. Так вот за это по справедливости следовало бы прибавить еще по шести реалов, а всего круглым счетом тридцать реалов в месяц.

— Отлично, — сказал дон Кихот. — Мы выехали из деревни ровно двадцать пять дней назад. Так вот, сосчитайте, сколько я вам должен, Санчо, и уплатите себе сами.

— Ах, господи помилуй! — воскликнул Санчо. — Ваша милость в своих расчетах допускает большую ошибку. Ведь уплату за обещанный остров нужно считать, начиная с того времени, когда ваша милость дала мне это обещание, и по сегодняшшний день.

— А сколько же времени прошло с тех пор, как я вам это обещал? — спросил дон Кихот.

— Если память мне не изменяет, — ответил Санчо, — лет двадцать или на два-три дня побольше.

Дон Кихот хлопнул себя по лбу, расхохотался и сказал:

— Да ведь все наши походы вместе продолжались не больше двух месяцев. А ты говоришь, Санчо, что я обещал тебе острів двадцать лет тому назад! Теперь я вижу, что ты хочешь взять себе все деньги, которые я отдал тебе на хранение. Если так — бери их немедленно, и дай тебе бог удачи. Чтобы избавиться от такого скверного оруженосца, я с радостью готов остаться без гроша в кармане. Но ответь мне, оруженосец, нарушивший законы, предписанные твоему званию странствующим рыцарством, где ты видел или читал, чтобы оруженосец странствующего рыцаря, служа своему господину, внезапно заявил ему: «А какое жалованье вы мне назначите?» О разбойник, трус, чудовище! Если ты найдешь в каком-нибудь рыцарском романе хоть одного оруженосца, который сказал бы или подумал то, о чем ты только что говорил, то я позволю тебе вырезать мне эти слова на лбу да еще вцепить мне несколько щелчков в придачу. Подтяни-ка поводья своего серого да возвращайся к себе домой. Со мной ты ни одного шагу больше не сделаешь. Так вот благодарность за мой хлеб! Так вот кому я давал обещания! О человек, более похожий на животное! Как! В ту самую минуту, когда я наперекор твоей жене твердо решил пожаловать тебя в сеньоры, ты собираешься меня покинуть? Да, ты был прав, когда сказал однажды: осла медом не кормят. Ты был и есть осел и останешься ослом до конца жизни.

Пока дон Кихот бранил Санчо, оруженосец не отрываясь

смотрел на рыцаря. Наконец он почувствовал такие угрызения совести, что слезы выступили у него на глазах, и он заговорил жалким и слабым голосом:

— Сеньор мой, я сознаюсь, что мне недостает только хвоста, а не то я был бы настоящим ослом. Если хотите, ваша милость, прицепите мне хвост, — я буду считать, что он на своем месте, и стану работать на вашу милость, как осел, во все дни моей жизни. Простите меня, ваша милость, сжальтесь над моей глупостью. Примите во внимание, что знания у меня мало, и если говорю я много, то не по злобе, а по слабости; а кто грешит и исправляется, тот с богом примиряется.

— Я бы удивился, Санчо, если бы ты обошелся без поговорки. Ну, ладно, если ты обещаешь исправиться, я прощаю тебя; но, смотри, вперед не заботься столько о своей выгоде. Будь мужествен и терпелив, крепись и не теряй надежды на получение обещанной награды, хоть она и опаздывает.

Санчо ответил, что он будет послушен и постарается быть твердым в напастях. Таким образом мир между рыцарем и оруженосцем был восстановлен, и они поехали дальше. Вскоре они добрались до тенистой рощи и расположились на отдых под вязами и буками. Санчо провел мучительную ночь: от ночного ветра его синяки заныли еще крепче. А дон Кихот предался своим обычным мечтаниям. Но все же под конец глаза их сомкнулись, и оба заснули крепким сном.

Глава 44

о славном приключении с заколдованной лодкой.

Через два дня дон Кихот и Санчо Панса достигли берегов реки Эбро; наш рыцарь с наслаждением созерцал светлые струи и мирное течение ее обильных вод. Это отрадное зрелище пробудило в нем множество любовных мыслей; особенно ясно припомнилось ему все то, что он видел в пещере Монтесинос. Хотя обезьяна маэсе Педро сказала ему, что далеко не все в этих видениях правда, он попрежнему верил, что все случилось на самом деле. Однако Санчо упрямо твердил, что все его рассказы — сплошная выдумка. Медленно подвигаясь вдоль реки, они заме-

тили небольшую лодочку без руля и весел, привязанную у берега к стволу дерева. Поблизости не было ни одного человека, не видно было и жилища, где мог бы обитать владелец лодки. Дон Кихот огляделся по сторонам; не видя никого кругом, он соскочил с Росинанта, велел Санчо слезть с серого и крепко привязать обоих животных к стоявшему поблизости тополю. Удивленный Санчо спросил рыцаря, что означает это приказание. Дон Кихот ответил:

— Знай, Санчо, что эта лодка, причалившая к берегу, зовет меня поспешить на помощь к какому-нибудь рыцарю или другой знатной особе, испытывающей великие бедствия. Так всегда бывает в рыцарских романах: когда какому-нибудь рыцарю угрожает гибель и спасти его может только другой рыцарь, то волшебники посылают за ним чудесную ладью, и он мгновенно переносится туда, где нуждаются в его помощи. Так вот, Санчо, ты видишь эту лодку; она, наверное, послана за мною; все это такая же правда, как то, что сейчас день; итак, пока еще светло, привяжи серого и Росинанта к дереву, и да ведет нас рука божья.

— Ну что же. — ответил Санчо, — раз ваша милость затекает новое сумасбродство, мне остается только повиноваться и склонить голову согласно пословице: исполняй приказ своего господина и садись с ним за стол. Но все же, для очистки совести, я хотел бы доложить вашей милости, что лодка эта вовсе не кажется мне заколдованной. Просто-напросто ее привязали здесь какие-нибудь рыбаки: ведь в этой реке много очень хорошей рыбы.

Тем не менее Санчо исполнил приказание дон Кихота. Ему было чрезвычайно больно оставлять своего серого под защитой и покровительством волшебников.

— Ну, все готово, — сказал Санчо. — Что же нам сейчас делать?

— Что делать? — ответил дон Кихот. — Перекреститься и бросить якорь, то есть сесть в лодку и перерезать канат, который ее держит.

Тут он прыгнул в лодку, подождал, пока Санчо влез в нее, затем перерезал веревку, и лодка стала медленно удаляться от берега. Когда она выплыла на середину реки, Санчо задрожал от

страха, ожидая неминуемой гибели. Но еще больше он огорчился, услышав рев своего осла и увидев, что Росинант рвется на привязи. Обернувшись к дон Кихоту, он воскликнул:

— Бедняга серый! Он ревет, жалуясь, что его покинули. А ваш Росинант старается вырваться на свободу и броситься за нами вдогонку. О дорогие друзья, оставайтесь в мире! О, если бы сам бог внушил нам, что покидать вас — чистое безумие! О, если бы мы поскорее вернулись к вам!

Тут он принялся так горько плакать, что дон Кихот рассердился и гневно сказал:

— Чего ты боишься, трусливое создание? О чем нлачешь, тряпичное сердце? Кто преследует тебя, кто за тобой гонится, крысиная душа? Чего тебе нехватает, в чем ты нуждаешься, покоясь на лоне изобилия? Разве ты идешь босиком по скалистым горам, а не сидишь спокойно, словно какой-нибудь владетельный князь, в прекрасной лодке, которая плавно скользит по чудесной реке. Волны скоро вынесут нас в широкое море. Впрочем, мы, кажется, уже в море, ведь мы проплыли, наверное, не менее восьмисот миль. Как жаль, что у меня нет с собой астролябии, я мог бы тебе точно сказать, какое громадное расстояние мы проплыли. Мы, наверное, уже пересекли линию равноденствия, то есть ту линию, которая разделяет и перерезывает землю на равном расстоянии от противостоящих полюсов.

— А когда мы достигнем линии благоденствия, о которой говорит ваша милость, — спросил Санчо, — сколько миль мы тогда проедем?

— Много, — ответил дон Кихот, — ибо, согласно вычислениям Птолемея,⁷⁹ который был величайшим из всех известных нам космографов, поверхность воды и земли нашей планеты равняется тремстам шестидесяти градусам, а мы с тобой, достигнув вышеупомянутой линии, проедем ровно половину этого расстояния.

— Нечего сказать, — воскликнул Санчо, — на почтенного свидетеля вы сылаетесь, ваша милость: какого-то «косматого графа» или что-то в этом роде.

Дон Кихот рассмеялся, услышав, как Санчо перевернул имя космографа Птолемея, и сказал:

— Послушай, Санчо, когда наши испанцы плывут из Канксы в Восточную Индию, они легко узнают, что пересекли линию равноденствия: у путешественников подымают все вши, так что их на всем корабле ни за какие деньги не сыщешь. Поэтому, Санчо, поинщи-ка у себя: если ты ничего не найдешь, значит, мы наверное уже миновали эту линию.

— Никогда я этому не поверю, но все же исполню приказание вашей милости, — ответил Санчо. — Впрочем, я не понимаю, к чему все эти опыты. Ведь я собственными глазами вижу, что мы отъехали от берега всего-навсего на несколько сажений. Вон стоят Росинант и серый. Прикиньте-ка на глаз, и вы убедитесь, что мы движемся черепашным шагом.

— Ты, Санчо, проделай лучше тот опыт, о котором я говорил, а об остальном не беспокойся: все равно ты не знаешь, что такое колурии, параллели, зодиаки, полюсы, эклиптики. Иначе ты бы давно понял, сколько параллелей мы пересекли, сколько знаков зодиака видели, сколько созвездий оставили за собой. Поэтому не спорь, а поинщи-ка лучше на себе. Я твердо уверен, что ты чист, как лист белой бумаги.

Санчо стал шарить, медленно проводя рукой по ноге. Наконец он поднял голову и, посмотрев на своего господина, сказал:

— Или опыт ваш никуда не годится, или мы еще много миль не доехали до того места, о котором говорит ваша милость.

— Как? — спросил дон Кихот. — Ты все-таки поймал?

— И даже не одну, — ответил Санчо.

Тут он стряхнул что-то с пальцев и сполоснул руку в воде. Между тем лодка медленно скользила по середине реки, и влекла ее совсем не таинственная сила и не волшебник-невидимка, а просто-напросто ровное и тихое течение.

В это время вдали показалась плотина и несколько больших мельниц. Как только дон Кихот их заметил, он тотчас же вскричал:

— Смотри, друг мой, вот перед нами открывается город, замок или крепость, в котором томится угнетенный рыцарь или похищенная королева либо принцесса, на помощь которым я сюда послан.

— О каком, чорт возьми, городе, крепости или замке говорите вы, ваша милость мой сеньор? — сказал Санчо. — Да как же вы не видите, что это только водяные мельницы, на которых мелют зерно?

— Молчи, Санчо, — ответил дон Кихот, — они кажутся мельницами, но они не мельницы; ведь я уже тебе говорил, что сила волшебства искажает внешний вид вещей. Я не хочу сказать, что одни вещи действительно превращаются в другие, нам только кажется, что они стали другими. Вспомни, например, превращение Дульсинеи, сего единственного прибежища для всех моих упований.

Между тем течение подхватило лодку и понесло ее с неожиданной скоростью. Мельники, работавшие на мельницах, видя, что лодка попала в водоворот и может разбиться, выскочили на плотину и схватились за багры, чтобы во-время задержать напавших путешественников. Все они с ног до головы были вымазаны мукой и издали были похожи на привидения. Они громко кричали:

— Эй, вы, куда вас чорт несет? Что, вам жизнь надоела? С чего вам вздумалось погибнуть под колесами?

— Ну, не говорил ли я тебе, Санчо! — воскликнул дон Кихот. — Вот, наконец, приключение, где мне понадобятся вся моя сила и отвага. Посмотри, сколько чудовищ преграждают нам дорогу, сколько уродов корчат нам гримасы! Но я вам сейчас покажу, негодяи!

И, поднявшись в лодке во весь рост, он принялся грозно кричать мельникам:

— Злобный и злокозненный сброд, возвратите свободу тому, кто томится в вашей темнице. Мужчина ли это или женщина, знатный сеньор или же простой смертный, — мне все равно; я требую немедленного освобождения страдальца или страдальницы. А — дон Кихот Ламанчский, иначе называемый рыцарем Львов, и мне самим небом предназначено довести это приключение до счастливого конца.

С этими словами он выхватил меч и начал размахивать им в воздухе. А мельники, не понимая его безумных речей, старались баграми удержать лодку, увлекаемую водоворотом под колеса.

Санчо опустился на колени и молил бога спасти его. И он, действительно, был спасен, ибо как раз в эту минуту мельники зацепили лодку своими баграми и подтянули к плотине. Но толчок был так силен, что лодка перевернулась и дон Кихот вместе с Санчо упали в воду. Хотя дон Кихот плавал не хуже утки, однако под тяжестью оружия он едва не пошел ко дну; Санчо же вовсе не умел плавать. Если бы мельники не бросились в воду и не вытащили их обоих, рыцарь и оруженосец нашли бы здесь свою погибель. Очутившись на берегу, Санчо снова бросился на колени и, воздев руки и устремив глаза к небу, обратился к богу с длинной и горячей молитвой, прося избавить его от безрассудных предприятий дон Кихота.

Как раз в эту минуту подоспели рыбаки, которым принадлежала лодка. Пока мельники спасали павших друзей, лодку течением успело затянуть под колеса, где она была изломана в щепы. Вне себя от гнева набросились рыбаки на Санчо и принялись стаскивать с него одежду. При этом они осыпали бранью дон Кихота и требовали у него платы за погубленную лодку. Наш рыцарь хладнокровно ответил мельникам и рыбакам, что он с величайшей готовностью заплатит, но при условии, что они отпустят на свободу того пленника или пленников, которые томятся у них в замке.

— Да о каких пленниках в замках ты толкуешь, глупая твоя башка? — ответил один из мельников. — На мельнице только и есть, что двое крестьян, привезших молотье свое зерно.

— Довольно! — сказал себе дон Кихот. — Убеждать этих злодеев сделать доброе дело совершенно бесполезно. Это все равно, что проповедывать в пустыне. В этом приключении, наверное, столкнулись два могущественных волшебника. Каждый из них старается поменшать другому: один послал за мной лодку, а другой опрокинул ее в воду. Недаром ведь весь свет полон происков и враждебных козней. Только бог может здесь помочь, — я же ничего не могу поделать.

И, повернувшись лицом к мельнице, он воскликнул:

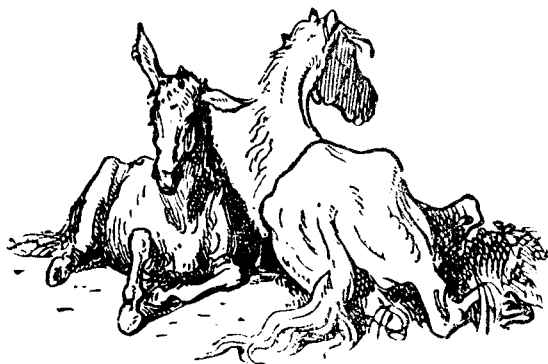
— Кто бы вы ни были, друзья мои, заточенные в этой темнице, простите меня. К моему и к вашему несчастью, я не в си-

лах освободить вас из злого плена. Должно быть, этот подвиг предназначен для другого рыцаря.

Потом, несколько успокоившись, он столковался с рыбаками и заплатил им за лодку пятьдесят реалов, которые Санчо выдал с кислой миной, ворча себе под нос:

— Еще одна такая прогулка по воде, и все наши денешки пойдут ко дну.

А рыбаки и мельники, разинув рты, глядели на эту необычайную пару и никак не могли понять, о чем это дон Кихот толкует. Наконец, решив, что это сумасшедшие, они оставили их в покое и вернулись — кто на мельницу, кто в рыбацкие хижины. А дон Кихот и Санчо пошли отыскивать покинутых ими неразумных животных. Как видит читатель, наши друзья и сами не могли похвастать своим разумом.

Глава 45

о встрече дон Кихота с прекрасной охотницей.

В глубоком унынии рыцарь и оруженосец возвратились к своим скакунам. Особенно расстроен был Санчо: уж очень ему было жалко отданных рыбакам денег. У него всегда подступало к сердцу, когда нужно было подступить к хозяйской казне; казалось, ему легче было расстаться с собственным глазом, чем с деньгами. Не сказав друг другу ни слова, наши друзья отвя-зали Росинанта и серого и покинули берега знаменитой реки. Дон Кихот погрузился в мечты о своей любви, а Санчо — в мечты

о своем блестящем будущем. Однако эти мечты казались ему сейчас особенно тщетными и пустыми. Ибо, хотя Санчо и был придрюковат, он все же отлично понимал, что все или почти все поступки его господина были сплошным сумасбродством. Поэтому все чаще и чаще ему приходило в голову удрать в один прекрасный день домой, не прощаясь с дон Кихотом и не беря расчета. Однако события повернулись совершенно иначе, чем он предполагал.

На следующий день, под вечер, дон Кихот заметил на опушке леса группу охотников. Подъехав поближе, он увидел среди них красивую даму. Она сидела на белоснежном коне, щеголявшем окованным в серебро седлом и зеленой сбруей. Дама тоже была одета во все зеленое и притом так богато и красиво, что казалась воплощением изящества; на левой руке у нее сидел сокол. Дон Кихот догадался, что дама — какая-то знатная особа, а все остальные охотники — ее свита. Он сказал Санчо:

— Беги, сынок Санчо, и скажи этой даме на белом коне, с соколом на руке, что я, рыцарь Львов, почтительнейше склоняюсь перед ее великой красотой. Если ее великоление позволит, я предстану перед ней, чтобы поцеловать ей руку и исполнить все, что ее величию будет угодно приказать. Но только смотри, Санчо, выражайся пристойно и не вздумай вставлять в свою речь какие-нибудь глупые поговорки.

— Ну уж тоже нашли балагура! — ответил Санчо. — Кому вы это говорите? Не первый раз приходится мне отпрапляться к высоким и великовозрастным дамам!

— Я тебя посылал только к сеньоре Дульсинее, — сказал дон Кихот, — и, насколько мне помнится, никаких других поручений ты не исполнял, по крайней мере на моей службе.

— Это-то правда, — ответил Санчо, — но хорошему платильщику никакой залог не страшен, и когда дом — полная чаша, не приходится долго ждать ужина. Я хочу сказать, что не нуждаюсь в наставлениях и советах, потому что все понимаю и никогда не сплешаю.

— Я в этом уверен, Санчо, — сказал дон Кихот, — так ступай же в добрый час, и да поможет тебе бог.

Санчо поскакал во весь опор, подъехал к прекрасной охот-

нице, слез с серого, опустился перед ней на колени и сказал:

— Прекрасная сеньора, вон там стоит рыцарь, по прозванию рыцарь Львов. Это — мой господин, а я его оруженосец, и зовут меня Санчо Панса. Так вот, этот рыцарь Львов, еще недавно называвшийся рыцарем Печального Образа, послал меня просить ваше высочество соблаговолить дозволить ему явиться сюда и привести в исполнение свое желание; а состоит оно, — как он заявляет, да и я тоже думаю, — в том, чтобы служить вашей высокой соколиности и красоте; и если это будет ему дозволено, то вы, сеньора, получите большую пользу, а мой господин почтет это для себя отменной милостью и удовольствием.

— Поистине, добрый оруженосец, — ответила дама, — вы исполнили ваше поручение по всем правилам, как это полагается в подобных случаях. Встаньте же! Не подобает стоять на коленях оруженосцу великого рыцаря Печального Образа, о котором мы уже так много слышали. Встаньте, друг мой, и скажите вашему господину, что он явился как раз во-время и что я и мой муж, герцог, будем рады принять его в нашем летнем дворце неподалеку отсюда.

Санчо поднялся; он был совершенно поражен красотой, приветливостью и любезностью доброй сеньоры. Но еще более удивило его то, что она уже слышала о рыцаре Печального Образа. Правда, она не назвала его рыцарем Львов, но, должно быть, только потому, что дон Кихот совсем недавно переименовал свое имя.

Видя, что Санчо Панса медлит, герцогиня повторила свое приглашение:

— Ступайте же, братец Панса, и скажите вашему господину, что он в добрый час пожаловал в мои владения и что ничто на свете не могло бы мне доставить больше удовольствия, чем посещение такого доблестного рыцаря.

Выслушав эти благосклонные слова, Санчо с глубоким удовольствием поспешил к своему господину и передал ему все, что сказала знатная сеньора. При этом он в простодушных выражениях превозносил до небес ее замечательную красоту, обходительность и любезность. Дон Кихот приосанился, укрепился

на стременах, поправил забрало, пришипориł Росинанта и с благодушным спокойствием направился к герцогине, чтобы поцеловать ей руку. А герцогиня тем временем подозвала своего мужа, герцога, и рассказала ему о посольстве дон Кихота. Желая позабавиться, они решили потворствовать его причудам, соглашаться со всем, что он скажет, и, пока он будет у них гостить, обращаться с ним, как со странствующим рыцарем и соблюдать все церемонии, описываемые в рыцарских романах, — они были весьма начитаны в этих книгах и очень их любили.

Между тем дон Кихот с поднятым забралом подъехал к ним и, желая спешиться, подал Санчо знак, чтобы тот подержал ему стремя. Но Санчо не повезло: слезая с серого, он запутался в его сбруе и повис вниз головой. А дон Кихот, уверенный, что Санчо уже успел подойти, одним взмахом перенес ногу, нотащил за собою плохо подтянутое седло Росинанта и грохнулся наземь. Смущенный и рассерженный, барахтался он в пыли, сквозь зубы посылая проклятия по адресу злополучного Санчо, который никак не мог выпутать свою ногу. Герцог приказал егерям поспешить на помощь рыцарю и оруженосцу. Когда они подняли дон Кихота, рыцарь собрался было опуститься на колени перед герцогиней и ее супругом. Но герцог воспротивился этому: прыгнув с лошади, он обнял дон Кихота и сказал:

— Мне очень досадно, сеньор рыцарь Печального Образа, что при самом въезде в мои владения вас постигла такая неудача. Но небрежность оруженосцев причиняет нередко и худшие бедствия.

— Встреча с вами, доблестный повелитель, — отвечал дон Кихот, — не может быть названа неудачей. Упав я на самое дно пропасти, я бы выбрался оттуда, если бы меня ждала честь увидеть вас. Мой оруженосец — да будет он проклят — может наболтать много лукавых слов, но не может подтянуть подпругу так, чтобы седло держалось крепко. Но все равно: стоя на ногах или лежа на спине, сидя на лошади или идя пешком, — я всегда буду служить вам и сеньоре герцогине, уважаемой вашей супруге, достойной царице красоты и непогрешимой принцессе учтивости.

— Не увлекайтесь, сеньор дон Кихот Ламапчский. Мы слышались не только о ваших подвигах, но также о вашей верности прекрасной сеньоре Дульсинея Тобосской. Там, где парит донья Дульсинея, не надлежит восхвалять другую красавицу.

Тем временем Санчо высвободил ногу из петли и подошел к бессдующим. И не успел дон Кихот ответить герцогу, как оруженосец его заговорил:

— Нельзя отрицать, что сеньора Дульсинея Тобосская прекрасна. Но заяц выскакивает там, где его меньше всего ожидаешь. Ведь то, что мы называем природой, пные люди, как я слышал, уподобляют горничнику, делающему сосуды из глины: если он слепил один красивый сосуд, то, значит, он может сделать их и два, и три, и целую сотню. Говорю я это к тому, что сеньора герцогиня, ей-богу, ничем не уступает моей хозяйке, сеньоре Дульсинея Тобосской.

Дон Кихот обратился к герцогине и сказал:

— Разрешите доложить вашему высочеству: ни у одного странствующего рыцаря не было такого болтливого и падкого до остроумия оруженосца, как у меня. Если вашей высочайшей милости будет угодно, чтобы я прослужил вам хоть несколько дней, вы убедитесь, что я говорю правду.

На это герцогиня ответила:

— Если добрый Санчо любит поострить, то в этом нет ничего худого. Напротив, это только доказывает, что он не глуп. Вы прекрасно знаете, ваша милость сеньор дон Кихот, что люди тупые не склонны к шуткам и остроумиям, и если добрый Санчо любит пошутить и поострить, значит он умница.

— И болтун, — прибавил дон Кихот.

— Тем лучше, — подхватил герцог, — кто хорошо острит, тому приходится много говорить. Впрочем, не будем терять времени на разговоры, — прошу вас, великий рыцарь Печального Образа, пожаловать. . .

— Скажите лучше: рыцарь Львов, ваше высочество, — перебил Санчо, — Печального Образа больше нет: у нас теперь Львы.

Герцог продолжал:

— Итак, прошу пожаловать, сеньор рыцарь Львов, в мой замок. Там вам окажут прием, какой по всей справедливости подобает вашей высокой особе.

Тем временем Санчо тщательно поправил и подтянул седло Росинанта. Дон Кихот сел верхом, герцог вскочил на прекрасного коня, и все направились к замку. Герцогиня велела Санчо ехать с ней рядом, так как умные речи оруженосца доставляли ей бесконечное удовольствие. Санчо не заставил себя просить и дал волю своему неутомимому языку. Герцог и герцогиня считали великим счастьем принять у себя в замке знаменитого странствующего рыцаря и его диковинного оруженосца.

Глава 46

**о том, как принимали дон Бихота и его оруженосца
в герцогском замке.**

Пригласив в свой замок дон Бихота с его оруженосцем, герцог поскакал вперед, чтобы сделать нужные распоряжения для торжественного приема рыцаря. И вот, когда рыцарь вместе с герцогиней подъехал к воротам замка, навстречу ему вышли два лакея или конюшие, одетые в парадные ливреи из тончайшего алого атласа. Они подхватили нашего рыцаря на руки, сняли с Росинанта и сказали:

— Соболаговолите, ваше высочество, помочь сеньоре герцогине сойти с лошади.

Дон Кихот поспешил к герцогине, и тут между ними произошло длительное соревнование в учтивости. Герцогиня утверждала, что она недостойна принимать такие услуги от знаменитого рыцаря. Рыцарь, рассыпаясь в комплиментах, упорствовал в своем намерении. Герцог положил конец этой сцене, лично поддерживая стремя герцогине. Затем все прошли на просторный внутренний двор. Здесь к ним приблизились две прекрасные девушки и набросили на плечи дон Кихота широкий плащ из тончайшего красного сукна. В ту же минуту все галереи внутреннего двора наполнились слугами и служанками герцога, которые громко восклицали:

— Добро пожаловать, цвет и краса странствующего рыцарства!

При этом они опрыскивали благовонной жидкостью и герцогскую чету и дон Кихота. Немало удивленный таким торжественным приемом, наш рыцарь окончательно поверил, что он не какой-нибудь мнимый, а самый настоящий странствующий рыцарь, ибо видел, что все обращаются с ним совершенно так, как обращались, судя по романам, со странствующими рыцарями в минувшие века.

А Санчо, восхищенный ласковым обхождением герцогини, ни за что не хотел расставаться с ней. Покинув серого, он вслед за герцогской четой и дон Кихотом прошел в замок; однако мысль о том, что он покинул на произвол судьбы своего верного ослика, не давала ему покоя. Заметив среди встречающих герцога и герцогиню почтенную дуэнью, он подошел к ней и шопотом сказал:

— Сеньора Гонсалес, или как там зовут вашу милость...

— Меня зовут донья Родригес де Грехальба, — ответила дуэнья, — что вам угодно, братец?

На это Санчо ответил:

— Мне бы хотелось, чтобы ваша милость оказала мне услугу. За воротами замка вы найдете моего серого ослика. Благоволите, ваша милость, приказать отвести его в конюшню или отведать его сами. Он немножко пуглив, бедняжка, и ни за что на свете не согласится остаться в одиночестве.

— Если твой господин так же умен, как и ты, — ответила дуэнья, — то, нечего сказать, славных гостей мы приобрели! Просаливайте-ка, братец, на все четыре стороны вместе с тем, кто вас сюда привел. Ухаживайте сами за своим ослом и знайте, что дуэнья в этом дворце не приучены к подобной работе.

— Как же так, — ответил Санчо, — мой господин, а он большой знаток рыцарских романов, рассказывал мне о сеньоре Ланцелоте, из Британии прибывшем, и уверял меня, что

Служат фрейлины ему,
Скакуну его — дуэнья;

ну, а моего осла я ставлю ничуть не ниже клячи сеньора Ланцелота.

— Братец, — возразила дуэнья, — если вы шут, то приберегите ваши остроты для тех, кто вам за них заплатит, а от меня вы получите только фигу.

— Это не плохо, — ответил Санчо, — фига, наверное, будет зрелая, ибо она, несомненно, ровесница вашей милости.

— Ах ты, невежа, неотесанный болван! — вскричала, разозлившись, дуэнья. — Какое тебе дело до того, стара я или молода, — в этом я дам отчет господу богу, а не тебе, провонявший чесноком проходимец!

Она крикнула это так громко, что герцогиня обернулась и, увидев, что у дуэньи от ярости глаза налились кровью, спросила ее, что случилось.

— Да вот этот молодчик, — ответила дуэнья, — настоятельнейше просил меня отвести в конюшню осла, которого он оставил перед воротами замка. При этом он сослался на пример каких-то фрейлин, которые где-то служили какому-то Ланцелоту, в то время как дуэнья заботились о его скакуне. А в довершение всего он обозвал меня старухой.

— Вот это последнее слово, — сказала герцогиня, — я и сама сочла бы тягчайшим оскорблением.

И затем, обратившись к Санчо, она прибавила:

— Помните, друг Санчо, что донья Родригес еще очень молода. Вас, вероятно, ввел в заблуждение ее головной убор, но

знайте, что она его носит не из-за преклонного возраста, а потому что он подобает ее почтенному званию.

— Да будь я проклят на всю жизнь, — воскликнул Санчо, — если я собирался ее обидеть. А сказал я это потому, что нежно люблю своего ослика, и мне хотелось поручить его самой мягкосердечной особе на свете, а сеньора донья Родригес показалась мне именно такой.

Дон Кихот, слышавший все это, сказал Санчо:

— Санчо, место ли здесь для подобных разговоров?

— Сеньор, — ответил Санчо, — где бы человек ни находился, он повсюду будет говорить о своей нужде: я вспомнил об ослике и тут же заговорил о нем. Вспомни я о нем в конюшне, так и заговорил бы о нем не здесь, а там.

На это герцог сказал:

— Санчо вполне прав. Его не в чем обвинять. Но не тревожься, Санчо, ослику будет дано корма столько, сколько он сам пожелает: за ним будут ухаживать, как за твоей собственной особой.

Уладив это недоразумение, позабавившее всех, кроме дон Кихота, хозяева вместе с гостями поднялись по лестнице, а затем нашего рыцаря провели в залу, украшенную драгоценнейшей парчой и великолепными коврами. Здесь его ожидали шесть молодых служанок, которые получили от своих господ подробное наставление, как вести себя с новым гостем. Как только дон Кихот вошел, они сняли с него доспехи, и он остался в узких штанах и камзоле из верблюжьей шерсти, — длинный, сухой и прямой, как палка, с такими впалыми щеками, что они словно целовали одна другую изнутри. Вид у него был до того уморительный, что девушки едва не задохнулись, стараясь удержаться от смеха (их господа строго-настрого запретили им смеяться).

Затем дон Кихот попросил прислать ему Санчо для окончания туалета и оставить их вдвоем. Он надел тончайшую чистую сорочку, приготовленную для него по приказанию герцога, и сказал своему оруженосцу:

— Скажи мне, новоиспеченный шут и старый простофиля, как ты осмелился оскорбить столь почтенную и достойную уважения дуэнью? Неужели ты не мог найти более подходящего времени, чтобы вспомнить о своем сером? Или ты думал, что хозяева, принимающие нас так пышно, оставили бы на произвол судьбы наших животных? Заклинаю тебя именем бога, Санчо: следи за собой повнимательнее и не показывай, из какого грубого материала ты сделан. Запомни, грешная душа, благовоспитанные и умные слуги делают честь своим господам. Одно из главных преимуществ вельмож в том и состоит, что они пользуются услугами таких же достойных людей, как и они сами. Неужели ты не понимаешь, простофиля, что если хозяева увидят, какой ты дерзкий и безмозглый шут, так ведь и меня, несчастного, они примут за подлого обманщика. Нет, нет, друг Санчо, беги, беги от этой опасности. Стоит тебе увлечься своей болтовней и скоморошеством, и ты тотчас же споткнешься и прослывешь жалким шутом. Обуздай свой язык! Взвешивай и обдумывай каждое слово, прежде чем оно вылетит у тебя изо рта, и помни, что мы попали наконец в такое место, где с помощью бога и моей могучей руки мы сможем увеличить нашу славу и богатство.

Пристыженный Санчо дал слово, что он скорее зашьет себе

рот и откусит язык, нежели произнесет хоть одно необдуманное и неуместное слово. Он горячо уверял дон Кихота, что исполнит его приказание и не подаст больше своему хозяину никаких поводов для беспокойства.

Дон Кихот оделся, перекинул через плечо перевязь с мечом, надел плащ из красного сукна, покрыл голову беретом из зеленого атласа, который вручили ему служанки, и в таком наряде

вышел в большую залу, где его уже ожидали девушки, выстроившись в два ряда и держа сосуды для омовения рук. Весь этот обряд был совершен с бесчисленными церемониями. Затем появилось двенадцать пажей в сопровождении дворецкого, чтобы торжественно отвести рыцаря в столовую, где его ожидали хозяева замка. Там красовался роскошно убранный стол, накрытый на четыре прибора. Герцог и герцогиня встретили нашего рыцаря у порога; рядом с ними стоял их духовник. Они обменялись тысячами любезных приветствий и направились к столу. Герцог просил дон Кихота занять почетное место; тот отказывался, герцог

вставал, и наконец наш рыцарь согласился. Духовник сел напротив, а герцог и герцогиня по правую и по левую руку дон Кихота.

Присутствовавший при этом Санчо не мог прийти в себя от изумления, видя, что столь знатные господа оказывают такие почести его хозяину. Когда же он увидел, каких усилий стоило герцогу убедить дон Кихота занять почетное место, он сказал:

— Если ваши милости мне разрешат, я расскажу вам о том, чем копчился однажды у нас в деревне спор из-за места за столом.

Едва Санчо произнес эти слова, как дон Кихот затрепетал, боясь, что Санчо скажет какую-нибудь глупость. Санчо взглянул на него, понял и сказал:

— Не бойтесь, ваша милость, что я уклонюсь в сторону или скажу что-нибудь ни к селу ни к городу. Я не забыл недавних советов вашей милости насчет того, как надо говорить — много или мало, хорошо или худо.

— Я ничего не помню, Санчо, — ответил дон Кихот, — говори, что хочешь, но только покороче.

— То, что я хочу вам рассказать, — продолжал Санчо, — такая правда; к тому же мой господин дон Кихот не позволит мне соврать.

— По мне, Санчо, — ответил дон Кихот, — болтай сколько угодно, — я не стану тебе мешать; но только обдумай хорошенько, что ты собираешься рассказывать.

— Я и то думал и передумал: кто бьет в набат, сам в безопасности. Ну, да сейчас вы увидите на деле.

— Я бы посоветовал вашим высочествам, — сказал дон Кихот, — прогнать отсюда этого болвана, а не то он будет безустали молоть всякий вздор.

— Нет, нет, — возразила герцогиня, — я не отпущу Санчо ни на шаг от себя. Я его очень люблю и знаю, что он очень умен.

— Дай бог вашей светлости счастливо жить до самой смерти за доброе обо мне мнение, хоть я его и не заслуживаю. А рассказать я вам хочу вот что: жил у нас в деревне один идалго, весьма богатый и знатный (ибо происходил он из рода Аламос из Медины дель Кампо); он был женат на донье Менеке де Киньонес, а она была дочерью дон Алонса де Мариньон, рыцаря ордена Сант-Яго, который утонул в Эррадуре и из-за которого

много лет тому назад в нашей деревне была большая распря, в которой, как мне говорили, участвовал и господин мой дон Кихот и в которой был ранен шалопай Томасильо, сын кузнеца Бальбастро... Ну что, сеньор мой и господин, скажите, разве это не правда? Заклинаю вас честью, — подтвердите мои слова, чтобы эти знатные господа не подумали, будто я болтун и враль.

— Ну, пока вы кажетесь мне просто болтуном, а не лжецом, — заметил священник. — Посмотрим, что будет дальше.

— Ты называешь, Санчо, столько свидетелей, что, вероятно, говоришь правду, — ответил дон Кихот. — Но продолжай свой рассказ, да сократи его, ибо, судя по началу, тебе не кончить его и в два дня.

— Нет, пусть не сокращает! Пусть рассказывает, как умеет, — возразила герцогиня. — Если он не кончит своего рассказа и в шесть дней, то эти шесть дней я буду считать самыми счастливыми в моей жизни.

— Так вот, сеньоры, — начал снова Санчо, — этот идалго, которого я знаю, как свои пять пальцев, ибо его дом отстоит от моего на какой-нибудь арбалетный выстрел, пригласил к себе в гости крестьянина, бедного, но честного малого.

— Поскорее, братец, — перебил его священник. — Ведь этак вы и до второго пришествия не кончите.

— На полдороге кончу, а то и раньше, если будет угодно богу. Так вот, сеньоры, пришел наш крестьянин в дом к тому самому идалго, который его пригласил, — упокой, господи, его душу, — ведь он уже помер, да к тому же и умирал, как ангел, так по крайней мере мне говорили, а я сам при его кончине не был, так как в то время был на сенокосе в Темблеке...

— Ради всего святого, сынок, — воскликнул священник, — возвращайтесь-ка скорее из Темблеке и кончайте вашу историю без погребения идалго, а не то вы дождетесь и наших похорон.

— Так вот, — продолжал Санчо, — когда они собирались сесть за стол, — а они у меня сейчас прямо перед глазами стоят, словно живые...

Герцог и герцогиня от души забавлялись, видя, как раздражают священника бесчисленные отступления в рассказе Санчо, а дон Кихот сгорал от гнева и бешенства.

— Так вот, повторяю, — продолжал Санчо, — они уже собирались сесть за стол, как я уже вам сказал, но крестьянин настаивал, чтобы почетное место занял идальго, а идальго настаивал, чтобы его занял крестьянин, говоря, что он в своем доме хозяин и волен приказывать. Однако крестьянин, считавший себя человеком вежливым и хорошо воспитанным, ни за что не соглашался занять почетное место; в конце концов раздосадованный идальго схватил его за плечи и посадил насильно со словами: «Да садитесь же, тупая баника: ведь где бы я ни сидел, мое место всюду будет почетным». Вот и вся история, и сдается мне, что она пришлась очень кстати.

У дон Кихота лицо покрылось красными пятнами, а хозяева подавили смех из опасения, как бы дон Кихот не рассердился окончательно, отгадав лукавый намек Санчо. Желая переменить неприятный для дон Кихота разговор, герцогиня спросила дон Кихота, имеет ли он известия от сеньоры Дульсиней и много ли великанов и волшебников отослал он ей в подарок за последние дни, «ибо, — прибавила она, — сеньор рыцарь, наверное, успел победить их множество». На это дон Кихот ответил:

— Несчастья мои, сеньора, имели начало, но, видно, никогда не будут иметь конца. Я побеждал великанов, я посылал к ней разбойников и лиходеев, но они не могли ее отыскать, ибо она очарована и превращена в безобразнейшую крестьянку.

— Не знаю, — перебил его Санчо Панса, — мне она показалась первой красавицей на свете. Во всяком случае, она так легка, что в прыжках не уступит и канатному плясуну. Честное слово, сеньора герцогиня, я видел, как она, словно кошка, прямо с земли вскочила на спину ослице.

— Разве вы видели ее после превращения, Санчо? — спросил герцог.

— Еще бы не видел! — ответил Санчо. — Ведь я же первый и открыл эту штуку с колдовством. Она так же околдована, как мой покойный батюшка.

Священник, слыша разговоры о великанах, разбойниках и волшебстве, догадался наконец, что перед ним сидит дон Кихот Таманчский. Герцог так восхищался недавно появившейся книгой о великих подвигах безумного идальго, что просто надосл

священнику своими рассказами об этом славном странствующем рыцаре. Убедившись, что догадка его справедлива, он возмущенно сказал хозяину замка:

— Валпа светлость мой сеньор, вам придется дать отчет господу богу за ваше отношение к этому доброму человеку. Напрасно вы поощряете безумие дон Кихота, или, как его справедливее было бы назвать, дон Олуха. Вы даете ему в руки средства для того, чтобы он мог упорствовать в своих дурачествах и сумасбродствах.

И, обратившись к дон Кихоту, священник продолжал:

— Скажите же, безмозглый человек: кто это вбил вам в голову, что вы странствующий рыцарь и что вы побеждаете великанов и берете в плен злодеев? Вернитесь-ка лучше домой и возьмитесь как следует за хозяйство, которое у вас, наверное, пришло в упадок. Перестаньте носиться по свету и служить посмешищем для всех, кому приходится встречаться с вами. Откуда вы взяли, что на свете существовали и теперь еще существуют странствующие рыцари? Где же это в Испании водятся великаны или в Ламанче волшебники? Где эта очарованная Дульси-нея и все те небылицы, о которых вы рассказываете с таким воодушевлением?

Дон Кихот внимательно выслушал слова почтенного мужа, но когда тот замолк, он, невзирая на свое уважение к герцогу и герцогине, вскочил на ноги и, весь дрожа от гнева, сказал:

— Глубокое уважение к хозяевам этого дома, а также и почтение к священному сану вашей милости заставляют меня сдерживать мой справедливый гнев. К тому же всем известно, что люди духовного звания не владеют иным оружием, кроме острого языка; зато этим оружием они владеют так же ловко, как жеспины. Поэтому и я не применю иного оружия и вступлю в равный бой с вашей милостью. Замечу прежде всего, что от духовной особы следовало бы ожидать хороших советов, а не неумелых оскорблений. Благочестивые и доброжелательные увещания должны высказываться мягко и учтиво. Вы же преступили все границы разумного назидания, во всеуслышание порицая меня так сурово. Разве подобает священнику, обличая грехи, которых он еще не знает, называть грешника олухом и безумцем?

Потрудитесь же, ваша милость, объяснить мне, что именно во мне, в моих поступках дает вам право называть меня сумасшедшим и советовать мне отправиться во-свояси для наблюдения за хозяйством? Неужели же довольно получить воспитание в каком-нибудь нищенском колледже да всякими правдами и неправдами втереться в чужую семью в качестве духовника, — неужели же этого довольно, чтобы осмелиться так самоуверенно судить о странствующем рыцарстве и его обычаях? Неужели вы решитесь сказать, что это пустое и праздное занятие — странствовать по свету, убегая от мирских утех и стремясь сквозь тысячи тяжких испытаний достичь бессмертия? Если бы меня назвал олухом благородный рыцарь или уважаемый вельможа, я бы почел это за несмыслимое оскорбление. Но если меня называет безумцем книжник, никогда не ходивший по стезям рыцарства, — я гроша не дам за его болтовню. Я — рыцарь и, если на то будет милость всевышнего, умру рыцарем. Одни люди идут по пути надменного честолюбия, другие по путям низкого и рабского ласкательства, третьи — по дороге обмана и лицемерия, четвертые — по стезе истинной веры. Я же, руководимый своей звездой, иду по узкой тропе странствующего рыцарства, ради которого я презрел мирские блага, но не презрел чести. Я мстил за обиды, восстанавливал справедливость, карал дерзость, побеждал великанов, поинрал чудовищ. Я влюблен, но только потому, что этого требуют законы странствующего рыцарства, и моя влюбленность не знает порока, ибо она чиста и целомудренна. Все мои стремления всегда были направлены к благородной цели, — к тому, чтобы всем делать добро и никому не делать зла. Судите же теперь, ваши высочества, превосходные сеньоры, герцог и герцогиня, заслуживает ли клички глупца тот, кто так думает, так поступает и так говорит.

— Ей-богу, хорошо сказано! — воскликнул Санчо. — Ничего больше не говорите в свое оправдание, сеньор мой! Все равно ничего лучшего нельзя ни сказать, ни придумать. Уж одно то, что этот сеньор утверждает, будто на свете не было и нет странствующих рыцарей, доказывает, что он ничего не смыслит в том, о чем говорит.

— А вы, братец, — спросил священник, — не тот ли самый Санчо Панса, о котором рассказывают, что дон Кихот обещал ему подарить остров?

— Тот самый, — ответил Санчо, — и остров я заслужил не меньше всякого другого. Я из тех, о ком сказано: следуй за добрыми людьми и сам станешь добрым, или: не с тем, с кем родился, а с тем, с кем кормился, или еще: кто под добрым станет деревом, доброй осенится тенью. Я пристал к хорошему хозяину и вот уже много месяцев состою при нем. И да пошлет господь долгие годы ему и мне; уж наверное он сделается императором в каком-нибудь государстве, а я — правителем какого-нибудь острова.

— Совершенно верно, друг мой Санчо, — перебил его герцог, — из уважения к сеньору дон Кихоту я передам вам в управление довольно большой остров, для которого я до сих пор не подобрал губернатора.

— Преклони колени, Санчо, перед его светлостью, — сказал дон Кихот, — и целуй руки за оказанную тебе милость.

Санчо повиновался, а священник, увидев это, в негодовании встал из-за стола и сказал:

— Клянусь моей сутаной, сдается мне, что вание высочество такой же безумец, как и эти два несчастных грешника. Как же им не потерять головы, если люди в здравом рассудке поддерживают их сумасбродства! Оставайтесь с ними, ваше высочество, а я и на порог к вам не ступлю, пока они будут пребывать в замке. Я не могу быть свидетелем того, что должен порицать, но не в силах изменить.

С этими словами священник покинул зал, не кончив обеда. Герцог просил его остаться, однако не очень настойчиво. В душе он был очень доволен его уходом.

— Ваша милость сеньор рыцарь Львов, — сказал герцог, обращаясь к дон Кихоту, — вы так блистательно ответили его преподобию, что было бы излишним требовать еще какого-нибудь удовлетворения за оскорбительные на первый взгляд слова. Ведь вам известно, что ни духовные особы, ни женщины не могут нас оскорбить.

— Вы правы, — ответил дон Кихот. — Они могут нас обидеть, но не оскорбить. А между обидой и оскорблением, как известно вышшей милости, большая разница. Оскорбить может только тот, кто может подкрепить силой нанесенное оскорбление, а обида может исходить от кого угодно, не заключая в себе оскорбления. Вот вам пример: идет человек по улице; внезапно к нему подсакивает другой, бьет его палкой, а затем пускается бежать. Избитый гонится за ним, но не может догнать. Про него можно сказать, что ему нанесли обиду, но не оскорбление, ибо оскорбивший должен силой поддерживать свое оскорбление. Итак, я могу считать себя только обиженным, так как почтенный пастырь не в силах поддержать свои оскорбительные слова. Поэтому я не должен усматривать в них ничего позорящего мою честь. Мне жаль только, что он не остался с нами: тогда бы он, конечно, убедился, как глубоко он заблуждается, думая и утверждая, что на свете не было и нет странствующих рыцарей. Если бы эти слова услышал Амадис или кто-нибудь другой из бесчисленных представителей странствующего рыцарства, его преподобию пришлось бы очень плохо.

— Клянусь, что это так, — сказал Санчо. — Он бы так хватил его своим мечом, что разрубил бы пополам, словно гранату или нереспелую дыню. Не такие это были люди, чтобы спокойно выносить щекотку. Я готов побожиться, что если бы Рейнальдо Монтальбанский услышал разглагольствования этого господина, он дал бы ему такую зуботычину, что тот три года рта бы не раскрывал.

Слушая рассуждения Санчо, герцогиня умирала со смеху; ей казалось, что оруженосец еще безумнее и забавнее, чем его господин. Впрочем, это мнение разделяли и многие из тех, кому случалось встречаться с нашими друзьями.

Итак, дон Кихот успокоился, обед кончился, со стола убрали. Тут появились четыре девушки; первая несла серебряный таз, вторая кувшин, тоже серебряный, у третьей через плечо были перекинута два белоснежных полотенца, а у четвертой рукава были засучены по локоть, и в руках она держала круглый кусок испанитанского мыла. Первая девушка ловко и непринужденно подставила таз под бороду дон Кихота. Наш рыцарь был крайне

изумлен такой церемонией; однако он подумал, что, вероятно, в этой стране существует обычай мыть бороду, а не руки. Поэтому он не вымолвил ни слова, а покорно вытянул вперед шею; в ту же минуту из кувшина полилась вода, а девушка, державшая в руках мыло, принялась быстро намыливать ему не только подбородок, но и глаза и все лицо. Она проделывала это с таким усердием, что белая пена, словно снежные хлопья, летела во все стороны. Дон Кихоту волей-неволей пришлось зажмурить глаза. Герцог и герцогиня с любопытством и удивлением смотрели на это неожиданное мытье, так как его устроили сами девушки без приказания хозяев. Между тем все лицо дон Кихота покрылось мыльной пеной, тогда девушка сделала вид, что у нее кончилась вода, и послала свою подругу принести новый кувшин, попросив рыцаря немного подождать. Та повиновалась, а дон Кихот терпеливо сидел весь в мыле; невозможно было представить себе более странную и смешную физиономию. Все присутствующие молча смотрели, как он сидел, покрытый белой пеной, вытянув длинную смуглую шею и закрыв глаза. Удивительно было, как никто не рассмеялся. Девушки, придумавшие эту шутку, стояли, опустив глаза; они боялись взглянуть на своих господ, а те не знали, как поступить: наказать ли их за самовольную шалость или наградить за веселое и забавное зрелище. Наконец девушка с водой вернулась, и омовение дон Кихота было закончено; служанка, державшая в руках полотенце, вытерла ему лицо; затем все четверо отвесили ему глубокий поклон и собрались уходить. Однако герцог, опасаясь как бы дон Кихот не разгадал, что это омовение подстроено нарочно, подозвал к себе девушку, державшую таз, и сказал ей:

— Ну, а теперь вымойте меня, но только смотрите, чтоб воды у вас хватило.

Хитрая и сообразительная девушка подошла и подставила герцогу таз точно так же, как это было сделано с дон Кихотом. Служанки старательно вымыли ему лицо, потом вытерли и удалились. Позднее герцог говорил, что поклялся наказать девушек за дерзость, если бы они не вымыли его точно так же, как дон Кихота. Но те догадались, что нужно делать, и исправно намыливали ему щеки.

Санчо внимательно смотрел на церемонию омовения и говорил про себя:

— Чорт нобери! Быть может, в этой стране существует обычай мыть бороды не только рыцарям, но и оруженосцам. Клянусь богом, — это было бы очень кстати. А если бы при этом мне поскребли щеки бритвой, то это было бы сущим благодеянием.

— Что вы бормочете, Санчо? — спросила герцогиня.

— Дело в том, сеньора, — ответил он, — что, насколько мне известно, при дворах вельмож после обеда гостям дают воду для рук, но я не слышал, чтобы им мыли бороды. Однако я нахожу, что это очень хороший обычай, — особенно если он распространяется и на оруженосцев.

— Не огорчайтесь, друг Санчо, — ответила герцогиня, — я прикажу, чтобы мои девушки не только вас вымыли, но даже, если понадобится, и выстирали.

— Я буду ирменного доволен, если они вымоют мне бороду, — сказал Санчо, — ну, а что будет дальше, господь бог укажет.

— Дворецкий, — сказала герцогиня, — запомните, о чем просит добрый Санчо, и исполните его желание в точности.

Дворецкий ответил, что во всем готов служить сеньору Санчо. Сказав это, он отправился обедать и увел с собою Санчо, а герцог, герцогиня и дон Кихот остались сидеть за столом, беседуя о различных вещах, относившихся к военному делу и странствующему рыцарству.

Герцогиня попросила дон Кихота описать ей внешность сеньоры Дульсинен Тобосской, ибо если верить молве, то подобной красавицы еще не бывало на свете. Выслушав просьбу герцогини, дон Кихот вздохнул и сказал:

— Я бы, конечно, это сделал, если бы образ ее не был искажен в моей памяти недавно случившимся с ней превращением. Несчастье это столь велико, что мне следует скорей оплакивать мою даму, чем ее описывать. Да будет известно вашему высочеству, что несколько дней тому назад я отправился к ней, чтобы поцеловать ей руку и попросить ее напутствия на третий выезд. Но нашел я совсем не то, чего искал; она была околдована: из принцессы превращена в крестьянку, из красавицы в дурнушку,

из ангела в дьявола, из сладкоречивой в грубиянку, из величавой дамы в какую-то попрыгунью, из света в мрак; одним словом, из Дульсиныи Тобосской в простую поселянку.

— Господи помилуй! — громко воскликнул герцог. — Да кто же совершил такое неслыханное злодеяние? Кто лишил мир красоты, которая его радовала, веселья, которое его тешило, и добродетели, которая доставляла ему такую честь?

— Кто? — ответил дон Кихот. — Да кто же другой, как не коварный волшебник, один из бесчисленных моих завистников и гонителей? Это проклятое племя развелось на свете, чтобы чернить подвиги людей праведных и превозносить дела нечестивых. Волшебники меня преследовали, волшебники меня преследуют, волшебники будут меня преследовать, пока не сбросят и меня и мои высокие рыцарские деяния в глубокую пропасть забвения. Они знают мое самое чувствительное место и туда-то и направляют свои удары. Ибо похитить даму у странствующего рыцаря — то же самое, что похитить у него глаза, которыми он смотрит, солище, которое ему светит, и пищу, которая его питает. Я уже много раз говорил и сейчас снова повторяю, что странствующий рыцарь без дамы подобен дереву без листьев, зданию без фундамента и тени без того тела, которое ее отбрасывает.

— Против всего этого возражать не приходится, — сказала герцогиня, — однако, если верить всему, что рассказывают о сеньоре дон Кихоте, то ваша милость никогда и не видала сеньоры Дульсиныи. Говорят, что ее и вовсе нет на свете, что она — существо воображаемое, придуманное и порожденное фантазией вашей милости.

— Многое можно было бы сказать по этому поводу, — ответил дон Кихот. — Одному богу известно, существует ли Дульсиная на свете или нет, воображаемое ли она существо или не воображаемое. В конце концов это и не так важно. Во всяком случае я представляю себе свою даму женщиной, украшенной всеми добродетелями, прекраснейшей из прекрасных, серьезной без надменности, приветливой благодаря ее вежливости, вежливой и благовоспитанной, и, наконец, высокой по происхождению.

— Вы правы, — ответил герцог, — но да разрешит мне сеньор дон Кихот высказать свое мнение. Конечно, Дульсинея существует на самом деле и прекрасна, как ни одна женщина в мире. Но все же по своей знатности она не может сравниться с другими прославленными дамами, например, Орианой, Аластрахареей или Медасимой, о которых так много говорится в рыцарских романах.

— На это я могу возразить, — ответил дон Кихот, — что Дульсинея — дочь своих дел. Только добродетель приносит благородство, и человек скромного происхождения, но добродетельный, заслуживает большего уважения, чем знатный и порочный.

— Сеньор дон Кихот, — сказала герцогиня, — ваши слова доказывают, что вы мудры, как змий. Вы меня убедили: отныне я и сама буду верить и заставлю поверить всех окружающих, что Дульсинея Тобосская существует и что она прекрасна и знатна, и достойна того, чтобы ей служил такой знаменитый рыцарь, как сеньор дон Кихот. Я не могу придумать для нее большей похвалы. Однако я не в силах преодолеть одного сомнения: Санчо Панса утверждает, что, явившись к сеньоре Дульсинее с письмом от вашей милости, застал ее за просеиванием зерна, — вот что заставляет меня усомниться в знатности ее происхождения.

Дон Кихот невозмутимо ответил:

— Моя сеньора, да будет известно вашему высочеству, что мои враги-волшебники обрушили свою месть на то существо, которое мне дороже всего на свете. Преследуя Дульсинею, ради которой я живу, они пытаются лишить меня жизни. И стоило моему оруженосцу явиться к ней с моим посланием, как они тотчас превратили ее в грубую крестьянку, занятую просеиванием зерна. Впрочем, я убежден, что зерно это было восточным жемчугом. Вы сами, ваше высочество, можете судить, прав ли я, утверждая это. Немного времени тому назад я был в Тобосо, но никак не мог разыскать дворца Дульсины. Между тем на следующий же день мой оруженосец Санчо видел ее в ее настоящем образе, т. е. первой красавицей на свете. Мне же она представилась неотесанной и безобразной крестьянкой, да еще и глуховатой, хотя на самом деле в ней заключена вся мудрость мира. Но раз я сам не околдован, то, значит, околдована, обижена,

превращена она; значит, месть моих врагов обратилась на нее, и мне суждено жить в вечных слезах до тех пор, пока она не предстанет предо мною в своем прежнем виде. Поэтому слова Санчо насчет просивания зерна не должны никого смущать. Ведь если мне подменили мою Дульсинею, то не удивительно, что и ему показали ее превращенной. Дульсинея — знатного и благородного происхождения. И нет на свете доли, завиднее доли моей сеньоры, ибо имя ее прославит и возвеличит в грядущих веках ее родной город, подобно тому, как Троя прославилась Еленой, а Испания Кавой.⁸⁰ Кроме того, светлейшая сеньора, мне хочется сказать вам, что Санчо Панса самый потешный из всех оруженосцев, когда-либо служивших странствующим рыцарям. Его наивные выходки бывают необычайно остроумны: иногда он так лукав, что его можно счесть плутом, иногда так бестолков, что выглядит туницей. Он во всем сомневается и всему верит; когда мне кажется, что он свалился на самое дно глупости, он вдруг взлетает под облака. Одним словом, я его не променяю ни на какого другого оруженосца, хотя бы в придачу мне дали целый город. Но все-таки я не знаю, следует ли его посылать управлять островом, который ваше высочество соблаговолили ему пожаловать.

На этом месте беседа между герцогом, герцогиней и дон Кихотом была внезапно прервана какой-то суматохой и громкими криками. В залу влетел запыхавшийся и перепуганный Санчо, обвязанный грязной тряпкой вместо салфетки, а за ним вбежало несколько кухонных мальчиков. Один из них тащил грязную лохань с помоями и тщетно старался подставить ее под подбродок Санчо.

— Что это значит, друзья мои? — спросила герцогиня. — Что это значит? Что вам нужно от этого доброго человека? Как?, Неужели вы забыли, что он назначен губернатором?

На это поваренок-брадобрей ответил:

— Этот сеньор не хочет вымыть себе бороду, как это у нас принято. Он не желает последовать примеру господина герцога и его собственного хозяина.

- Не лги, очень хочу, — гневно возразил Санчо, — но мне хотелось бы, чтобы полотенце было побелее, вода посветлее, да

и руки у тебя почище. Не так уж велика разница между мной и моим господином, чтобы его мыть ангельской водой, а меня этими дьявольскими помоями. Обычаи разных стран и княжеских дворцов только тогда хороши, когда они никому не причиняют неприятности, а этот обряд омовения похуже всякого самобичевания. Борода у меня чистая и не нуждается в подобном освежении; а если кто-нибудь посмеет коснуться меня, я его так угощу кулаком по темени, что у него череп треснет. Все эти церемонии с намыливанием щек смахивают на дерзкое издевательство.

Дон Кихоту не очень понравились наглые шутки кухонной челяди над его оруженосцем. Поэтому, отвесив глубокий поклон герцогу и герцогине, словно прося у них позволения вмешаться, он строго сказал лакейскому сброду:

— Эй вы, сеньоры кавалеры, оставьте-ка этого парня в покое и ступайте, откуда пришли, или, вернее, на все четыре стороны. Мой оруженосец не грязнее всякого другого, и для него эта лоханка неподходящая посуда. Послушайтесь моего совета и не трогайте его, ибо ни он, ни я не любим таких шуток.

А Санчо подхватил его слова и продолжал:

— Такие шутки шутят только с бездомными бродягами, и если я стерплю их, значит сейчас у нас не день, а ночь. Пусть принесут сюда гребенку и поскребут мне бороду. Если в ней найдется грязь, тогда я соглашусь, чтобы мне всю голову обстригли, словно барану.

Тут в разговор вмешалась герцогиня, все еще продолжавшая смеяться:

— Санчо Панса вполне прав; да и вообще, что бы он ни сказал, он всегда будет прав. Он говорит, что не нуждается в мытье. Ну что же, если наш обычай ему не нравится, то это его дело, а вы, служители чистоты, поступили слишком опрометчиво, чтобы не сказать дерзко, предложив такому сеньору и такой бороде, вместо таза и кувшина из чистого золота да немецких утиральников, какую-то лоханку и кухонные полотенца. Как же вы дрянные и низкие люди, если не можете скрыть своей зависти к оруженосцу странствующего рыцаря!

Не только кухонные пикаро, ⁸¹ но и сам дворецкий поверили, что герцогиня говорит серьезно. Они тотчас сняли с Санчо гряз-

ную тряпку и удалились в смущении. А Санчо, увидев, что опасность миновала, опустился на колени перед герцогиней и сказал:

— От великой сеньоры всегда можно ждать великих милостей. Но чтобы отблагодарить за заступничество, оказанное мне вашим высочеством, мне остается только пожелать, чтобы меня скорее посвятили в странствующие рыцари. Тогда я смогу все дни моей жизни отдать на служение вам, великая сеньора. Я простой крестьянин, зовут меня Санчо Панса, я женат, у меня есть дети, я состою оруженосцем, но если я могу быть чем-нибудь полезен вашему высочеству, скажите только слово — я готов повиноваться.

— Сразу видно, Санчо, — ответила герцогиня, — что вы учились учтивости в самой лучшей школе. Всякий признает в вас верного ученика господина вашего дон Кихота. Честь и слава такому господину и такому слуге. Встаньте, Санчо. За вашу учтивость я попрошу моего повелителя герцога как можно скорее наградить вас губернаторством.

На этом беседа кончилась. Дон Кихот отправился отдохнуть после обеда, а герцогиня попросила Санчо провести послеобеденное время с ней и ее девушками, если только ему не очень хочется спать. Санчо ответил, что, по правде говоря, он привык летом поспать после обеда часика четыре. Однако он так благодарен герцогине за ее милости, что готов и вовсе не ложиться.

С этими словами он ушел кончать свой обед.

Тотчас же после обеда Санчо, верный своему слову, явился к герцогине. Она предложила ему присесть около нее на низеньком табурете. Но Санчо, как настоящий благовоспитанный человек, от этого отказался. Тогда герцогиня заявила, что ему разрешается сидеть, как будущему губернатору, а говорить — как оруженосцу, и что оба эти звания дают ему право на кресло самого Сида. Санчо пожал плечами, повиновался и сел, а все дуэньи и девушки герцогини окружили его и в глубоком молчании ждали, что он скажет. Герцогиня первая начала разговор:

— Теперь, когда мы одни и никто нас не слышит, мне бы хотелось, чтобы сеньор губернатор разрешил кой-какие мои сомнения относительно Дульсины Тобосской. Прежде всего, скажите нам, добрый Санчо, как вы осмелились сочинить ответ

сенъоры Дульсинеи и выдумать, будто она просеивала зерно, если вы ее не видали и не передавали ей никакого письма дон Кихота? Ведь все это паглый обман, наносящий урон доброй славе несравненной Дульсинеи и противоречащий достоинству и верности доброго оруженосца.

Выслушав это, Санчо молча встал с табурета, приложил палец к губам и медленным шагом обошел залу, заглядывая за все занавески. Прodelав это, он снова сел и сказал:

— Теперь, когда я убедился, моя сенъора, что никто нас не поделунивает, я без всякого страха отвечу вам на ваш вопрос и скажу откровенно, что считаю господина моего дон Кихота рехнувшимся человеком. Правда, подчас он ведет такие разумные речи, что и сам сатана не мог бы говорить умнее, а все-таки, сказать по совести, я уверен, что он сумасшедший. А раз эта мысль засела мне в башку, так я и не стесняюсь болтать ему всякий вздор вроде ответа Дульсинеи или ее чудесного превращения. Еще совсем недавно я уверил моего господина, что она околдована, но это такая же правда, как то, что на груше растут сливы.

Герцогиня попросила Санчо рассказать об этой проделке с превращением Дульсинеи, и тот поведал ей все, как было на самом деле, доставив своим слушательницам немалое удовольствие. Однако герцогиня, вдоволь насмеявшись, заметила:

— Рассказ доброго Санчо пробудил во мне сомнения. Допустим, что дон Кихот Ламанчский сумасброд и безумец. Но как же Санчо Панса, зная это, продолжает служить ему, доверяя его вздорным обещаниям? Выходит, что он еще безумнее, чем его господин. И я спрашиваю себя: можно ли доверить такому человеку управление островом? Ибо как будет управлять другими тот, кто не умеет управлять самим собою?

— Ей-богу, сенъора, — ответил Санчо, — сомнения вашей милости вполне правильны. Если бы я был человеком благоразумным, я бы уже давным-давно бросил своего господина. Но такова уж моя горькая доля: ничего не могу с собой поделать, никак не могу его покинуть, — мы с ним из одной деревни, я ем его хлеб, я его люблю, он это чувствует и подарил мне своих ослят, а самое главное — я человек верный, и потому ничто не может

нас разлучить, кроме могильного заступа и лопаты. А ежели ваше соколиное высочество не соблаговолит пожаловать мне остров, ну, что ж, — господь создал меня убогим, таким я и остаюсь. Полевых птишек сам господь кормит и холит, а четыре аршина толстого и грубого сукна лучше греют, чем четыре аршина самого тонкого. Быть может, то, что мне не дадут острова, пойдет моей совести на пользу; ибо хоть я и дурак, а все-таки понимаю пословицу: на горе у муравья вырастают крылья. Возможно, что Санчо-оруженосец скорее попадет на небо, чем Санчо-губернатор. Когда мы покидаем этот мир и нас закапывают в землю, то и принц и батрак бредут одной и той же узкой тропой; для тела папы нужно столько же пядей земли, сколько и для понамаря, хотя первый куда важнее второго. Поэтому повторяю, что если ваше высочество не пожелает даровать мне остров, потому что я глуп, я ни капельки не огорчусь и тем докажу, что я умен. Ведь я знаю пословицы: за крестом-то чертяки водятся, и не все то золото, что блестит. Крестьянина Вамбу⁸² взяли от сохи и посадили в испанские короли, а у Родриго отобрали все богатства и бросили его на съедение змеям. Если только старые стишки говорят правду.

Герцогиня не могла не подивиться рассуждениям и поговоркам Санчо.

— Доброму Санчо, наверное, известно, — сказала она, — что если рыцарь что-либо пообещал, то постарается это исполнить, хотя бы это стоило ему жизни. Герцог, мой супруг и властелин, — настоящий рыцарь, и поэтому он исполнит свое обещание, хотя бы против него восстали вся зависть и злоба мира. Итак, Санчо, воспряньте духом. В ту минуту, когда вы менее всего будете ожидать, вас возведут на престол вашего острова и государства. Прошу вас только об одном: правьте справедливо вашими вассалами, ибо, предупреждая вас, все они честные и благородные люди.

— Насчет того, чтобы править справедливо, — отвечал Санчо, — меня и просить незачем: я от природы человек сострадательный и жалею бедняков; кто сам месит тесто и сам выпекает, у того я каравая красть не стану. Я — старый пес и все посви-

еты знаю; я сумею протереть глаза, когда следует, и не потерплю, чтобы у меня перед глазами мыши бегали, ибо я знаю, какой башмак натирает мне ногу. Говорю я это к тому, что для добрых людей найдется у меня и рука и помощь, а для злых — ворота на запор и с порога прочь. Думаю я, что в деле управления самое главное — начало. Так, может статься, пробыв недельки две на губернаторском посту, я сделаюсь лучшим губернатором, чем был землепашцем, даром что вырос за сохой.

— Вы правы, Санчо, — ответила герцогиня, — ученым никто не рождается, даже епископы сделаны из того же теста, что и простые люди. Однако вернемся к Дульсинее. Мне все же думается, что Санчо сам попался на удочку. Он вздумал подпутить над своим господином и уверил его, что Дульсинею нельзя узнать, только потому, что она очарована. Но эта хитрость, конечно, была внушена ему волшебником, преследующим дон Кихота. Я наверное знаю, что крестьянка, вскочившая на ослицу, была Дульсинея Тобосская. Добрый Санчо, думая обмануть своего господина, сам был обманут. Никогда не следует сомневаться в том, чего мы не видели. Знайте, сеньор Санчо Панса, что и у нас здесь есть волшебники, которые рассказывают нам обо всем, что творится на свете. Подождите, мы еще увидим Дульсинею во всей ее красоте и величии в ту минуту, когда менее всего будем этого ожидать. Тогда вы поймете, в каком заблуждении вы пребывали.

— Все это вполне возможно, — ответил Санчо Панса. — Теперь я готов поверить даже тому, что мой господин рассказывал о пещере Монтесинос, где, по его словам, он встретил сеньору Дульсинею Тобосскую в том самом платье, в каком она была, когда мне вздумалось ее заколдовать. А ведь и в самом деле, разве можно допустить, будто я с моим жалким умишком был способен на такой хитрый обман? Да и господин мой не настолько уж безумен, чтобы мои неловкие рассуждения заставили его поверить такой неправдоподобной выдумке. Я не хочу, однако, ваша светлость, чтобы вы считали меня коварным человеком. На этот обман я пошел лишь потому, что боялся, как бы мой господин не поколотил меня. Но у меня и намерения не было накликать на него беду. Значит, все сделалось так, как это

нужно было злым волшебникам. Без объяснений вашей милости я никогда бы не додумался до этого.

— А теперь скажите мне, Санчо, что такое произошло в пещере Монтесинос, о которой вы упоминали. Мне было бы очень интересно об этом узнать.

Тут Санчо со всеми подробностями рассказал ей об этом приключении. Выслушав его, герцогиня сказала:

— Ну, теперь все ясно. Раз великий дон Кихот утверждает, что он повстречал в пещере ту самую крестьянку, которую Санчо видел при выезде из Тобосо, значит, она и есть настоящая Дульсинея, и, значит, волшебники очень хитры и не в меру изворотливы.

— То же самое и я говорю, — подхватил Санчо Панса. — Если сеньора Дульсинея Тобосская очарована, то тем хуже для нее. Но я вовсе не собираюсь тягаться с врагами моего господина; их такое множество, и они, наверное, очень злы. Говоря по совести, я встретился с крестьянкой и принял ее, конечно, за крестьянку. Если же это была Дульсинея, то я тут ни при чем — и крышка.

— Охотно вам верю, — ответила герцогиня. — Ну, а теперь, если вы желаете отдохнуть, то ступайте, Санчо, а я поговорю с моим супругом, чтоб вам поскорее предоставили губернаторство.

Санчо снова поцеловал герцогине руки и попросил сделать ему милость — позаботиться о его сером, которого он любит, как родного сына.

— Что это за серый? — спросила герцогиня.

— Мой осел, — ответил Санчо. — Чтобы не называть его этим именем, я обычно говорю — «серый». Когда мы приехали сюда, я попросил вот эту сеньору дуэнью присмотреть за ним, а она на меня так окрысилась, словно я ей сказал, что она безобразна или стара. А между тем для дуэний, по-моему, более подходящее занятие — ухаживать за скотом, чем восседать в дворцовых палатах.

— Не беспокойтесь, сеньор Панса, — ответила герцогиня. — Я беру на себя заботы о вашем сером, ибо если он такая драгоценность для Санчо, я буду беречь его, как зеницу ока.

— Довольно будет, если его поставят в конюшню, — ответил Санчо, — ибо ни я, ни он недостойны того, чтобы ваше высочество обременяли себя такой заботой. Я скорее соглашусь, чтобы меня искрошили кинжалами. Пусть мой господин уверяет, что по части учтивости лучше пересолить, чем недосолить, но все же в ослиных и лошадиных делах не следует терять меры.

— Возьмите его с собой на губернаторство, — сказала герцогиня, — там вы будете его вволю кормить и освободите от работы.

— Не думайте, ваша милость сеньора герцогиня, что вы сказали что-нибудь неслыханное, — ответил Санчо. — Я не раз и не два видел, как ослов посылали на губернаторство, так что если я захвачу с собой своего серого, нового ничего в этом не будет.

Слова Санчо снова развеселили и рассмешили герцогиню.

Отослав его отдохнуть, она отправилась к герцогу, чтобы передать ему свою беседу с Санчо, и они вдвоем рассулили и обдумали, как им сыграть с дон Кихотом такую шутку, которая была бы вполне в духе рыцарских романов.

Глава 47,

в которой рассказывается о том, как был найден способ расколдовать Дульсинею Тобосскую.

С этой целью они решили воспользоваться рассказами дон Кихота о пещере Монгесинос и одурачить наших друзей (ничто так не восхищало герцогиню, как простодушие Санчо, который свято уверовал, что Дульсинея Тобосская была заколдована, хотя сам же он был волшебником и изобретателем всей проделки). Они заранее распределили все роли между своими слугами, научили их, что нужно говорить и делать, позаботились о подобающих масках и костюмах. Когда все было готово, герцог устроил пышную охоту, в которой участвовало множество егерей и ловчих. Дон Кихоту был приготовлен охотничий костюм, а Санчо зеленое платье из тончайшего сукна. Рыцарь отказался

от подарка, заявив, что через несколько дней ему придется вернуться к суровому военному делу и тогда костюм будет ему совсем не нужен, а возить его с собой он не может. Санчо же с удовольствием взял платье, рассчитывая выгодно продать его при первом удобном случае.

Когда наступил назначенный день, дон Кихот надел свои доспехи, а Санчо — пожалованный герцогом охотничий костюм. Однако он ни за что не захотел расстаться со своим серым, хотя ему предлагали хорошего коня. Герцогиня вышла в пышном наряде, и дон Кихот, несмотря на сопротивление герцога, как любезный и воспитанный кавалер, придержал ее иноходца под уздцы. Наконец они прибыли на опушку леса, лежавшего в долине среди высоких гор. После того как охотники разошлись по своим местам и все проходы и тропы были заняты, спустился каб. Долина наполнилась таким шумом, криком и улюлюканием, что участники охоты едва не оглохли. Герцогиня сошла с лошади и с острым дротиком в руках стала у тропинки, по которой обычно пробегали дикие кабаны. Дон Кихот и герцог тоже спустились и стали рядом с ней, а Санчо верхом на своем сером поместился позади них: добряк не решался покинуть своего друга, опасаясь, как бы с ним не случилось какой-нибудь беды. Рядом с герцогской четой выстроились многочисленные слуги. Едва охотники успели занять свои места, как на опушку выскочил огромный кабан, преследуемый собаками и егерями. Он грозно щелкал челюстями, вся морда его была покрыта пеной. Увидев кабана, дон Кихот поднял щит, обнажил меч и двинулся ему навстречу. Герцог схватил дротик и последовал его примеру. Герцогиня опередила бы их обоих, если бы герцог ее не удерживал. А Санчо, увидев страшного зверя, соскочил с серого и бросился бежать, что было мочи. Добравшись до ближайшего дерева, он принялся карабкаться на него, стараясь залезть как можно выше. Но судьба была к нему сурова и безжалостна. С перепуга Санчо ухватился за слишком тонкую ветку. Ветка обломилась, и он полетел вниз. По счастью, его кафтан зацепился за толстый сук, и бедняга повис в воздухе. Опасаясь, что зеленый кафтан не долго выдержит и он свалится на землю, а свирепое животное, кинувшись от охотников в сторону, набросится на него, Санчо начал

так отчаянно кричать и звать на помощь, что все подумали, будто он попался в пасть дикому зверю. Наконец клыкастый зверь пал под дротиками егерей. Тогда дон Кихот, узнав голос Санчо, оглянулся и увидел, что тот висит на дубе вниз головой, а подле стоит серый, не покинувший хозяина в несчастье. Дон Кихот поспешил к дереву и снял своего оруженосца. Почувство-

вав себя в безопасности, Санчо стал сильно сокрушаться о своем порванном охотничьем кафтане, ибо был уверен, что он стоил целого майората. Охотники взвалили огромную тушу кабана на мула, покрыли ветками розмарина и мирта и как победный трофей отвезли к разбитой на лужайке посреди леса просторной палатке, где уже были расставлены столы и приготовлен такой обильный и роскошный обед, что по одному этому угощению можно было заключить о щедрости и богатстве хозяев. Санчо показал герцогине прорехи на своем новом платье и сказал:

— Если бы мы охотились на зайцев или на птичек, то уж наверняка мое верное моею костюм не постигла бы такая беда. Не понимаю, что за удовольствие гоняться за зверем, который одним ударом копыта может отправить вас на тот свет. И к чему это вельможи и короли подвергают себя подобным опасностям ради собственного удовольствия? Да и какое это удовольствие — убивать животных, не совершивших никакого преступления?

— Нет, Санчо, вы ошибаетесь, — сказал герцог, — нет занятия, более достойного и полезного для королей и вельмож, чем охота. Охота — та же война: охотник должен применять различные уловки, хитрости, засады, чтобы выследить и одолеть врага. На охоте мы терпим и лютый холод и невыносимую жару; мы презираем праздность и сон, укрепляем свои силы, упражняем наши члены, становимся более ловкими и выносливыми. К тому же охота такое дело, которым можно заниматься, никому не вредя и многим доставляя удовольствие. А главное, она не всем доступна, тогда как другие виды охоты созданы для всех. Итак, Санчо, когда вы будете губернатором, вам придется переменить свое мнение и не пренебрегать охотой. Тогда вы убедитесь, как она полезна.

— О, нет, — возразил Санчо, — хороший губернатор всегда сидит дома, словно у него сломана нога. На что это будет похоже, если просители придут к нему по спешному делу, а он в это время забавляется где-то в лесу? Этак у него все управление прахом пойдет! Честное слово, сеньор, и охота и прочие потехи больше подобают разным бездельникам, чем губернаторам. Нет, уж лучше я буду по большим праздникам развлекаться игрой в свои козыри, а по воскресеньям в кегли. А все эти виды охоты мне вовсе не по нраву да и претят моей совести.

— Дай бог, Санчо, чтобы вы сдержали свое слово, — ответил герцог, — ибо от слова до дела — расстояние не маленькое.

— Каково бы оно ни было, — возразил Санчо, — а хорошим плательщику никакой залог не страшен. Больше успевает тот, кому бог помогает, чем тот, кто встает с петухами; не ноги владеют брюхом, а брюхо ногами. Я хочу сказать, что если бог мне поможет и я буду честно исполнять свой долг, то уж наверно

буду управлять как орел, а не верите, положите мне палец в рот, — и тогда вы увидите, кусаюсь ли я или нет.

— Да проклянет тебя бог, Санчо! — воскликнул дон Кихот. — Когда же, наконец, ты бросишь свои дурацкие поговорки? Ведь я не раз уж просил тебя об этом! Ваши высочества, оставьте этого болвана. Ведь он из вас всю душу вымотает своими пословицами: у него их целые тысячи, а приводит он их всегда некстати и не к месту. Пусть его бог накажет за это, да и меня заодно, если я соглашусь его слушать.

— Правда, у Санчо много пословиц, но они мне очень нравятся, — возразила герцогиня, — они короткие и меткие и поэтому заслуживают всяческой похвалы.

В таких занимательных беседах прошел обед. Между тем день начал клониться к вечеру. Собеседники вышли из палатки, чтобы подышать свежим воздухом, и тут внезапно в лесу вспыхнуло множество огней, словно он загорелся со всех четырех сторон. То здесь, то там, то справа, то слева слышались звуки рожков и труб, так что можно было подумать, что по лесу едут многочисленные отряды конницы. Блеск огней и воинственные трубные звуки ослепили и оглушили не только наших охотников, но и всех, кто был в лесу. Вскоре раздались громкие возгласы: «лелили!» — боевой клич мавров. Зазвучали трубы и кларнеты, загремели барабаны, запели флейты, — от этой дикой музыки у всех голова пошла кругом. Герцог опеменел, герцогиня изумилась, дон Кихот удивился, Санчо Панса затрясся, и даже те, кто знал в чем дело, перепугались. Со страха все замолчали. В эту минуту перед ними появился гонец в одеянии дьявола, который трубил в огромный рог, издававший хриплые и жуткие звуки.

— Эй, братец, — закричал герцог, — кто вы такой, и куда вы едете, и что это за войско проезжает по нашему лесу?

На это гонец ответил громовым голосом:

— Я — дьявол и ищущий дон Кихота Ламанчского. А по лесу едут волшебники, которые везут несравненную Дульсинею Тобосскую и храброго Монтесиноса. Они прибыли сюда, чтобы сообщить дон Кихоту, каким способом можно расколдовать эту знатную сеньору.

— Если вы в самом деле дьявол, как же вы не узнали рыцаря дон Кихота Ламанчского, — ведь он перед вами.

— Клянусь богом и совестью, — ответил дьявол, — я на него и не посмотрел. У меня так много разных хлопот и дел, что главным я и позабыл.

— Несомненно, — заметил Санчо, — что этот дьявол — почтенный человек и добрый христианин, иначе бы он не стал клясться богом и совестью. Теперь я начинаю верить, что и в аду можно найти добрых людей.

А дьявол, не сходя с лошади, повернулся лицом к дону Кихоту и сказал:

— К тебе, рыцарь Львов (чтоб тебе поскорее попасть к нам в когти), меня посылает злополучный, но мужественный рыцарь Монтесинос. Он повелел мне просить тебя дожидаться его здесь. Он везет Дульсинею Тобосскую и сообщит тебе, каким способом ты можешь снять с нее заклятье. Это — все, что мне было поручено сказать тебе. Больше мне незачем здесь оставаться. Да пребудут с тобою черти вроде меня, а с присутствующими господами — добрые ангелы.

С этими словами он затрубил в свой громадный рог и умчался в лес, не дожидаясь ответа.

Все были потрясены и удивлены этим видением, и болели всех — Санчо и дон Кихот; Санчо — потому, что Дульсинея была, значит, и в самом деле околдована, а дон Кихот — потому, что он сам не был вполне уверен в истинности всего, что произошло в пещере Монтесинос. Герцог вывел его из задумчивости, спросив:

— Ну, что же, сеньор дон Кихот, ваша милость будет его дожидаться или нет?

— Конечно, да, — отвечал тот. — Хотя бы весь ад на меня ополчился, я бесстрашно и храбро выдержу его натиск.

— Ну, а я, если увижу еще одного чорта или услышу другую такую трубу, — так ищите меня не здесь, а во Фландрии, — сказал Санчо.

Тем временем совсем стемнело; по всему лесу замелькали множество огоньков, а затем раздался такой страшный шум, как будто скрипели деревянные колеса тысячи телег, запряженных

волами. Внезапно этот шум был покрыт целым ураганом еще более резких и диких звуков: с одной стороны раздавались тяжелые залпы грозной артиллерии, с другой — трескотня множества мушкетов; вблизи как будто можно было различить крики сражающихся, вдали звучали мавританские «лелили». Одним словом, рожки, охотничьи рога, трубы, кларнеты, валторны, барабаны, пушки, мушкеты, пронзительный скрип телег слились в такой смутный и ужасающий гул, что самому дон Кихоту пришлось призвать на помощь все свое мужество, чтобы не растеряться. Санчо же без чувств повалился к ногам герцогини, которая велела поскорей обрызгать его водой. Ее приказание было тотчас исполнено, и Санчо пришел в себя как раз в ту минуту, когда одна из колесниц со скрипучими колесами подъехала прямо к ним.

Она была запряжена четверкой ленивых волов, покрытых черными попонами; к рогам каждого из них были привязаны большие горящие факелы из воска. На колеснице стоял высокий трон, на котором восседал почтенный старец с белоснежной бородой, спускавшейся ниже пояса; на нем была широкая одежда из черного холста; колесницу освещали бесчисленные факелы, и потому нетрудно было разглядеть и различить все, что в ней находилось. На козлах сидели два безобразных дьявола в черных балахонах; рожи их были так отвратительны, что Санчо, только взглянув на них, сразу зажмурился от страха. Когда колесница поравнялась с нашими охотниками, почтенный старец поднялся со своего высокого сиденья и вскричал громким голосом:

— Я — мудрец Лиргандео.

Больше он ничего не сказал, и колесница двинулась дальше. Вслед за первой колесницей появилась вторая, на ней сидел такой же старец. Он сделал знак возницам остановиться и произнес громко и отчетливо:

— Я — мудрец Алькифо, друг Урганды Неуловимой.

И поехал дальше. Затем приблизилась третья колесница. Но на пей восседал не старец, а здоровенный парень свирепого вида; подъехав, он тоже вскочил на ноги и закричал еще более хриплым и зловещим голосом:

— Я — волшебник Аркалаус, смертельный враг Амадиса Гальского и всего его рода.

Отъехав немного в сторону, все три колесницы остановились, и отвратительный скрип их колес прекратился. Грохот затих, и раздались звуки нежной и стройной музыки. Санчо счел это за доброе предзнаменование и очень обрадовался.

Обратившись к герцогине, от которой не отходил ни на шаг, он сказал:

— Сеньора, где играет музыка, там не может быть ничего дурного.

— То же самое можно сказать про свет, — ответила герцогиня, — ибо от него бежит все злое.

На это Санчо возразил:

— Да, но где свет, там и огонь. Взгляните, ваша милость, сколько костров горит вокруг. Не дай бог, коли они подпалят нас. А музыка всегда означает веселье и праздник.

— Ну, это мы еще увидим, — сказал дон Кихот, слышавший их разговор.

В это время под звуки приятной музыки приблизилась четвертая колесница; она была запряжена шестеркой гнедых мулов, покрытых белыми попонами; на каждом из мулов сидел верхом кающийся, в белой одежде, с большим зажженным восковым факелом в руке.

Эта колесница была раза в два, а то и в три больше остальных. На ней стояло двенадцать кающихся в белоснежных одеждах и с горящими факелами — зрелище, вызывавшее одновременно восхищение и ужас; а посредине на высоком троне восседала нимфа под множеством покрывал из серебристой ткани с золотыми украшениями. Голова ее была обвита легким и прозрачным шелковым газом, сквозь складки которого просвечивало прелестнейшее юное лицо. Рядом с ней сидел некто в черном покрывале и длинном черном платье. Когда колесница остановилась перед герцогом, герцогиней и дон Кихотом, кларнеты, арфы и лютни смолкли. Таинственный некто встал, выпрямился и откинул покрывало. Тут перед присутствующими предстал образ самой Смерти, такой страшной, что дон Кихот нахмурился, Санчо струсил, а герцог и герцогиня чуть-чуть вздрогнули.

А эта живая Смерть, вытянувшись во весь рост, немного согнувшись и вылым голосом произнесла:

Я — тот Мерлин, о коем повествуют,
Что породил на свет его сам дьявол,
И хоть всегда волшебники и маги
И колдуны имеют вид суровый
И нрав крутой, жестоки в обращении, —
Но я по нраву нежен, ласков, мягок,
Благодеяния творя повсюду.
Ко мне донесся скорбный зов прекрасной
И дивной Дульсиной из Тобосо.
Тут я узнал, что силой злых заклятий
Она из знатной дамы обратилась
В крестьянку грубую. И вот, жалея
Ее, свой дух влагаю в оболочку
Я этого страшилища-скелета
И к вам являюсь я, неся с собою исцеленье
И злу большому и большому горю.
Внимай, о муж, ни разу по заслугам
Не оцененный, о, внимай, храбрейший,
Ты, дон Кихот, а вместе и мудрейший,
Звезда Испании и блеск Ламанчи:
Чтоб прежний образ снова мог вернуться
К прекрасной Дульсине из Тобосо,
Для этого оруженосец Санчо...

Тут Смерть внезапно замолчала; все затихли и, затаив дыхание, тревожно ждали, что она еще скажет. Через несколько мгновений Смерть, именующая себя Мерлином, промолвила:

— Для этого оруженосец должен нанести себе три тысячи триста ударов плетью.

— Ах, чтоб ты пропал! — вскричал Санчо. — Не то что три тысячи, а даже три удара плетью для меня все равно, что кинжальные раны. Убирайся к чорту, коли ты не можешь иначе снять заклятья. Не понимаю, что общего между моим бедным телом и всеми этими волшебствами. Клянусь богом, если сеньор Мерлин не придумает другого способа расколдовать сеньору Дульсинею Тобосскую, так пускай ее и похоронят очарованной.

— А вот я схвачу вас, нахальный грубиян, — сказал дон

Кихот, — привяжу к дереву и влеплю вам не три тысячи триста,¹ а шесть тысяч шестьсот полновесных ударов. И если вы посмеете сопротивляться, так я и дух из вас вышибу.

— Нет, благородный рыцарь, — возразил Мерлин, — это не годится. Санчо должен сам по доброй воле нанести себе эти удары и притом, когда ему вздумается. Никакого определенного срока для этого не назначено. Впрочем, если он согласится, чтобы эти удары нанесла ему чужая тяжелая рука, то число их может быть уменьшено наполовину.

— Ни чужая, ни собственная, ни тяжеловесная, ни легковесная, — словом, ничья и никакая рука не коснется моего тела, — заявил Санчо. — Да что же это в самом деле, — отец я, что ли, сеньоре Дульсинее, чтобы своим телом расплачиваться за ее грешные очи? Вот господин мой — так тот на каждом шагу называет ее своей жизнью, душой, опорой и поддержкой. Он и должен исполнить все, что нужно для освобождения ее от злых чар. Но чтобы я стал стегать самого себя, — *abrenuncio*. *

Не успел Санчо это выговорить, как нимфа, сидевшая рядом с Мерлином, поднялась и, откинув покрывало со своего прекрасного лица, проговорила, обратившись к Санчо, довольно грубым и резким голосом:

— О горемычный оруженосец, пустопорожняя душа, лубовое сердце, каменные внутренности! Если бы тебе, разбойник-душегуб, приказали броситься на землю с высокой башни, если бы тебя просили, враг рода человеческого, съесть дюжину жаб, две дюжины ящериц и три дюжины змей, если бы тебя упрашивали зарезать ятаганом жену и детей, никто не стал бы удивляться твоему ломанию и упрямству. Но так шуметь и спорить из-за каких-нибудь трех тысяч трехсот ударов плетью, в то время как любой мальчуган из церковной школы получает не меньше каждый месяц, — вот что поражает, ошеломляет и потрясает всех сострадательных людей. Взгляни, жалкое и бесчувственное животное. Взгляни же на меня, переспуганный сын, и ты увидишь, что из моих блистательных очей текут горячие

* *Abrenuncio* — исковерканное латинское слово: *abrenuncio* — отрекаюсь, никогда не сделаю.

слезы. Неужели же, злобредное чудовище, тебя не трогает, что я в годы моей цветущей весны, ибо мне всего-навсего девятнадцать лет, сохну и увядаю под грубым обликом простой крестьянки? Ведь если ты видишь меня прекрасной, то это только потому, что сеньор Мерлин из милости вернул мне на время мою прежнюю красоту, чтобы я могла тебя растрогать. Ибо слезы страждущей красавицы обращают утесы в вату и тигров в овечьек. Бичуй же, бичуй себя, о скот неистовый; прояви мужество, покажи, что ты отважен не в одном обжорстве. Возврати мне нежность кожи, кротость нрава и красоту лица. А если моя красота и несчастье не в силах тронуть твое сердце и склонить тебя к разумному решению, то сделай это ради несчастного рыцаря, который стоит рядом с тобой, ради твоего господина, чью душу я сейчас созерцаю. Она застряла у него в горле и готова навсегда его покинуть, если ты будешь жесток и непреклонен.

Услышав эти слова, дон Кихот пощупал себе горло и, обхватившись к герцогу, сказал:

— Клянусь богом, сеньора Дульсинея говорит правду: душа моя застряла у меня в горле, как ядрышко арбалета.

— Что вы на это скажете, Санчо? — спросила герцогиня.

— Скажу, сеньора, — ответил Санчо, — то, что уже раньше сказал: бить себя плетьюми — *abernuncio!*

— Нужно говорить *abrenuncio*, Санчо, — заметил герцог.

— Оставьте меня в покое, ваше высочество, — ответил Санчо. — Мне сейчас не до того, чтобы считать буквы в словах. Ведь речь идет о том, чтобы я себя высек или чтобы меня высекли. Немудрено, что я волнуюсь и путаю слова. Вернемся лучше к делу. Не могу надивиться на вас, сеньора Дульсинея. Вы уговариваете меня содрать с себя кожу плетью и в то же время величаете дубиной, бесчувственным животным, каменным сердцем и целой уймой других бранных кличек, которых не стерпел бы и сам дьявол. Или вы думаете, что мое тело отлито из бронзы? Помилуйте! Вы хотите меня залобрить и, вместо того чтобы поднести мне корзину хорошего белья, — потчуете меня отборной бранью. А ведь вы, конечно, знаете отличные поговорки: золотой осел и на гору подымает, а подарки скалу,

прошибают, у бога проси, а сам молотом стучи. А тут еще мой господин заявляет, что привяжет меня к дереву и выплел двойную порцию ударов. Ну, нет! Этим сеньорам следует помнить, что речь идет о том, чтобы выпороть не простого оруженосца, а губернатора. А это, скажу вам, не вишневая наливка. Нет, нет, сеньоры. Научитесь-ка сперва просить и уговаривать как следует. К тому же день на день не приходится: человек не всегда бывает в духе. Вот и сейчас, — я и без того вне себя от досады, что у меня порвался мой зеленый кафтан, а тут еще приходят и просят: «высеки себя по доброй воле». По доброй воле! Вы бы еще попросили меня по доброй воле сесть на кол.

— Однако, друг Санчо, — сказал герцог, — если вы не скалитесь над бедняжкой, вам не придется управлять островом. Что станут говорить обо мне, если я назначу губернатором жестокосердого человека, которого не трогают ни слезы страждущих девиц, ни просьбы разумных, могучих мудрецов и волшебников? Итак, Санчо: или вы себя высечете, или вас высекут, или вы не будете губернатором.

— Сеньор, — ответил Санчо, — не дадите ли вы мне дня два на размышления?

— Ни в коем случае, — возразил Мерлин. — Вы должны дать немедленный ответ. Либо Дульсинья возвратится в пещеру Монтесинос и будет владеть жалкое существование в обличии крестьянки, либо воспарит в Елисейские поля⁸³ и пребудет там до тех пор такой же прекрасной, какой вы ее видите, пока вы не нанесете себе положенного числа ударов.

— Ну что же, добрый Санчо, — сказала герцогиня, — решайтесь. Отплатите добром за хлеб, который вы ели у вашего господина дон Кихота. Мы все обязаны служить этому доблестному рыцарю за его великие добродетели и подвиги. Соглашайтесь скорее на порку. Пускай себе чорт хватает чорта, а страх — труса. О храброе сердце разбиваются все невзгоды.

Но Санчо уклонился от прямого ответа и, желая протянуть время, спросил Мерлина:

— Скажите, ваша милость сеньор Мерлин: ведь сюда под видом гонца являлся дьявол, который от имени сеньора Монтесиноса просил дожидаться его здесь, говоря, что сеньор Монте-

сшное откроет, каким способом моему сеньору можно расколдовать донью Дульсинею Тобосскую, а между тем до сих пор мы не видели этого сеньора.

На это Мерлин ответил:

— Друг мой Санчо, этот дьявол — невежда и величайший негодник. Я послал его к вашему господину с поручением не от Монтесиноса, а от меня лично. Монтесинос сидит у себя в пещере и ждет не дождется, когда его расколдуют. Ну, а теперь дайте же, наконец, свое согласие на бичевание. Поверьте мне, оно и душе и телу принесет большую пользу: душе — потому что вы проявите этим милосердие, а телу — потому что вы, как я вижу, человек полнокровный и небольшое кровопускание не может вам повредить.

— Очень уж много на свете лекарей: даже волшебники, и те этим делом занимаются, — ответил Санчо. — Ну, раз все меня уговаривают, то, хотя я сам и другого мнения, я соглашаюсь нанести себе три тысячи триста ударов плетью, но при одном условии: никаких сроков для выполнения этой дурацкой затеи назначено не будет, и я буду хлестать себя только тогда, когда мне это вздумается. Впрочем, я постараюсь развязаться с этим долгом как можно скорее, дабы весь мир мог порадоваться красоте сеньоры Дульсинеи Тобосской. По правде говоря, я никак не ожидал, что она так прекрасна. Еще я должен оговориться: я не обязан бичевать себя до крови, и если иные удары только мух спугнут, все же они будут мне зачтены. А если я ошибусь в счете, сеньор Мерлин, от которого ничто не может укрыться, возьмет на себя труд подсчитать и сообщить мне, сколько ударов еще недостает или сколько я сделал лишних.

— Об этом не беспокойтесь, — ответил Мерлин, — ибо как только вы отвесите себе назначенное число ударов, сеньора Дульсинея будет расколдована и тотчас явится к доброму Санчо, чтобы поблагодарить его и наградить за добрую услугу. Поэтому не бойтесь ошибиться в счете: само небо не позволит обмануть вас хотя бы на волосок.

— Ну, тогда я отдаюсь в руки божьи, — ответил Санчо. — Я покоряюсь моей горькой участи и соглашаюсь отхлестать себя. Будь что будет.

Не успел Санчо произнести эти слова, как вновь раздались звуки кларнетов, снова загремели бесчисленные выстрелы из мушкетов, а дон Кихот обнял Санчо и стал осыпать его поцелуями. Герцог, герцогиня и вся свита выказали свое величайшее удовольствие. Дульсинея отвесила поклон герцогу и герцогине, сделала глубокий реверанс Санчо, и колесница тронулась дальше.

Между тем приближался рассвет. Полевые цветочки приподняли и выпрямили свои опущенные головки, хрустальные воды ручейков, журча меж белых и желтых камешков, понесли свою дань рекам, ожидавшим их вдали. Веселая земля, чистое небо, прозрачный воздух, яркий свет — все красноречиво говорило о том, что день обещает быть светлым и ясным. Герцог и герцогиня, довольные удачной охотой и остроумной шуткой, разыгранной над дон Кихотом, возвратились в замок с намерением придумать какую-нибудь новую игру, ибо ничто на свете не могло доставить им большего наслаждения.

А такой дешевой ценой, как шлепки ладонью, нельзя купить свободу сеньоры Дульсинеи. Заметьте, Санчо, что дела милосердия, выполняемые нерадиво, не имеют значения и никогда не зачитываются.

На это Санчо ответил:

— А вы, ваша светлость, подарите мне подходящую плетку. Ее я и пушу в ход, если она не слишком больно стегает. Разрешите доложить вашей милости, что, хотя я и мужик, а тело у меня более похоже на вату, чем на дерюгу, и не годится мною калечить себя ради чужой прибыли.

— В добрый час, — ответила герцогиня, — завтра же подарю вам плетку, которая как нельзя лучше подойдет к вашей нежной коже.

Санчо помолчал с минуту, а затем, желая переменить разговор, сказал:

— Да будет известно вашему величию, дорогая сеньора, что я решил послать письмо моей жене Тересе Пансе. Там я рассказываю обо всем, что со мной случилось во время моих странствований. Мне бы очень хотелось, чтобы ваше мудрейшество прочли его, прежде чем я его отправлю. Мне кажется, что оно написано совершенно так, как должны писать губернаторы.

— А кто же сочинил его? — спросила герцогиня.

— Да кому же было сочинить его, как не мне, грешному? — ответил Санчо.

— А написали его тоже вы сами? — продолжала герцогиня.

— Ишь чего вы захотели, ваша милость, — ответил Санчо. — Да ведь я ни читать, ни писать не умею. Умею только кое-как нацарапать свое имя. Письмо с моих слов написал ваш дворецкий.

— Ну, дайте посмотреть, — сказала герцогиня. — Оно наверное очень умно и интересно.

Санчо вытащил из-за пазухи незапечатанное письмо и передал его герцогине.

Письмо Санчо Пансы к его жене Тересе Пансе.

Пу, милая Тереса, теперь уже недолго мне дожидаться губернаторства. Только оно вскочит мне в хорошую порку. Всею этого ты не поймешь сейчас, дорогая жена, но в другой раз я

объясню тебе все подробно. Да будет тебе ведомо, Тереса, что я твердо решил, что ты должна разъезжать в карете, а пешком пусть ходит кошка за мышами. Ты жена губернатора, смотри же, не позволяй никому наступать тебе на пятки. При сем посылаю зеленый охотничий кафтан, который мне пожаловала сеньора герцогиня; постарайся его переделать в корсаж и юбку для нашей дочки. О господине моем дон Киоте в здешних краях говорят, что он, хотя и сумасшедший, но умник, хотя и чудака, но забавник. Прибавляют, что я ни чем не уступаю моему сеньору. Побывали мы в пещере Монте-синос, и мудрый Мерлин, желая изгнать Дульсинею Тобосскую, которую на родине все называют попросту Альдонсой Лоренсой, от чар злых разбойников, избрал меня в ее освободители. Я должен нанести себе три тысячи триста ударов плетью, тогда она будет освобождена. Смотри только, никому не говори об этом. Коли вынесешь на люди свои дела, один тебе скажет черное, а другой — белое. Через несколько дней я отправляюсь на свой остров. Очень мне хочется нажить побольше денег. Говорят, впрочем, что и все вновь испеченные губернаторы пылают таким желанием. Когда я обживусь на новом месте, непременно напишу тебе, стоит ли тебе приезжать, или нет. Серый чувствует себя хорошо и шлет тебе поклоны. Я ни за что не расстанусь с ним, хотя бы меня произвели в турецкие султаны. Герцогиня, моя госпожа, тысячу раз целует тебя ручки, а ты передай ей две или три тысячи поцелуев. Любимые слова, как говорит мой господин, обходятся дешево. На этот раз господу богу не угодно было послать мне чемаданчик с червонцами. Но ты не огорчайся, милая Тереса. Подожди немного: вот стану я губернатором, так мы с тобой набелим полотна. Ну, словом, так или иначе, а я сделаю тебя богатой.

Твой муж,
губернатор Санчо Панса

Прочитав письмо, герцогиня сказала:

— Письмо отличное, но в одном месте наш добрый губернатор немного сбился с пути истинного. Там, где он высказывает такое сильное корыстолюбие. Боюсь, как бы цветочки не завяли

прежде, чем успеют расцвести. Ведь жадность рвет мешок, а корыстолюбивый правитель не может творить правый суд.

— Да я совсем не то хотел сказать, сеньора, — ответил Санчо. — Впрочем, если вашей милости кажется, что письмо написано не так, как следует, — давайте, порвем его. Боясь только, чтобы другое не вышло еще хуже. Трудно мне полагаться лишь на мои собственные мозги.

— Нет, нет, — возразила герцогиня, — письмо написано отлично, и мне хочется показать его герцогу.

С этими словами она направилась в сад, где было решено обедать в этот день.

Герцогиня показала письмо герцогу, и тот прочел его с огромным удовольствием. Обед прошел очень оживленно и весело. Наконец убрали со стола. Однако герцог и герцогиня все еще продолжали сидеть, наслаждаясь забавными шутками Санчо. Вечер был тихий и спокойный. Вдруг послышался заунывный звук флейты и глухой, тревожный грохот барабана. Все были поражены этой воинственной и печальной музыкой, особенно дон Кихот, который от волнения не мог усидеть на месте. Санчо же со страха забрался в свое привычное убежище, то есть поближе к юбкам герцогини, ибо, по правде сказать, доносившиеся из сада звуки были очень тревожны и унылы. Между тем, пока все присутствующие переглядывались в большом смущении, в сад вошли два человека в таких широких и длинных траурных одеждах, что край их волочился по земле. Они ударяли в большой барабан, обтянутый черной тканью. Позади шел флейтист, также весь в черном, а за флейтистом шествовал человек гигантского роста, закутанный в черный-пречерный кафтан с огромным шлейфом; широкая черная перевязь опоясывала его поверх кафтана, и на ней висел громаднейший ятаган в черной оправе и в таких же познах. Лицо человека было закрыто прозрачным черным покрывалом, сквозь которое просвечивала длинная белая как снег борода. Он выступал величественно и важно в такт барабану. Его громадный рост, гордая поступь, черное облачение и свита могли смутить всякого, тем более, что никто не знал, кто он такой.

Медленно и торжественно приблизился он к герцогу, кото-

рый поджидал его, стоя в кругу своих приближенных, и опустился перед ним на колени. Но герцог повелел ему встать. Тогда великан поднялся и, откинув с лица покрывало, открыл такую страшную, окладистую, густую бороду, какой никогда еще не созерцали человеческие глаза. Затем, устремив взоры на герцога, он произнес звучным низким голосом:

— Высочайший и могущественнейший сеньор, меня зовут Трифальдин Белая Борода; я — оруженосец графини Трифальди, иначе именующейся дуэньей Долорпдой. Она отправила меня с посольством к вашему высочеству, дабы просить вашего разрешения предстать перед вами и лично рассказать вашей милости о своем необыкновенном горе. Но прежде всего она желает знать, не находится ли в вашем замке отважный и непобедимый рыцарь дон Кихот Ламанчский. В поисках этого доблестного рыцаря она нешком и натошак прибыла в ваше государство из своего отдаленного королевства. Графиня ждет у ворот вашего дворца и явится сюда, как только вы дадите мне благоприятный ответ. Я кончил.

Тут он камлянул, обеими руками оправил свою бороду и с большим достоинством стал ждать ответа герцога. А тот сказал:

— Уже давно, добрый оруженосец, до нас дошла весть о несчастье, постигшем графиню Трифальди, которую злые волшебники заставили называться дуэньей Долоридой. Передайте ей, что храбрый рыцарь дон Кихот Ламанчский находится здесь и, конечно, окажет ей всяческую помощь и защиту. Да и я тоже готов помочь ей, ибо этого требует мое рыцарское достоинство.

Услышав это, Трифальдин снова преклонил колени, потом подал знак флейтисту и барабанщикам и удалился из сада так же торжественно, как и вступил в него.

А герцог обратился к дон Кихоту и сказал:

— О знаменитый рыцарь, велика слава ваших подвигов! Не успели вы пробить под нашей кровлей несколько дней, а уже со всех сторон спешат сюда люди из дальних стран в поисках вашей помощи, покровительства и защиты, ибо все знают, что великодушные и доблестные ваши не имеют пределов.

— Я возношу господу бесконечную благодарность, — ответил

дон Кихот, — за то, что он допустил меня сделаться страпствующим рыцарем. Сколько бы горестей ни встретилось на моем пути и какие бы труды я ни понес, я убежден, что все они принесут пользу. Жаль только, ваша светлость, что здесь нет вашего почтенного духовника. Вы помните, с каким презрением он отзывался о странствующих рыцарях. Теперь бы он воочию убедился, что именно у этих презренных странствующих рыцарей ищут помощи и утешения все угнетенные и безутешные. Пусть эта дуэнья просит у меня всего, чего захочет: сила моей руки и беспрепятная решимость моего духа доставят ей исцеление от бед.

Герцог и герцогиня были чрезвычайно довольны, видя, с каким простодушием дон Кихот принимает за чистую правду заезженную ими шутку. А Санчо сказал в раздумьи:

— Боюсь я, как бы эта сеньора дуэнья не испортила моего дела с губернаторством. Один мой знакомый, аптекарь из Толедо, не раз говорил мне: «коли в дело замешаются дуэньи, так уж не жди ничего хорошего». Вот я и опасаясь, как бы эта дуэнья Долориды, * или графиня Три фалды, или Три хвоста (по-деревенски что фалды, что хвосты — все едино), не наделала нам беды.

— Замолчи, друг мой Санчо, — прервал его дон Кихот, — эта сеньора дуэнья приехала ко мне из таких далеких стран, что уж наверное она не входит в число тех дуэний, о которых говорил аптекарь, тем более, что она — графиня, а графини служат дуэньями только королевам или императрицам, а у себя дома они — весьма знатные дамы, и им прислуживают другие дуэньи.

Донья Родригес, слышавшая этот разговор, сказала:

— У моей сеньоры герцогини есть такие дуэньи, которые тоже могли бы быть графинями, если бы судьбе было угодно. И пусть никто не говорит дурно о дуэнях. Впрочем, оруженосцы всегда были нашими врагами, — они вечно торчат в передних и от скуки занимаются тем, что перемывают нам косточки, роя яму нашей доброй славе. Чтоб им всем попасть на галеры, а мы на зло им будем жить, да еще в роскошных замках, хотя бы нам приходилось там помирать с голоду и носить черные хламиды.

* Долориды значит по-испански: скорбная, жалующаяся, по-русски можно было бы сказать дуэнья-плакса.

Этот разговор внезапно был прерван звуками флейты и барабанов, возвещавшими, что дуэнья Долориды уже вошла в сад. Герцогиня спросила мужа, не следует ли пойти навстречу гостям: ведь она все-таки графиня и знатная дама. Но, прежде чем герцог успел ответить, Санчо сказал:

— Поскольку она графиня, вашим высочествам надлежало бы выйти к ней навстречу; но, поскольку она дуэнья, я считаю, что вам незачем двигаться с места.

— Кто тебя просит вмешиваться, Санчо? — сказал дон Кихот.

— Кто просит? — ответил Санчо. — Я вмешиваюсь потому, что имею право вмешиваться: недаром же я ваш оруженосец и изучил правила вежливости в школе вашей милости, а ведь вы — самый вежливый и, можно сказать, благовоспитанный рыцарь.

— Санчо прав, — промолвил герцог, — посмотрим сначала, какова эта графиня, а затем решим, какие ей полагаются почести.

В эту минуту, предшествуемые музыкантами, в саду появились двенадцать дуэний в широких хламидах из шерстяной рябины и в белых токах с длинными, чуть не до земли, крыльями. За ними выступала графиня Трифальди, опираясь на руку оруженосца Трифальдина Белая Борода. Она была одета в платье из тончайшей черной материи с громадным разрезным шлейфом, концы которого несли три пазка, тоже одетые в траур; три острых угла, образованные этими концами, составляли красивую математическую фигуру, и все сразу догадались, что именно это украшение и объясняет имя графини Трифальди, иначе говоря — графини Трех фалд.

Торжественным шагом выступала эта сеньора, окруженная дуэньями, лица которых были закрыты черными покрывалами, но не прозрачными, как у Трифальдина, а такими густыми, что сквозь них ничего не было видно. Увидав эту процессию, герцог, герцогиня и дон Кихот встали, а за ними поднялись и все остальные. Подойдя поближе, дуэньи остановились и, расступившись, пропустили вперед Долориду, которая продолжала опираться на руку Трифальдина. Герцог, герцогиня и дон Кихот сделали шаг навстречу ей, а она опустилась на колени и хриплым и грубым голосом произнесла:

— Будьте любезны, ваши высочества, не оказывайте таких

почестей вашему покорному слуге, — простите, я хотела сказать — служанке. Не удивляйтесь, что я путаю слова. Меня терзает сейчас такая мучительная скорбь, что я не в силах говорить толково. Неслыханное бедствие лишило меня разума и унесло его, должно быть, на край света, так что чем больше я его ищу, тем меньше могу найти.

— Поистине, сеньора графиня, — ответил герцог, — нужно потерять рассудок, чтобы не догадаться, что вы заслуживаете величайшей учтивости, на какую способны благородные и хорошо воспитанные люди.

Тут он предложил ей руку и усадил в кресло рядом с герцогиней, приветствовавшей графиню с не меньшей любезностью. Дон Кихот молчал, а Санчо умирал от желания увидеть лицо Трифальди или одной из ее многочисленных дуэний. Однако он не решался громко заявить о своем желании, поэтому ему оставалось только ждать, пока они сами по доброй воле не откинут покрывал.

Все стояли тихо и хранили молчание, с нетерпением ожидая, чтобы кто-нибудь его нарушил. Наконец дуэнья Долорида произнесла такие слова:

— Я уверена, могущественнейший сеньор, прекраснейшая сеньора и вы все, мудрейшие господа, что мое горчайшее горе встретит в ваших доблестнейших сердцах благосклонный, великодушный и сострадательный прием, ибо горе мое столь велико, что оно могло бы растрогать мрамор, умягчить алмазы и растопить сталь. Но прежде всего я хотела бы знать, находятся ли в этом блестящем обществе безупречнейший рыцарь дон Кихот Ламанчский и его оруженоснейший слуга Санчо Панса?

Прежде чем кто-либо успел ответить, Санчо заявил:

— Оруженоснейший Панса здесь, его дон Кихотейший господин тоже, а посему, обездоленнейшая и дуэньейшая сеньора, вы можете говорить, что вам будет угодно, ибо все мы готовы быть вашими наислужайшими слугами.

Тогда дон Кихот встал и, обратившись к дуэнье Долориде, сказал:

— Если ваши безмерные страдания, сеньора, не убили в вас всякую надежду на то, что доблесть и сила странствующего ры-

наря способны вам помочь, то я готов все мои силы, как бы слабы и незначительны они ни были, употребить на служение вам. Я — дон Кихот Ламанчский, мое призвание — помогать всем нуждающимся. Вам незачем стараться разжалобить нас разными причитаниями. Говорите прямо и открыто, поведайте нам о ваших горестях, — мы вас слушаем и готовы вам помочь или, по крайней мере, погоревать вместе с вами.

Услышав эти слова, дуэнья Долорида поднялась с кресла, бросилась к ногам дон Кихота и сказала:

— Я припадаю к вашим стопам, о непобедимый рыцарь, как к стопам всего странствующего рыцарства; я хочу облобызать эти стопы, от шагов которых зависит избавление мое от всех бед, о доблестный странствующий рыцарь, чьи великие деяния превосходят и затмевают все сказочные подвиги Амадисов, Эспландианов⁸⁴ и Бельянисов.

Затем она обратилась к Санчо Пансе и, схватив его за руки, сказала:

— О ты, преданнейший из оруженосцев, сопутствовавших странствующим рыцарям, ты, чьи достоинства больше бороды моего спутника Трифальдина. Ты в праве гордиться своей службой великому дон Кихоту, ибо в его лице ты служишь всем рыцарям, которые когда-либо владели мечом. Заклинаю тебя твоей вернейшей верностью: будь добрым посредником между мною и твоим господином, дабы он взял под свою защиту меня, смиреннейшую и злополучнейшую графиню.

На это Санчо ответил:

— Не стоит говорить о моих достоинствах, сеньора. Я и без всяких этих уламываний готов просить моего господина пособить вам. Только выкладывайте-ка нам поскорее все ваши горести, ваша милость, да не очень горюйте. Уж мы с господином придумаем, как вам помочь.

Слушая эти речи, герцог и герцогиня помирали со смеху и не переставали восхищаться про себя остроумием и искусной игрой графини Трифальди. А та, усевшись, начала так:

— В славном королевстве Кандайя, лежащем между великой Трапобаной и Южным морем, в двух милях от мыса Коморин, правила королева, донья Магупсиа, вдова короля Арчипьелы;

у нее была дочь, инфанта Антономасия, которая воспитывалась под моим надзором, так как я была старейшей и знатнейшей из всех дуэний ее матушки. Жили мы тихо, мирно, счастливо. Годы мелькали за годами. Наконец маленькой Антономасии исполнилось четырнадцать лет. Она была так прекрасна, что, казалось, природа не могла создать ничего более совершенного. Слух об ее достоинствах облетел весь мир и привлек к нашему двору множество могущественных принцев из наших краев и из чужих земель; и вот, среди них один простой рыцарь замыслил покорить сердце моей красавицы. Он полагался на свою молодость и изящные манеры, на блеск и тонкость своего ума и многочисленные таланты, ибо должна сказать вашим высочествам, если только мой рассказ вам не наскучил, что когда он играл на гитаре, то казалось, что струны ее говорят; вдобавок ко всему он был поэтом и отличным танцором, умел делать клетки для птиц и мог, если бы понадобилось, заработать себе на жизнь.⁸⁵ Обладая такими талантами и достоинствами, он мог бы гору сдвинуть с места, а не то что покорить сердце нежной девушки. Однако ни красота, ни привлекательность, ни дарования не помогли бы дон Клавихо победить мою воспитанницу, если бы этот разбойник и душегуб не прибег к хитрости и не повел бы осаду сперва против меня. Этот коварный пройдоха решил сначала втереться в мое сердце. Он лестью усыпил мой разум и завоевал меня разными безделками и погремушками. В конце концов твердыня моего благоразумия рухнула и рассыпалась. С моей помощью он сумел познакомиться с Антономасией и покорить ее сердце. Благодаря моей осторожности и предусмотрительности первые их свидания остались тайной, но все-таки их любовь должна была в конце концов открыться. Надо было во что бы то ни стало уладить дело. Мы решили, что дон Клавихо будет просить руки Антономасии у ее духовника и покажет ему письмо инфанты, где она обещает стать женой дон Клавихо. Духовник прочел письмо, призвал инфанту, выслушал ее исповедь и велел ей укрыться в доме одного почтенного альгвасила. . .⁸⁶

Тут Санчо прервал рассказчицу.

— Поскольку в Кандайе существуют альгвасилы, поэты и дуэнья, — я готов поклясться, что все на свете устроено одина-

ково. Однако поторопитесь, ваша милость сеньора Трифальдин, час уже поздний, а мне до смерти хочется узнать, чем кончилась эта длинная история.

— Сейчас услышите, — ответила графиня.

Каждое слово Санчо восхищало герцогиню и приводило в отчаянье дон Кихота. Он велел оруженосцу замолчать, а Долорида продолжала свой рассказ:

— Духовник не раз посещал Антономасию и вел с ней долгие беседы. Убедившись, что инфанта твердо стоит на своем и желает соединиться браком с дон Клавихо, он наконец склонился на сторону дон Клавихо и вручил ему Антономасию в качестве законной супруги. Это до того опечалило мать инфанты, королеву донью Магунсию, что через три дня мы ее похоронили.

— Не иначе, как она померла, — произнес Санчо.

— Ясное дело, — ответил Трифальдин. — Ведь в Кандайс хоронят не живых, а покойников.

— Случается и так, сеньор оруженосец, — возразил Санчо, — что человек упадет в обморок, а его примут за покойника и похоронят. По-моему, королеве Магунсии более пристало просто упасть в обморок, а вовсе не умирать. Пока человек жив, многое можно еще исправить, да и провинность инфанты была не слишком велика, чтобы так из-за нее огорчаться. Вот если бы эта сеньора вышла замуж за своего пажа или за кого-нибудь из домашних слуг, как это случается, говорят, среди знатных сеньор, ну, тогда это было бы непоправимо. Но выйти замуж за рыцаря, который, по словам дуэньи, такой благородный и разумный юноша, ей-богу же, это не слишком большая глупость. Что из того, что он простой дворянин, а не граф или маркиз. По словам моего господина, каждый ученый может питать надежду сделаться епископом, а каждый рыцарь, особенно странствующий, королем или императором.

— Ты прав, Санчо, — сказал дон Кихот, — ибо странствующий рыцарь, если только злые волшебники ему не воспрепятствуют, очень легко может сделаться величайшим сеньором на свете. Но продолжайте, сеньора Долорида. Мне кажется, что вам предстоит рассказать нам о горьком конце этой сладостной истории.

— И еще каком горьком! — ответила графиня. — О таком горьком, что в сравнении с ним горькая редька покажется вам сладкой, а листья олеандра — превкусными. Итак, королева умерла, а вовсе не ушла в обморок, и мы ее похоронили. Но едва мы засыпали ее землей и сказали ей последнее прости, как вдруг на могиле королевы, верхом на деревянном коне, появился великан Маламбруно, двоюродный брат Магунсии, большой злодей и к тому же волшебник. Чтобы отомстить за смерть своей сестры и наказать дон Клавихо за его дерзость, а Антономасию за ее легкомыслие, он заколдовал их тут же на могиле, превратив инфанту в бронзовую обезьяну, а ее супруга — в страшного крокодила. Между ними он воздвиг бронзовый столб с надписью на сирийском языке, которая в переводе сначала на кандайский, а затем на испанский язык гласит следующее: «Сии безрассудные молодые супруги получают свой прежний облик лишь тогда, когда отважный ламанчец померяется со мною силами на поединке, ибо судьба уготовала сие неслыханное приключение только для его великой доблести». После этого Маламбруно извлек из ножен ятаган и, схватив меня за волосы, был уже готов перерезать мне горло и снести голову. Я перепугалась и пришла в крайнее смятение. Язык мой прилип к гортани, но все же я пересилила себя и дрожащим, умоляющим голосом наговорила ему столько жалобных слов, что Маламбруно пощадил меня. Вложив ятаган в ножны, он приказал привести к нему всех дуэний — тех, что стоят теперь перед вами, — и объявил, что приговаривает нас не к смерти, а к тяжкому наказанию, — позорному и долгому. Не успел он окончить свою речь, как мы почувствовали, что в наши щеки и подбородки словно вонзаются острия тысячи иголок. Невольно мы схватились руками за щеки и обнаружили то, что вы сами сейчас увидите. . .

Тут Долориди и все остальные дуэньи откинули покрывала, и странное зрелище предстало глазам присутствующих. У всех дуэний были бороды: у одной белокурая, у другой черная, у этой седая, у той с проседью. Герцог и герцогиня были удивлены, дон Кихот и Санчо Панса объаты изумлением, а остальные ошеломлены. Между тем графиня Трифальди продолжала:

— Вот какое ужасное наказание придумал для нас злокоз-

ненный Маламбруно. Он покрыл нашу нежную кожу безобразной щетиной. Лучше бы он убил нас, вместо того чтобы уродовать наши лица этим ужасным войлоком. Ибо, если рассудить здраво, — куда же может показаться бородатая дуэнья? Какой отец, какая мать проникнутся состраданием к ней? Кто ей поможет? Ведь даже и в том случае, когда у дуэньи гладкое лицо, а кожа натерта всевозможными белилами и снадобьями, и то ей нелегко кому-нибудь понравиться, а что же ей делать, когда на лице

у нее вырос целый лес? О подруги мои, дуэньи, в злосчастную минуту родились мы на свет, и в недобрый час зачали нас наши родители.

Сказав это, она на глазах у всех упала в обморок.

Тогда Санчо, посмотрев на бесчувственную Долориду, сказал:

— Клянусь честью порядочного человека и спасением души всех моих предков, никогда еще мне не приходилось слышать о подобном приключении, да и господин мой не рассказывал мне ничего похожего, потому что такие дела ему и в голову не приходили. Будь же ты проклят вовеки-веков, волшебник и великан Маламбруно. Неужели для этих несчастных нет другого наказа-

ния, кроме бород? Думаю, что этим бедняжкам печем даже заплатить цырюльнику.

— Вы правы, сеньор, — ответила одна из двенадцати дуэний, — и если сеньор дон Кихот не избавит нас от бород, то мы так и в могилу сойдем бородатыми.

Тогда дон Кихот поспешил их успокоить и сказал:

— Я скорей позволю, чтобы мне вырвали бороду в земле мавров, чем допущу, чтобы вы оставались в таком виде.

В эту минуту графиня Трифальди воскликнула, очнувшись от обморока:

— О доблестный рыцарь! Сладкий звук вашего голоса, сулящего нам столь радостную надежду, вернул меня к жизни. Я умоляю вас, преславный и неукротимый странствующий сеньор, исполнить на деле ваше великодушное обещание.

— За мной дело не станет, — ответил дон Кихот, — скажите только, сеньора, что мне нужно делать, ибо отвага моя готова вам служить.

— Дело в том, — ответила Долорида, — что отсюда до королевства Капдайя, если идти по суше, будет пять тысяч миль. Но если лететь туда прямо по воздуху, то будет только три тысячи двести двадцать семь миль. Кроме того, Маламбруно заявил мне, что, когда судьба натолкнет меня на рыцаря, нашего спасителя, он пошлет ему коня, да не какую-нибудь дрянную клячу, а того самого деревянного коня, на котором доблестный Пьер увез прекрасную Магелону. Управляют этим конем при помощи особой ручки у него на лбу, и летит он по воздуху с такой быстротой, что кажется, будто его подгоняют черти. Этот конь, согласно древнему преданию, был сооружен мудрым Мерлином, который разрешил своему другу Пьеру пользоваться им. Но Мерлин предоставлял своего коня только тем, кого он любил или кто хорошо платил ему за это. Маламбруно с помощью своих чар овладел этим конем и теперь носится на нем по всему свету: сегодня он здесь, завтра — во Франции, послезавтра — в Америке. Самое замечательное то, что конь этот не ест, не спит, не изнашивает подков и без крыльев летает по воздуху такой плавной иноходью, что всадник, сидящий на нем, может держать в руке полную чашку воды и не пролить ни одной капли.

Тут Санчо сказал:

— Ну, что касается мягкого и ровного хода, то мой серый, хотя по воздуху и не летает, но на твердой земле не уступит никакому иноходцу.

Все рассмеялись, а Долорида продолжала:

— Так вот, если только Маламбруно пожелает положить конец нашим бедам, этот конь очутится здесь не более как через полчаса после наступления ночи.

— А сколько человек может поместиться на вашем коне? — спросил Санчо.

Долорида ответила:

— Двое: один — на седле, другой — на крупе. Обычно так садятся на него рыцарь со своим оруженосцем, если только нет какой-нибудь похищенной девицы.

— Хотелось бы мне знать, сеньора Долорида, — сказал Санчо, — как зовут этого коня?

— Зовут его, — ответила Долорида, — не так, как звали коня Беллерофонта,⁸⁷ имя которого было Пегас, и не как коня Александра Великого, по имени Буцефал, и не как коня Рейнальда Монтальбанского, чья кличка была Баярд.

— Ну, раз этот конь не назван в честь коней знаменитых рыцарей, значит и имени коня моего господина — Росинанта — он не носит.

— Совершенно верно, — ответила бородатая графиня, — за свою быстроту он прозван Клавиленьо Быстрокрылый.

— Имя мне нравится, — продолжал Санчо. — Ну, а как им управлять — уздой или недоуздкой?

— Я уже вам сказала: не уздой, а особой ручкой, — ответила графиня Трифальди. — Рыцарь, едущий на нем, поворачивает ручку то в одну сторону, то в другую и направляет коня, куда захочет: конь или взлетает на воздух, или опускается вниз, почти касаясь копытами земли.

— Я непрочь посмотреть на этого волшебного коня, — сказал Санчо, — но если вы полагаете, что я решусь сесть на него, так поищите лучше груш на вязе. Вы хотите, чтобы я сидел на дерзавишном крупе, да еще без тюфячка или подушки. Чорт возь-

ми, я вовсе не собираюсь растряссти себе все внутренности ради избавления незнакомых мне дуэний от бород. Впрочем, моя помощь им, конечно, и не нужна.

— Очень нужна, друг мой, — возразила Трифальди, — так нужна, что без вашего участия у нас наверное ничего не выйдет.

— Спасите меня, добрые люди! — воскликнул Санчо. — Да какое дело оруженосцам до приключений их господ? На долю рыцарей приходится вся честь и слава, а наш брат знай себе работай. Даже историки в своих описаниях подвигов странствующих рыцарей никогда не упомянут об оруженосце и его участии в деле, словно его и на свете не было. Нет, сеньоры, повторяю еще раз: мой господин может отправляться один, и дай ему бог всякого успеха, а я останусь здесь в обществе сеньоры герцогини и займусь освобождением от чар сеньоры Дульсины. С меня и этого довольно.

— И все-таки, добрый Санчо, — заявил герцог, — вам придется сопровождать вашего господина, если это окажется необходимым. Недопустимо, чтобы из-за вашего нелепого страха лица этих сеньор остались бы косматыми. Ведь это же неприлично.

— Еще раз кричу: спасите! — воскликнул Санчо. — Если бы требовалось проявить милосердие к каким-нибудь юным затворницам, ну тогда еще куда ни шло. Но мучиться ради того, чтобы избавить от бород дуэний? Да ну их к чорту! Нускай они все ходят с бородами, от старшей до младшей, от первой жеманницы до последней кривляки.

— Вы не любите дуэний, друг мой Санчо, — сказала герцогиня. — Но клянусь вам, вы не правы. В моем доме есть примерные дуэньи. Взять хотя бы донью Родригес, которая стоит перед вами.

— Смейтесь, смейтесь, ваша светлость, — сказала донья Родригес. — Бог создал дуэний, — стало быть, он знает, для чего они нужны. Уповаю на его милосердие, я могу перенести все оскорбления этого грубияна-оруженосца и...

— Ну, довольно о дуэньях, — нетерпеливо прервал ее дон Кихот. — Пусть только явится этот Клавиленьо, — и я немедленно вступлю в бой с Маламбруно и сниму ему голову с плеч

с большей легкостью, чем бритва снимает ваши бороды, а Санчо, конечно, исполнит все, что я ему прикажу.

— Ах! — воскликнула тут Долорида. — Пусть все звезды небесные взглянут благосклонными очами на ваше величие, о доблестный рыцарь, и пошлют вашему духу удачу и мужество, дабы вы соделались щитом и оплотом всего посрамленного и униженного рода дуэний; его ненавидят аптекари, на него рошцут оруженосцы и клеветуют пажки. О великан Маламбруно, поплыв же скорей несравненного Клавиленью, дабы кончились наконец наши злоключения!

Трифальди сказала это с таким чувством, что у всех присутствующих выступили на глазах слезы, и даже Санчо прослезился и тут же решил про себя, что последует за дон Кихотом хотя бы на край света.

Между тем настала ночь, и пришел час, когда должен был явиться знаменитый Клавиленью. Однако его все еще не было, и дон Кихот начал беспокоиться. Он опасался, что Маламбруно раздумал вступить с ним в единоборство и избрал для поединка другого рыцаря. Но вот внезапно вошли в сад четыре дикаря. Они несли на плечах большого деревянного коня; приблизившись к дон Кихоту, дикари поставили коня на землю, и один из них сказал:

— Пусть сядет на эту махину рыцарь, у которого хватит на это храбрости...

— Я во всяком случае не сяду, — перебил Санчо, — у меня и храбрости нехватит, да я и не рыцарь.

Дикарь продолжал:

— ... а если у этого рыцаря есть оруженосец, пусть он сядет на круп коня. Стоит только повернуть деревянную ручку у коня на лбу, и он взойдется ввысь и примчит всадников к Маламбруно, который давно их поджидает. Но перед полетом путешникам непременно надо завязать себе глаза. Иначе у них может закружиться голова, и они свалятся на землю. Повязку нельзя снимать до тех пор, пока конь своим ржанием не возвестит седокам, что их воздушное путешествие закончилось.

После этих слов дикари оставили Клавиленью и с большой

учтивостью удалились. А Долорида со слезами на глазах сказала дон Кихоту:

— Доблестный рыцарь, Маламбруно сдержал свое обещание: конь — перед тобой. Наши бороды растут, и все мы молим тебя — избавь нас от них. Для этого тебе стоит только сесть вместе с твоим оруженосцем на этого коня и довериться его волшебной силе.

— Я сделаю это, сеньора графиня Трифальди, с большой охотой и удовольствием: так велико мое желание видеть вас, сеньора, и всех ваших дуэний с чистыми и гладкими лицами.

— А я не сделаю этого, — сказал Санчо, — ни с удовольствием, ни с неудовольствием, — вообще никак. Если, для того чтобы обрить этих дам, необходимо взбираться на круп коня, то пусть мой господин поищет себе другого оруженосца, или эти сеньоры придумают какой-нибудь способ выложить свои лица. Что я, колдун, что ли, чтобы носиться под облаками? Да и что скажут мои островитяне, узнав, что их губернатор летает по воз-

духу! К тому же до Кандайи добрых три тысячи миль. Как же мы вернемся обратно, если наш конь устанет или великан рассердится? Тогда уж никакие острова меня не увидят. Люди подарком говорят: подарили тебе коровку, так беги скорее за веревкой. Так что пусть меня простят бороды этих сеньор, но мне и здесь очень хорошо. В этом доме меня ласкают, а хозяин его посулил мне великую милость — сделать меня губернатором.

На это герцог ответил:

— Друг мой Санчо, вам не хуже меня известно, что всякой прибыльной и важной должности можно добиться только подкупом. Так знайте же, что вы можете купить у меня валию губернаторство не иначе, как отправившись вместе с сеньором дон Кихотом. И, пожалуйста, не беспокойтесь, — вернетесь ли вы сюда на Клавиленьо, или же по воле враждебной судьбы вам придется как пилигриму плестись от одного постоялого двора до другого, — все равно, когда бы вы ни вернулись, остров и губернаторство останутся за вами. Решение же мое неизменно; не сомневайтесь в правдивости моих слов, Санчо, иначе я сочту себя глубоко оскорбленным.

— Ни слова больше, сеньор, я простой оруженосец и никогда не осмелюсь сомневаться в вашем слове, — ответил бедный Санчо. — Пусть мой господин садится верхом; завяжите мне глаза, помолитесь за меня богу, да еще скажите, пожалуйста, могу ли я поручить свою душу господу богу и призывать к себе на помощь ангелов, когда мы будем пролетать по поднебесью.

На это Трифальди ответила:

— Конечно, Санчо, вы можете поручить свою душу богу или кому вам будет угодно. Ведь Маламбруно, хоть и волшебник, а все-таки христианин.

Но тут дон Кихот прервал их разговор, подзвав Санчо к себе.

Он отошел вместе с Санчо в сторону, под деревья, и, схватив его за руки, сказал:

— Ты видишь, братец Санчо, что нам предстоит длинное путешествие. Один бог знает, когда мы вернемся назад и когда ты сможешь спокойно и не торопясь исполнить свое обещание

Душею. Поэтому я бы попросил тебя удалиться сейчас в твою комнату. Скажи, что тебе нужно захватить с собой кой-что на дорогу. А там всыпь себе хотя бы пятьсот горячих. На это потребуется немного времени, а между тем ты бы доставил мне этим большое утешение. Ты знаешь, как важно для меня это дело.

— Нет, ваша милость, — воскликнул Санчо, — это никуда не годится. Сейчас мне придется сесть на голые доски, а ваша милость желает, чтоб я себя бичевал! Ноедемте-ка брить этих дуэний, а когда вернемся, я обещаю вашей милости с величайшей поспешностью исполнить свое обязательство и вполне вас удовлетворить. И довольно об этом.

А дон Кихот ответил:

— Ну, хорошо, добрый Санчо, я удовольствуюсь твоим обещанием и буду верить, что ты его сдержишь.

После этого они направились к Клавиленьо, и дон Кихот, садясь на коня, сказал:

— Завяжи себе глаза, Санчо, и садись; раз за нами посылают из таких далеких стран, то уж не для того, чтобы нас обмануть, ибо постыдно обманывать доверчивых. Даже если это приключение закончится не так, как я думаю, то все же, отваживаясь на такой подвиг, мы приобретаем славу, которую не сможет омрачить никакая злоба на свете.

— Ну, едем, сеньор, — ответил Санчо, — бороды и слезы этих сеньор разрывают мне сердце, и я не смогу проглотить ни одного кусочка, прежде чем они не избавятся от своего уродства. Садитесь вы сперва, ваша милость, и завяжите себе глаза. Я ведь поеду на крупе, и понятно, что тот, кто едет в седле, должен сесть первым.

— Да, ты прав, — ответил дон Кихот.

И, вынув из кармана платок, он попросил Долориду хорошенько завязать ему глаза, а затем легко вскочил на деревянную спину Клавиленьо и схватился за ручку у него на лбу. Стремя на седле не было, и ноги дон Кихота висели в воздухе. Он был похож на всадника, вытканного на каком-нибудь фламандском ковре, изображающем римский триумф.

Санчо взобрался на коня медленно и неохотно и, устроив-

нишь поудобнее на крупе, заявил, что это слишком жесткое сидение. Он спросил герцога, нельзя ли ему получить какую-нибудь подушку или тюфячок, хотя бы из покоя сеньоры герцогини или с кровати одного из пажей. На это Трифальди ответила, что Клавиленьо не потерпит на своей спине никаких подушек и войлоков. В крайнем случае Санчо может сесть по-дамски, и тогда сиденье не будет казаться ему таким твердым. Санчо так и сделал и, попрощавшись со всеми, позволил завязать себе глаза. Когда это было исполнено, он снова снял повязку и трогательно, со слезами на глазах, обратился к присутствующим, прося каждого помочь ему в этом испытании и прочесть «отче наш» и «богородицу».

— Возможно, — прибавил он, — что и они когда-нибудь попадут в такую же беду, и тогда господь пошлет им человека, который за них помолится.

Тут дон Кихот воскликнул:

— Что за негодий! Можно подумать, что ты попал на виселицу или тебе грозит смерть. К чему все эти мольбы? О бессовестное и трусливое создание, ведь ты сидишь там, где покоилась некогда прекрасная Магелона, и если историки не лгут, то с этого коня сошла она не в могилу, а на престол Франции. А разве я, сидящий рядом с тобой, не выдерживаю сравнения с доблестным Пьером, занимавшим то самое место, которое ныне занимаю я? Завяжи себе глаза, малодушное животное. Пусть страх не говорит больше твоими устами, по крайней мере, в моем присутствии.

— Ну, ладно, завязывайте мне глаза, — покорно сказал Санчо, — запрещают мне самому молиться богу, запрещают и другим молиться за меня, а потом удивляются, что я боюсь, как бы нам не повстречался какой-нибудь легион дьяволов да не утащил нас в преисподнюю.

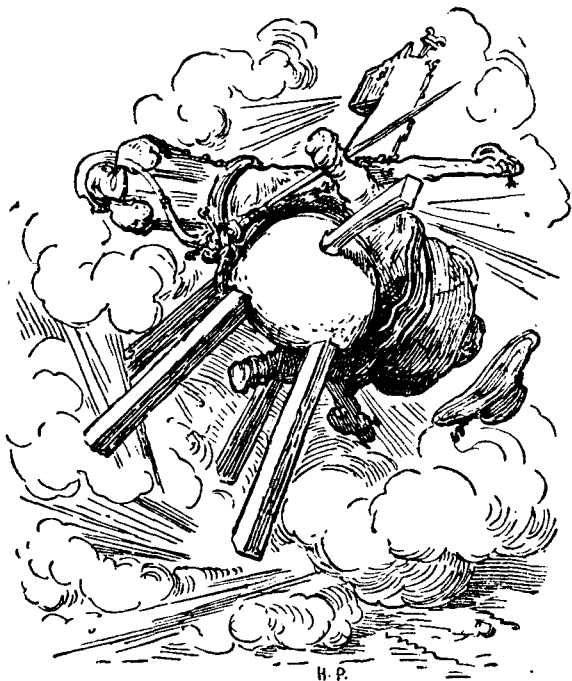
Наконец Санчо завязали глаза, и дон Кихот, убедившись, что все в порядке, повернул ручку. Едва он сделал это, как все дуэньи и остальные присутствующие принялись кричать:

— Ноезжайте с богом, доблестный рыцарь!

— Господь с тобой, бесстрашный оруженосец!

— Вот, вот вы уже взлетели на воздух и мчитесь с быстротою стрелы.

— Держись крепко, отважный Санчо, не качайся. Смотри, не упали, а не то твое падение будет горше падения того дерзновенного юноши, который вздумал править колесницей своего отца — Солнца.⁸⁸

Услышав это, Санчо прижался покрепче к своему господину и, обхватив его руками, сказал:

— Сеньор, как же это они говорят, что мы поднялись высоко в воздух, а между тем их голоса так хорошо слышны, словно они стоят рядом с нами?

— Не забудь, Санчо, что там, где замешано волшебство, происходят самые необычайные вещи. Но не наваливайся на меня так, — ты столкнешь меня с кѡня: право, я не понимаю, чего ты беспокоишься. я готов поклясться, что никогда в жизни не приходилось мне ездить на коне с такой ровной и мягкой по-

ступню. Можно подумать, что мы стоим на месте. Итак, друг мой отгони страх; право же, дело идет на лад, и нас несет попутный ветер.

— Да, это правда, — ответил Санчо, — потому что с одного бока на меня дует такой сильный ветер, как будто там работают тысячи мехов.

Да так оно и было на самом деле. Герцог со своими дворцовыми заранее предусмотрели все подробности этого приключения, и приготовленные мехи были направлены прямо на отваливших путешественников.

— Мы летим, Санчо, с такой быстротой, что скоро попадем в область огня. И я не знаю, что надо сделать, чтобы этот волшебный конь не занесся в такие сферы, где неугасимое пламя испепелит наши бранные тела.

В это время слуги герцога намотали на концы палок куски горячей пакли и начали махать ими перед самым носом путешественников. Санчо, почувствовав жар, воскликнул:

— Убейте меня, если мы уже не попали в область огня. У меня уже обгорела половина бороды. Я хочу развязать себе глаза и посмотреть, где мы находимся.

— Не делай этого, — возразил дон Кихот, — кто знает, какая беда может нас постигнуть, если мы нарушим повеление Маламбруно. Возможно, что мы поднялись на такую высоту лишь для того, чтобы потом сразу низринуться в королевство Кандайское, подобно тому, как сокол или кречет с поднебесья устремляется на цаплю. Хотя нам и кажется, что мы улетели из сада каких-нибудь полчаса назад, но, верь мне, мы совершили уже длиннейший путь.

— Не понимаю я, в чем тут дело, — ответил Санчо, — думаю только, что сеньора Магальянес, или Магелони, была, наверное, но очень чувствительна, раз ей нравилось сидеть на крупе этой лошади.

Герцог, герцогиня и вся свита, едва удерживаясь от душившего их смеха, слушали беседу наших храбрецов. Наконец, чтобы прервать это удивительное путешествие, герцог велел поднести горящую паклю к хвосту Клавиленьо, набитому гремучими

ракетами. Ракеты взорвались, и конь с грохотом подскочил в воздух. Дон Кихот и Санчо, слегка опаленные, упали на землю. Когда они пришли в себя, то с большим удивлением увидели, что находятся в том же саду, откуда выехали, а вокруг них лежат в глубоком обмороке герцог, герцогиня и приближенные; бородатые же дуэны во главе с графиней Трифальди куда-то исчезли. Но их удивление стало еще большим, когда они заметили поблизости воткнутое в землю длинное копьё, к острию которого шнурками из зеленого шелка был привязан белый лохотный пергамент, а на нем большими золотыми буквами было написано:

Прославленный рыцарь дон Кихот Ламанчский блистательно завершил великое дело спасения графини Трифальди. От него требовалось только решиться на этот подвиг. Маламбруно заявляет, что он вполне удовлетворен отвагой доблестного рыцаря. Подбородки дуэний гладки и чисты; королю дон Клавихо и королеве Антономасии возвращены жизнь и свобода. А когда оруженосец закончит свое самобичевание, белая голубка вырвется из когтей диких ястребов, терзающих ее ныне, — так постановил мудрый Мерлин, архиволшебник из всех волшебников.

Прочитав эту надпись, дон Кихот понял, что в ней говорится об освобождении Дульсинеи, и возблагодарил небо, позволившее ему совершить столь великое дело с таким ничтожным риском и возвратить первоначальную гладкость лицам почтенных дуэний. Затем он подошел к герцогу и герцогине, которые все еще лежали в обмороке, и, схватив герцога за руку, сказал:

— Ну же, добрейший сеньор, мужайтесь, мужайтесь, все это пустяки. Приключение уже закончилось и притом с полным успехом, как об этом гласит надпись на пергаменте.

Герцог мало-помалу пришел в себя, словно человек, пробудившийся от глубокого сна. Прочитав надпись, он заключил дон Кихота в объятия и поздравил его с блистательной победой; очнулась и герцогиня и все прочие, лежавшие на земле. Они принялись так искусно выражать ужас и изумление, что можно было подумать, будто все это происшествие было не ловко разы-

гранной шуткой, а самой настоящей правдой. Между тем Санчо все разыскивал Долориду, чтобы посмотреть, какой у нее вид без бороды, и убедиться, действительно ли она красива. Но ему сказали, что в ту самую минуту, когда Клавиленьо, объятый пламенем, грохнулся оземь, весь отряд дуэний вместе с Трифальди исчез, но что все они уже были без всякой щетины, словно их побрил самый опытный цырюльник. Герцогиня спросила Санчо, как он себя чувствовал во время этого длинного путешествия, и Санчо тотчас пустился в рассказы.

— Сеньора, когда мы пролетали по области огня, я осмелился приподнять платок, которым были завязаны мои глаза, и в щелочку поглядеть вниз на землю. Она показалась мне величиною с горчичное зерно, а люди, разгуливавшие по ней, — ростом с орешек. Из этого вы можете заключить, как высоко мы забрались.

На это герцогиня ответила:

— Друг мой Санчо, подумайте, что вы говорите. Ведь если земля показалась вам с горчичное зерно, а каждый человек величиною с орешек, то как же эти люди могли на ней уместиться?

— Вашему высочеству следовало бы смекнуть, — ответил Санчо, — что полет наш был волшебный. Значит, я мог по-волшебному увидеть всю землю и всех людей. Ну, а раз ваша милость этому не верит, то, значит, она не поверит и дальнейшему. Когда я сдвинул с глаз повязку, то увидел, что небо от меня совсем близко, на расстоянии каких-нибудь полутора футов, и, поверьте клятве, оно страх какое громадное. На небе я увидел семь козочек.⁸⁹ А надо вам сказать, что в детстве я был козопасом, и вот мне до того захотелось с ними повозиться, что у меня просто сердце разрывалось на части. Не сказав ни слова моему хозяину, я тихонечко слез с Клавиленьо и почти три четверти часа провозился с козочками, — с цветиками моими, с лисвоями, а Клавиленьо все это время стоял на месте и не сделал ни шага вперед.

— А чем был занят сеньор дон Кихот, пока добрый Санчо возился с козочками? — спросила герцогиня.

На это дон Кихот ответил:

— О себе скажу, что я не поднимал и не опускал повязки и не видел ни неба, ни земли, ни моря. Правда, я чувствовал, что мы пролетали сквозь воздушную сферу и даже приблизились к сфере огня, но я не заметил, чтоб мы останавливались и чтоб Санчо спускался с Клавиленьо. Поэтому я думаю, что он или лжет, или грезит.

— Я не лгу и не грежу, — ответил Санчо, — а не верите, так спросите у меня, как выглядели эти козочки, и вы увидите, что я говорю правду.

— Так опишите их нам, Санчо, — сказала герцогиня.

— Две из них были зеленые, — ответил Санчо, — две красные, две голубые, а одна пестренькая.

— Что за странные козы, — заметил герцог, — в наших земных краях таких разноцветных коз не водится.

— Понятное дело, — ответил Санчо, — ведь должна же быть какая-нибудь разница между козами небесными и земными.

Других вопросов насчет путешествия ему не задавали, так как и без того было ясно, что Санчо способен, не выходя из сада, прогуляться по всему поднебесью и рассказать обо всем, что там происходит. На этом и кончилось приключение с дуэньей Долоридой, над которым герцогская чета много смеялась и про которое Санчо охотно судачил бы целую вечность, если бы удостоился долголетия. Дон Кихот наклонившись к уху Санчо, сказал ему:

— Санчо, если ты хочешь, чтобы мы поверили всему, что ты видел на небе, то ты обязан в свою очередь поверить моим рассказам о пещере Монтесинос. Вот и все, что я хотел тебе сказать.

Глава 49

о том, как дон Бихот напутствовал Санчо Панеу перед тем, как тот отиравился управлять островом.

Приключение с Долоридой так понравилось герцогу и герцогине, что они решили устроить еще несколько забавных шуток над простолушными друзьями. Поэтому на следующий день после полета Клавиленью герцог сказал Санчо, что ему пора вступить в губернаторскую должность, так как островитяне ждут его, не дожидая, словно майского дождика. Санчо отвесил поклон и сказал:

— С тех пор как я с высоты поднебесья посмотрел на землю и увидел, какая она маленькая, мое желание сделаться губернатором несколько остыло. Подумаешь, какая честь владеть горчичным зерном и управлять полдюжиной людей ростом с орешек. Если бы ваша светлейшая милость соблаговолила пожаловать мне малюсенький кусочек неба, ну хотя бы в полмили, я бы принял его с большим удовольствием, чем самый большой остров на свете.

— Друг мой Санчо, — ответил герцог, — я никому не могу подарить кусочка неба, хотя бы величиной с ноготь, ибо только один господь располагает подобными дарами. Я даю вам то, что могу дать, — самый настоящий и подлинный остров, круглый и ровенький, необыкновенно плодородный и изобильный, и если вы сумеете взяться за дело, то вместе с благами земными вы заработаете себе и царство небесное.

— Ну, ладно, остров так остров, — ответил Санчо. — Я постараюсь так губернаторствовать, чтобы душа моя, назло всем мошенникам, отправилась прямо на небо. Ведь я берусь за это не из корысти, не по спеси, не из желания прыгнуть выше собственного носа и пробраться в большие люди, а просто потому, что мне хочется попробовать, каково на вкус это самое губернаторство.

— Если вы только один раз его попробуете, Санчо, — ответил герцог, — то потом вы и язык проглотите вместе с этим куском, ибо ничего нет на свете слаще, чем приказывать и видеть, что вам повинуются. Я не сомневаюсь, что когда ваш господин делается императором, а, судя по всему, этого не долго ждать, то уж никакими силами нельзя будет вырвать у него из рук власть, и в глубине души он будет скорбеть и печалиться, что столько лет прожил не императором.

— Сеньор, — ответил Санчо, — я представляю себе, что командовать всегда приятно, хотя бы даже стадом баранов.

— Нам с вами хоть в одну могилу ложиться, Санчо, — сказал герцог. — Во всем-то вы знаете толк, и я надеюсь, что вы будете управлять так же разумно, как разумно вы рассуждаете. Помните, что завтра же вы отправитесь губернаторствовать, а сегодня вам выдадут подобающую вашему сану одежду

— Пускай меня наряжают, как угодно, — ответил Санчо. Какое бы ни было на мне платье, все равно я останусь Санчо Пансой.

— Совершенно справедливо, — сказал герцог. — по люди обязаны одеваться соответственно своему званию и состоянию. Не подобает юристу одеваться солдатом, а солдату носить мантию священника. Вы, Санчо, будете одеты наполовину ученым и наполовину военным, ибо для управления островом, который я вам пожаловал, науки нужны в такой же мере, как и военное искусство, а военное искусство в такой же мере, как и науки.

— Ну, в науках-то я не силен, — возразил Санчо, — я даже азбуки не знаю, но вы увидите, вана светлость, что это не помешает мне стать хорошим губернатором. Что же касается военного искусства, то если мне дадут оружие, я, с божьей помощью, не выпущу его из рук, пока не упаду.

— Ну, с такими твердыми правилами, Санчо, — ответил герцог, — вы, наверное, никогда не сделаете ни одной ошибки.

В это время вошел дон Кихот. Узнав, что Санчо назначен, наконец, губернатором острова, он взял его за руку и с разрешения герцога увел к себе в комнату, чтобы преподать ему кое-какие наставления. Войдя к себе, он запер дверь и, почти насильно заставив Санчо сесть рядом с собой, начал спокойным голосом:

— Друг мой Санчо! Я возношу благодарность небу за то, что на твою долю выпала великая удача раньше, чем счастье улыбнулось мне. Я возлагал надежды на милость судьбы, чтобы вознаградить тебя за верную службу, и вот теперь — я только начинаю подниматься на вершину, а ты уже до срока и вопреки всем законам здравого смысла видишь желания свои исполненными. Другие люди дают взятки, упраснивают, надоедают, недосыпают, кланчат, упорствуют и ничего не достигают; а ты, не приложив никакого труда, добился такой должности и положения, па которые всегда есть столько охотников. Ты не вставал спозаранку, не проводил бессонных ночей, ни о чем не хлопотал, а между тем стоило только духу странствующего рыцарства повеять над тобой, и, ни с того ни с сего, тебя сделали правителем острова. Говорю я это к тому, о Санчо, чтобы ты не приписывал оказанной тебе милости собственным заслугам. Нет, возблагодари

на нас сперва небо, которое постепенно устраивает все к лучшему, а затем и орден странствующего рыцарства, обладающий такой силой и величием. Заставь же сердце свое поверить тому, что я тебе сказал, о сын мой, а затем внимательно выслушай меня: я желаю быть твоей путеводной звездой, дабы указать тебе путь и провести тебя к безопасной гавани по тому бурному морю, в которое ты собираешься ринуться, ибо высокие должности суть не что иное, как глубокая пучина смятения.

«Прежде всего, о сын мой, ты должен бояться бога, ибо в страхе божием заключена премудрость, а сделавшись мудрым, ты уже не будешь совершать ошибок.

«Во-вторых, старайся познать самого себя, ибо, познав самого себя, ты не будешь кичиться, не станешь надуваться, как лягушка, пожелавшая сравняться с волком, не уподобишься павлину с его пышным хвостом и уродливыми ногами. Никогда не забывай, что ты раньше нас свиней».

— Это правда, — ответил Санчо, — но тогда я был еще мальчишкой, а подросши немного, я стал пасти уже не свиней, а гусей. Однако, по-моему, это не имеет значения, ведь не все же правители королевского рода.

— И то правда, — сказал дон Кихот. — Но человеку незнатного происхождения надлежит при исполнении своей высокой должности проявлять особую снисходительность. Она избавит его от злобной клеветы, от которой трудно бывает уберечься правителю. Не забывай, что ты родился простым крестьянином, не стыдись признаваться в этом, ибо, видя, что ты сам этого не стыдишься, никто не будет стыдить тебя. Старайся быть смиренным праведником, а не надменным грешником. Помни, что не сосчитать людей, которые, родившись жалкими бедняками, достигли высших почестей, сделались папами и императорами. Я мог бы привести этому столько примеров, что ты утомился бы, слушая меня.

«Помни, Санчо: избрав путь добродетели, ты никогда не полюбишь княжеским или королевским преимуществам, ибо добродетель ценится дороже знатности происхождения. Если в то время, когда ты будешь губернатором, к тебе придет кто-нибудь из родственников, не гони его, не обижай, а, напротив, прими

с честью. Когда ты выпишешь к себе жену, — ибо не следует правителю разлучаться надолго со своей супругой, — то поучай и прихаживай ее, смягчи ее природную грубость, ибо часто бывает, что все приобретенное умным губернатором гибнет и пропадает во вине его глупой и невежественной жены. Никогда не позволяй ей вмешиваться в дела правления. Смотри, чтобы она не оказалась удочкой с крючком для ловли рыбки в мутной воде. Ибо истинно говорю тебе: муж ответит на страшном суде за малейшую взятку, принятую у просителя его женой.

«Никогда не руководись законом собственного произвола, ибо ему следуют только невежды, мнящие себя большими умниками.

«Пусть слезы бедняка встретят в тебе больше сострадания, но не меньше справедливости, чем жалобы богатого.

«Доискивайся правды, и да не помешают тебе в этом ни подарки и посулы богача, ни рыдания и мольбы бедного.

«Там, где может и должно иметь место беспристрастие, не подвергай виновного всей строгости закона, ибо слава сурового судьи ничем не лучше славы судьи милостивого.

«Если ты пожелаешь смягчить суровость закона, то сделай это из сострадания к грешнику, а не ради тех даров, которые он тебе пообещает.

«Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу твоего врага, то забудь о своей вражде к нему и думай только о том, на чьей стороне правда.

«Пусть при разбирательстве чужих дел тебя не ослепляет личное пристрастие, иначе ты совершишь ошибки, которые большей частью бывают неисправимыми. Если придет к тебе просить правосудия красивая женщина, отврати глаза от ее слез и слух твой от ее стонов. И со строгим беспристрастием разбери ее просьбу. Иначе разум твой утонет в ее слезах, а твоя добродетель в ее стонах.

«Если тебе придется присудить кого-нибудь к наказанию, не терзай его слуха жестокими словами: для несчастного довольно мук его наказания, и нечего прибавлять к ним еще жестокие речи.

«Смотри на виновного, как на человека несчастного, обуреваемого слабостями, свойственными греховной природе человека,

и будь к нему милостив и сострадателен; помни, что милосердие превыше всех добродетелей.

«Все эти наставления касаются твоей души. А теперь я дам тебе несколько советов, касающихся твоего тела. Прежде всего я советую тебе соблюдать чистоту, вычесывать голову, почаще бриться и стричь ногти, иначе они становятся похожими на черные когти кобчика, питающегося ящерицами. Никогда, Санчо, никому не показывайся в рваной и неряшливой одежде, ибо так делают только ленивые и распушенные люди.

«Если звание твое потребует, чтобы твои слуги носили ливрею, то позаботься, чтобы эти ливреи не были пышными и яркими, и распредели их между слугами и нищими; вместо того чтобы одеть шесть пажей, одень трех нищих и трех пажей, и тогда будут у тебя пажи и на земле и на небе.

«Не ешь ни лука, ни чеснока, чтобы по их запаху не догадались о твоём мужицком происхождении.

«Ходи медленно, говори спокойно, но не так, чтобы казалось, что ты прислушиваешься к собственным речам, ибо всякая напыщенность дурна.

«За обедом ешь мало, за ужином еще меньше, ибо здоровье всего тела куется в кузнице нашего желудка.

«Будь умеренным в питье, — помни, что человек, выпивший лишнее, не хранит тайн и не держит обещаний.

«Ты имеешь обыкновение, Санчо, вставлять в свои речи множество пословиц; избегай этого, ибо, хотя пословицы и заключают зерно мудрости, но ты по большей части приводишь их некстати, и они кажутся не столько мудрыми изречениями, сколько просто вздором».

— Ну, тут уж один бог может мне помочь, — ответил Санчо, — ибо у меня в голове пословиц больше, чем в книжке. Стоит мне заговорить, как все они разом летят ко мне на язык и наперебой норовят выскочить все вместе. Тогда я хватаю первую попавшуюся и уже не думаю о том, кстати она или некстати. Но впредь я постараюсь приводить только те поговорки, которые подобают важности моего сана, ибо в богатом доме на стол собрать недолго, а кто сдает, тот уже не тасует, а кто бьет в набат, сам спит в безопасности, а чтобы давать и иметь, нужна голова на плечах.

— Правильно, Санчо! — воскликнул дон Кихот. — Ну, что ж, нанизывай, вали в кучу свои пословицы, — ведь никто тебя за руку не держит: мать меня наказывает, а я себе знай волчок запускаю! Я тебе говорю, чтобы ты избегал пословиц, а ты в одну минуту наговорил их целый ворох. Заметь, однако, Санчо: я совсем не против пословиц, когда их приводят кстати, но громоздить их, как пошло, — значит делать свою речь несуразной и низменной.

«Слушай же дальше, Санчо, — когда будешь садиться на лошадь, не откидывайся назад всем корпусом, не вытягивай ног, наподобие палок, и не сиди мешком, словно ты едешь на ослике. Помни, что по тому, как ты едешь верхом, легко определить, кто ты: кабальеро или конюх.

«Не спи долго, ибо кто не встает с солнцем, тот не наслаждается прелестью дня, и помни, Санчо, что прилежание есть мать удачи, а леность мешает в достижении желаемого.

«Одежда твоя должна состоять из длинных штанов, длинного камзола и еще более длинного плаща; о шароварах и думать забудь, ибо они не приличествуют ни рыцарям, ни губернаторам.

«Вот пока и все, что мне хотелось тебе сказать, Санчо. Если ты последуешь моим советам, дни твои будут долги, а добрая слава вечной, и счастье будет твоим спутником на земле; ты поженит детей по собственному усмотрению, твои сыновья и внуки будут считаться благородными, ты будешь мирно жить среди расположенных к тебе людей, а когда твоя долгая жизнь придет к концу, ты встретишь смерть в кроткой и зрелой старости, и маленькие нежные ручки твоих правнуков закроют тебе глаза».

— Сеньор, — ответил Санчо, — я прекрасно понимаю, что ваша милость учит меня вещам добрым, святым и полезным, но как они могут мне пригодиться, если я тотчас же их забуду? Правда, советы насчет того, чтобы не отращивать ногтей и быть умеренным в еде, я запомнил, но все прочие штуковины и закорючки мне не удержать в голове. А потому не худо было бы вам написать все это на бумажке и дать мне. Ничего, что я неграмотен, — я передам записку моему духовнику, а он по мере надобности станет вдабливать мне в голову ваши правила.

— Подумай, Санчо! — вскричал дон Кихот. — Какой же ты губернатор, если не знаешь грамоты. Это огромный недостаток, и я хотел бы, чтобы ты, по крайней мере, научился подписывать свое имя.

— Это я умею, — ответил Санчо, — потому что, когда я был старшиной в нашей деревне, меня научили рисовать буквы вроде тех, что ставят на тюках с товарами, и сказали, что так пишется мое имя. Но все это не так уж важно: я всегда могу сказать, что у меня болит правая рука, и велеть другому подписываться за меня. Все на свете поправимо, кроме смерти; в моих руках будет губернаторская палка, и я буду делать все, что мне вздумается; недаром же говорится: коли отец у тебя алькальд, ты сам хозяин... А ведь я буду губернатором — это еще почище алькальда! Пусть-ка чихнут на меня да пеню наложат: придут шерсть, а угодят сами под ножницы; кого бог возлюбит, того он и под клятву найдет; глупые речи богача слынут в свете мудрыми изречениями, а я буду богат, ибо губернаторы всегда приобретают богатство. Стало быть, незачем мне становиться медом, а то меня мухи скушают; «сколько ты имеешь, столько ты и стоишь», как говорила моя бабушка, а с человеком зажиточным никто не связывается.

— Тысяча проклятий! — вскричал, выйдя из себя, дон Кихот. — Чтоб дьяволы побрали тебя вместе с твоими пословицами! Уж целый час ты их плетешь, подвергая меня медленной пытке. Будь уверен, что в один прекрасный день эти поговорки доведут тебя до виселицы, твои вассалы выгонят тебя с острова или же среди них начнется восстание. Ну, скажи, откуда ты их набираешь, невежда? Когда мне хочется привести кстати какую-нибудь пословицу, я тружусь и потею, как землекоп.

— Ей-богу, сеньор, — ответил Санчо, — ваша милость сердится понапрасну! И какого чорта вам неможется оттого, что я пользуюсь собственным достоянием? Ведь, кроме пословиц, никакого другого капитала у меня нет. Вот и в эту минуту лежит мне в голову несколько штук, и все такие подходящие, ладные — ну, прямо, как груши в корзине; однако я их не скажу, потому что умею смолчать во-время.

— Ты ужасный болтун, Санчо, но на этот раз мне бы хотелось знать, какие пословицы пришли тебе в голову и притом так кстати. Я напрягаю свою память, — а она у меня неплохая, и не могу подыскать ни одной.

— Да чего лучше, чем эти, — сказал Санчо: — под зуб мудрости пальца не подкладывай; коли скажут: скатертью дорога, а моей жены не обижай, слова не отвечай; кувшином ли не камню, камнем ли по кувшину — все едино. Пословицы, подходящие к случаю как нельзя более кстати. Это значит: тягаться с губернатором или с другим начальством, все равно, что подсовывать палец под зуб мудрости, тебе же больно будет. Никогда не возражай на слова губернатора, как не отвечаешь, когда тебе говорят скатертью дорога. Что же касается пословицы о кувшине и камне, то смысл ее даже слепому ясен. Итак, кто замечает соломинку в глазу ближнего, обязан и в своем глазу заметить бревно, а не то про него скажут: покойница раненой испугалась; а вашей милости хорошо известно, что дурак у себя дома больше понимает, чем умник, живущий у чужих.

— Неправда, Санчо, — возразил дон Кихот, — дурак ничего не понимает ни в своем, ни в чужом доме по той простой причине, что на основе глупости нельзя построить здания мудрости. Но довольно об этом, Санчо; если ты будешь плохим правителем, вина будет твоя, а стыд — мой. Однако я утешаю себя тем, что исполнил свой долг и дал тебе посильные советы и наставления. Я сдержал свое обещание, и на этом мои обязательства кончаются. Поезжай с богом, Санчо, и да поможет он тебе в трудных делах правления. Пусть рассеются скорее мои тревоги. Боюсь я, как бы ты не полетел с губернаторского места. А между тем я мог бы предотвратить это несчастье, открыв герцогу, что, несмотря на твою толщину и важный вид, ты просто-напросто мешок, набитый пословицами и плутнями.

— Ну, что же, сеньор, — возразил Санчо, — если вашей милости кажется, что я не годюсь в губернаторы, я не приму этой должности. Простым крестьянином, жуящим хлеб с луком, я проживу не хуже всякого губернатора, смакующего каплунов и курдючков. К тому же, когда мы спим, мы все равны: и знатные и незнатные, и богатые и бедные. Скажу только одно: если вы,

мой сеньор, подумаете хорошенько, то вспомните, что сами толкнули меня на губернаторство. Ведь я смыслю в губернаторствах и островах не больше дикого ястреба. Но если вы боитесь, что из-за этого губернаторства дьявол потащит меня в ад, то уж лучше мне оставаться Санчо и попасть в рай. Самая малая частичка моей дунни, величиной с черный край ногтя, для меня дороже всего тела.

— Честное слово, Санчо, — ответил дон Кихот, — то, что ты сейчас сказал, ясно показывает, что ты достоин управлять тысячей островов. У тебя хорошее сердце, а без этого всякая наука бесплодна. Поручи себя милости божьей и постарайся во всяком деле следовать первому побуждению твоего сердца. А теперь пойдем обедать, так как я думаю, что хозяева нас уже ждут.

Глава 50

**о том, как Санчо вступил во владение своим островом
и как он им управлял.**

После обеда дон Кихот, исполняя просьбу Санчо, изложил на бумаге все свои наставления и вручил их новому губернатору. Однако Санчо тотчас же потерял письмо; кто-то из слуг подобрал его и передал герцогу. Тот прочитал герцогине рассуждения дон Кихота, и оба снова подивились уму и безумию нашего рыцаря. Они тут же решили немедленно привести в исполнение свой забавный план и отправить Санчо в сопровождении пышной

свиты в одно селение, предназначенное стать для него островом. Герцог приставил к Санчо своего дворецкого, человека умного и ловкого, того самого, который накануне уморительно разыгрывал роль графини Трифальди. Нельзя было сомневаться, что он сумеет отлично справиться со своей задачей. Но едва Санчо увидел этого дворецкого, он сразу же заметил, что тот очень похож лицом на Трифальди. Обратившись к дон Кихоту, он воскликнул:

— Сеньор, провались я на этом самом месте ко всем чертям, если и вашей милости не придется признать, что лицо у этого дворецкого точь-в-точь как у Долориды.

Дон Кихот пристально посмотрел на дворецкого и затем ответил Санчо:

— Тебе совершенно незачем проваливаться, друг Санчо. У дворецкого действительно лицо дуэньи Долориды. Но это не значит, что дворецкий и есть Долориды. Лучше и не допускать такого предположения. Подумай, куда бы это нас завело. Нам с тобой следовало бы горячо помолиться господу богу, чтобы он избавил нас от злых колдунов и злых волшебников.

На это Санчо ответил:

— Я только что говорил с ним, и мне показалось, что в ушах моих звучит голос Трифальди. Ну, да ладно, — я помолчу, но все же буду держать ухо востро и присматриваться ко всему. Быть может, мои подозрения укрепятся, а может быть, и исчезнут.

— Ты так и сделай, Санчо, — ответил дон Кихот, — и обо всем, что заметишь, сообщай мне, а также пиши мне о всех твоих губернаторских делах.

Наконец Санчо выехал, окруженный многочисленной свитой; на нем был костюм ученого, а поверх широкий плащ из рыжеватого камлота с золотым позументом. На голове у него была надела шапочка из той же материи. Сидел он верхом на муле, а следом за ним, по приказанию герцога, выступал ослик в новенькой шелковой сбруе, обвешанной разными побрякушками. Время от времени Санчо оборачивался, чтобы взглянуть на серого: общество этого верного друга доставляло нашему губернатору такое удовольствие, что он не поменялся бы местом с самим германским императором. Прощаясь с герцогом и герцогиней, он

поцеловал им руки и попросил дон Кихота благословить его. Тот исполнил его просьбу, проливая слезы, а Санчо принял его благословение всхлипывая.

Местечко, которое герцог отдал Санчо в управление, находилось неподалеку от герцогского замка, поэтому губернатор со своей свитой скоро и без всяких приключений прибыл туда. У ворот селения их встрестили местные власти. Тотчас ударили в колокола, собравшиеся жители приветствовали нового губернатора радостными кликами и с большой торжественностью повели его в главную церковь, чтобы там возблагодарить бога. Затем, после различных сменных церемоний, Санчо вручили ключи от города и провозгласили пожизненным губернатором острова Баратарии. Платье, борода и толстый живот нового губернатора удивляли всех, кто не был посвящен в тайну назначения нового губернатора. Из церкви Санчо повели в залу суда, усадили в кресло, и дворецкий герцога сказал:

— Сеньор губернатор, на нашем острове существует древний обычай: тот, кто назначается правителем этого славного острова, обязан ответить на довольно хитрые и запутанные вопросы, которые ему будут заданы. Эти ответы должны показать жителям острова, насколько умен их новый губернатор и надлежит ли им печалиться или радоваться его назначению.

Во время речи дворецкого Санчо разглядывал длинную надпись, начертанную большими буквами на стене против его кресла. Так как он был неграмотен, то спросил, что там написано. Ему ответили:

— Сеньор, надпись эта гласит: «Сегодня, такого-то дня, месяца и года сеньор дон Санчо Панса вступил во владение этим островом. Да сохранит его господь у власти на многие лета».

— А кого это зовут дон Санчо Панса? — спросил Санчо.

— Вас, ваше величество, — ответил дворецкий, — ибо на остров прибыл только один Панса, и он сейчас восседает на этом кресле.

— Так заметьте себе, братец, — возразил Санчо, — что ни я, ни и никто в моем роду никогда не был доном. Меня попросту зовут Санчо Панса, и отец мой звался Санчо, и дед мой звался Санчо, и все они были Панса без всяких этих донов и передонов.

Я подозреваю, что на вашем острове донов больше, чем булыжников. Но довольно об этом; господь меня понимает, и если мне удастся пробыть здесь губернатором хоть несколько дней, я выведу всех этих донов. Должно быть, они здесь кишмя кишат и надоели всем хуже комаров. Ну, что ж, задавайте мне вопросы, сеньор дворецкий, а я буду отвечать на них по моему разумению, на радость или горе моему народу.

В эту минуту в залу суда вошли два человека, — один из них был одет крестьянином, другой — портным; в руках он держал большие ножницы. Портной сказал:

— Сеньор губернатор, мы с этим крестьянином пришли к вашей милости по делу: этот добрый человек явился вчера в мою лавку, протянул мне кусок сукна и спросил: «Сеньор, хватит ли этого сукна мне на колпак?» Я прикинул на глаз и ответил, что хватит. Тогда этот человек, подозревая, что я хочу украсть у него кусок сукна, сказал: «А может быть, и на два хватит?» Я догадался, о чем он думает, и ответил, что хватит. Тогда он, упорствуя в своих оскорбительных подозрениях, продолжал прибавлять колпак за колпаком, а я все соглашался с ним. В конце концов мы поладили с ним на пяти колпаках. Через несколько дней он пришел за ними. Колпаки были готовы, но он не только отказался уплатить мне за работу, но еще требует, чтобы я вернул ему сукно или же уплатил за него.

— Правду ли он говорит, братец? — спросил Санчо.

— Да, сеньор, — ответил крестьянин, — но прикажите ему, ваша милость, показать колпаки, которые он для меня сшил.

— Весьма охотно, — сказал портной и, вынув из-под плаща руку, на каждом пальце которой было надето по колпаку, продолжал: — Вот пять колпачков, которые этот добрый человек мне заказал. Клянусь богом и совестью, что у меня не осталось ни кусочка сукна, и я готов представить свою работу на рассмотрение цеховых представителей.

Забавная выдумка портного заставила всех присутствующих расхохотаться. Санчо подумал с минуту и сказал:

— Вот мой приговор по этому делу: портной не получит платы за шитье, а крестьянин — денег за испорченное сукно; колпачки же отдать заключенным. На том и делу конец.

Присутствующие рассмеялись, но постановление губернатора признали правильным и тотчас же его выполнили. В эту минуту в залу вошли два старика. Один из них важно выступал с толстой тростью в руках. Второй смиренно следовал за ним. Поклонившись Санчо, второй начал так:

— Сеньор губернатор, этому человеку я дал взаймы десять золотых эскудо с тем условием, чтобы он возвратил мне их по первому требованию. Прошло много времени, и я не требовал у него долга, ибо понимал, что если, занимая у меня деньги, он находился в затруднительном положении, то, возвратив их, он попадет в еще более затруднительное. Наконец мне показалось, что он совсем позабыл о своем долге; тогда я решился ему напомнить, а он не только не отдает его, но утверждает, что никогда не брал у меня денег, а если и брал, то давно отдал. Я бы просил вашу милость привести этого человека к присяге: если он присягнет, что отдал мне долг, я готов простить его тут же на месте, пред лицом господа бога.

— Что вы на это скажете, старичок с посохом? — спросил Санчо.

На это старик ответил:

— Сеньор, я признаю, что получил от него эти деньги. Но я давно уже отдал и уплатил ему долг сполна и без всякого обмана. Истец говорит, что он поверит моей клятве, ну что же, я готов поклясться на жезле вашей милости.

Губернатор опустил свой жезл. Тогда старик передал свой посох истцу, прося поддержать его, пока он будет приносить клятву, затем положил руку на крест жезла и заявил, что он действительно брал в долг десять эскудо, но что он их отдал обратно из рук в руки, а займодавец по забывчивости несколько раз требовал у него долг.

— Ну что же ты теперь скажешь? — спросил губернатор истца.

Тот ответил, что считает своего должника честным человеком и добрым христианином. Должно быть, он и вправду позабыл, как и когда ему были возвращены эти десять эскудо. Во всяком случае он больше никогда не будет их требовать.

Должник взял свой посох и, поклонившись, удалился из суда. А Санчо, который все время зорко наблюдал за стариками, склонил голову на грудь, приставил указательный палец правой руки к носу, подумал немного и велел вернуть старика с посохом.

Когда его привели, Санчо посмотрел на него и сказал:

— А ну-ка, добрый человек, дайте мне ваш посох!

— С большим удовольствием, — ответил старик, — вот он, сеньор.

И он отдал посох. Санчо взял его, вручил другому старику и сказал:

— Ну, теперь вам заплачено. Ступайте с богом.

— Как, сеньор! — воскликнул старик. — Да разве эта трость стоит десять золотых эскудо?

— Стоит, — ответил губернатор, — или, клянусь богом, я величайший дурак на свете. Сейчас вы убедитесь, способен ли я управлять целым королевством или нет.

Тут он приказал расколоть трость. Трость сломали, и из нее посыпались золотые монеты. Все были поражены и решили, что губернатор мудр, как царь Соломон. Спросили Санчо, как он мог догадаться, что десять эскудо спрятаны в трости. Санчо охотно объяснил: старик перед принесением клятвы передал трость своему противнику и поклялся, что сполна и без обмана вернул ему долг. А затем, принеся клятву, потребовал свою трость обратно. Заметив это, Санчо догадался, что десять эскудо, из-за которых шел спор, спрятаны в трости.

— Отсюда можно заключить, — прибавил Санчо, — что господь всегда поможет и самому тупоголовому губернатору отыскать правду, если тот будет честен и справедлив. А впрочем, священник нашего села рассказывал мне про один случай вроде этого, а у меня отличная память. Если бы я только не забывал часто того, о чем мне надо вспомнить, то такой памяти, наверное, не сыскалось бы на всем этом острове.

Итак, старики удалились, один — раздосадованный, другой — удовлетворенный. Все присутствующие продолжали выражать глубокое удивление, а писец, которому было поручено записывать речи, поступки и деяния Санчо, не знал, как ему изобразить и описать нового губернатора: глупым или умным.

По окончании суда губернатора повели в роскошный дворец. Там в большом зале Санчо увидел стол, убранный с королевским великолепием. Под тончайшим кружевным покрывалом на нем стояло множество блюд и ваз со всевозможными фруктами и цветами. При появлении Санчо заиграла музыка, четыре пажа поднесли ему воду для омовения рук, и он с большим достоинством проделал эту церемонию. Когда музыка замолкла, Санчо сел за стол на почетное место, а рядом с его креслом стал какой-то человек с палочкой из китового уса в руках. Как оказалось впоследствии, это был доктор. Покрывало сняли, и другой человек, по виду духовное лицо, благословил трапезу. Один из пажей повизгал Санчо кружевную салфетку, а другой подал на первое блюдо с фруктами.⁹⁰ Но не успел Санчо проглотить куска, как доктор прикоснулся своей палочкой к блюду, и его тотчас же унесли прочь; а на его место поставили другое. Санчо собрался было его отведать, но как только он протянул руку, чтобы попробовать кушанье, палочка снова коснулась блюда, и наж унес его столь же проворно, как и блюдо с фруктами. При виде этого Санчо

растерянно обвел глазами присутствующих и спросил, неужели же этот обед следует есть так, как это делается на представлениях фокусника. На это человек с палочкой ответил:

— Нет, сеньор губернатор, на этом острове обедают так же, как это принято и заведено на других островах, управляемых губернаторами. Я доктор, мой сеньор, и приставлен за большое жалованье к особе губернатора. О его здоровье я забочусь больше, чем о своем собственном. Я работаю днем и ночью, изучая коллекцию губернатора, дабы лечить его в случае болезни; но главная моя обязанность — присутствовать при обедах и ужинах, разрешать губернатору есть только то, что мне представляется подходящим, и удалять со стола все, что, по моему мнению, может испортить ему желудок. Вот почему я велел убрать от вас фрукты, ибо в них слишком много влаги, и унести другое кушанье, ибо оно было чересчур остро и приправлено пряностями, что, как известно, возбуждает жажду. А много пить — значит убивать наши жизненные силы.

— В таком случае вот эти жареные куропатки, на вид так вкусно приготовленные, наверное не причинят мне вреда.

На это доктор ответил:

— Сеньор губернатор не прикоснется к этому блюду, пока я жив.

— Почему так? — спросил Санчо.

— Потому, что учитель наш Гиппократ,⁹¹ звезда и светоч медицины, говорит, что всякое объядение вредно, но самое вредное — это объядение куропатками.

— Тогда, сеньор доктор, — сказал Санчо, — вместо того чтобы колотить по блюду палкою, выберите, пожалуйста, из всех кушаний, стоящих на столе, то, которое может принести мне наибольшую пользу и наименьший вред, и позвольте мне его съесть, ибо, клянусь жизнью губернатора, — да продлит мне ее господь бог! — я умираю от голода и, что бы вы там ни говорили, сеньор доктор, и как бы вы ни сердились, но, отнимая у меня обед, вы не только не продлите моей жизни, а просто меня убьете.

— Ваша милость сеньор губернатор совершенно правы, — ответил доктор, — а потому я полагаю, что вашей милости не следует кушать этого рагу из кроликов, ибо оно неудобоваримо.

Вот этой телятины, если бы она не была жареная и тушеная. вы могли бы отведать, но в таком виде, как она есть, — лучше не надо.

Тут Санчо сказал:

— Вот это большое блюдо, откуда поднимается пар; кажется, это — оля подрида,⁹² в нее обычно кладутся самые различные вещи. Так уж наверное мы там отыщем кусочек, который придется мне по вкусу и пойдет на пользу.

— Боже избави! — воскликнул доктор. — Гоните прочь такие опасные мысли: ни одно кушанье на свете не портит так здоровья, как оля подрида. Она хороша для каноников, для ректоров учебных заведений, для крестьянских свадеб, но на столе у губернатора ей не место. Губернатор должен питаться только деликатными и удобоваримыми кушаньями. Нет, если сеньор губернатор желает сохранить и укрепить свое здоровье, то я советую ему съесть сотню трубочек из тонкого теста и несколько тоненьких ломтиков айвы, — эта пища укрепит его желудок и облегчит пищеварение.

Выслушав это, Санчо откинулся на спинку кресла, пристально посмотрел на доктора и строгим голосом спросил, как его зовут и где он учился.

Доктор ответил:

— Сеньор губернатор, меня зовут доктор Педро Ресио де Агуэро; родился я в местечке, именуемом Тиртеафуэра, * направо от дороги из Каракуэля в Альмодовар дель Кампо, а степень доктора медицины я получил в Осунском университете.

Тогда взбешенный Санчо вскричал:

— Так вот что, сеньор доктор Педро Ресио де Маль-Агуэро, родившийся в Тиртеафуэре и удостоенный степени доктора в Осуне, убирайтесь-ка вы отсюда, да поживей! Не то, клянусь солнцем, возьму я в руки дубинку и, начав с вас, вышибу с острова всех докторов. Я говорю о тех, которые покажутся мне невеждами. Врачей же мудрых, опытных и ученых я буду беречь

* По-испански *resio* (ресио) значит суровый; *aguero* — примета; *mal aguero* — дурная примета; *tirte afuera* — отправляйся на тот свет.

как зеницу ока и чтить как величайших благодетелей. Итак, убирайтесь-ка отсюда, Педро Ресно, а не то я схвачу вот это самое кресло, на котором сижу, и разобью его о вашу голову. А если меня притянут к ответу, то я заявлю в свое оправдание, что сделал угодное богу дело, убив негодного доктора, палача своих сограждан. А теперь дайте мне поесть или отберите от меня губернаторство, ибо должность, которая не может прокормить того, кто ее несет, не стоит и двух бобов!

Увидев, как разгневался губернатор, доктор смутился и собрался дать тягу, как вдруг на улице послышался звук почтового рожка. Дворецкий глянул в окно и, подойдя к Санчо, сказал:

— Прибыл гонец от сеньора герцога; должно быть, с каким-нибудь важным поручением.

Вошел гонец, запыхавшийся и потный, и, вынув из-за пазухи письмо, вручил его губернатору. Санчо передал его дворецкому и велел прочитать адрес. Адрес гласил:

«Дону Санчо Пансе, губернатору острова Баратарии, в собственные руки или в руки его секретаря».

Услышав это, Санчо спросил:

— Кто здесь мой секретарь?

Тогда один из присутствующих ответил:

— Я, сеньор, потому что я умею читать и писать.

— В таком случае, — ответил Санчо, — вы можете быть секретарем у самого императора. Распечатайте письмо и прочтите, что там написано.

Новоиспеченный секретарь исполнил поручение и, прочитав письмо, заявил, что содержание его совершенно секретно. Тогда Санчо, удержав при себе только майордома и дворецкого, приказал очистить залу. Когда все остальные, в том числе и доктор, удалились, секретарь прочел письмо герцога:

Сеньор дон Санчо Панса, до сведения моего дошло, что враги мои и ваши в одну из ближайших ночей готовят яростное нападение на наш остров. Поэтому бодрствуйте и ждите, чтобы они не застали вас врасплох. Кроме того через надежных шпионов я узнал, что четыре переодетых злоумышленника проникли на ваш остров, намереваясь лишить вас жизни, ибо

мудрость ваша внушает им опасения. Глядите в оба, опасайтесь отравы, отказывайтесь от всех кушаний, которые вам предлагают. Если вам будет угрожать опасность, я не замедлю прийти к вам на помощь.

Дано в нашем замке, августа шестнадцатого дня, в четыре часа утра.

Ваш друг

Герцог.

Санчо был поражен, приближенные тоже притворились удивленными. Помолчав немного, Санчо обратился к майордому и сказал:

— Мне кажется, самый опасный человек здесь — доктор Ресно; он придумал для меня жестокую гибель — голодную смерть.

— И все же, — возразил дворецкий, — я бы посоветовал вашей милости не прикасаться к кушаньям, поставленным перед вами на столе, ибо стрипали их монахини, а пословица говорит: за крестом-то черти и воляются.

— Я с вами не спорю, — ответил Санчо, — но дайте мне хотя бы краюху хлеба и фунта четыре винограда. Здесь уж нечего опасаться отравы, а без еды я, право, никак не могу обойтись. К тому же нам надо приготовиться к защите, а для этого прежде всего необходимо хорошенько подкрепиться, ибо храбрость зависит от желудка, а не желудок от храбрости. А вы, секретарь, ответьте сеньору моему герцогу, что все его приказания будут исполнены точно и без упущений, и передайте сеньоре моей герцогине, что я целую ей руку, а заодно уж припишите, что я целую руку и сеньору моему дон Кихоту, дабы он не подумал, что я неблагодарен. Дальше как хороший секретарь вы можете от себя прибавить все, что вам придет в голову и покажется уместным. Ну, а теперь уберите-ка со стола и дайте мне поесть, и если какие-нибудь шпионы, убийцы и волшебники нападут на меня или на мой остров, я сумею с ними справиться.

В это время в зале снова появился доктор Педро Ресно и заявил Санчо, что, испугавшись его гнева, он нарушит все медицинские предписания и разрешит ему вечером поужинать. Губернатор этим удовлетворился и с большим нетерпением стал дожидаться наступления вечера и часа ужина. Наконец насту-

пил желанный час: на ужин ему подали тушеную говядину с луком и вареные ножки довольно-таки старого теленка. Санчо принялся их уплетать с таким аппетитом, как будто это были миланские тетерки, римские фазаны, соррентская телятина, моронские куропатки или лавахосские гуси. Посреди ужина он обратился к доктору и сказал:

— Послушайте, сеньор доктор, на будущее время, пожалуйста, не старайтесь угощать меня тонкими блюдами и изысканными яствами; вы этим только испортите мне желудок. Я привык питаться козлятиной, говядиной, салом, солониной, репой и луком, а если вы станете набивать мой желудок разными придворными кушаньями, то он примет их с неудовольствием, а то и просто с омерзением. Лучше всего, если мне будут каждый день готовить олюю подриду, которая тем вкуснее, чем больше в ней всякой всячины; но издеваться над собой я никому здесь не позволю. Итак, давайте жить и есть в мире и дружбе, ибо, когда господь посылает утро, оно для всех настает. Я буду так управлять этим островом, чтобы и податей не терять и взяток не брать, а вы все глядите в оба и ухо держите востро. Иначе я покажу вам такие чудеса, каких вы еще не видывали.

— Честное слово, сеньор губернатор, — сказал дворецкий, — ваша милость говорит совершенно правильно. От имени всех островитян этого острова обещаю вам, что все они будут служить вашей милости усердно, с любовью и доброжелательством. Вы с самого начала показали себя столь милостивым правителем, что им и в голову не придет помыслить или сделать что-либо негодное вашей милости.

— Еще бы, — ответил Санчо, — иначе они оказались бы просто дураками. Но, повторяю, позаботьтесь об еде для меня и для моего серого: из всех дел это самое важное и неотложное. А с наступлением ночи мы совершим обход острова, ибо у меня есть намерение очистить его от всякой нечисти, вроде бродяг, праздношатающихся и беспутных людей. Следует вам знать, друзья мои, что ленивые и праздные люди в государстве подобны трутням в улье, пожирающим мед пчел-работниц. Я собираюсь покровительствовать крестьянам, обеспечивать права пдальго, вознаграждать добродетельных, а в особенности поддерживать

уважение к религии и почтение к духовным особам. Ну, что вы на это скажете, друзья, — дело я говорю или несу вздор?

— Вы так говорите, ваша милость сеньор губернатор, — ответил майордом, — что я диву даюсь, как может совсем неученый человек, — а ведь, насколько мне известно, ваша милость неграмотны, — додуматься до таких мудрых мыслей и поучений. Понимаете, кто вас сюда послал, ни сами мы, явившиеся к вам, не ожидали от вашей милости таких способностей. Живя на свете, каждый день узнаешь что-нибудь новое: шутки превращаются в серьезные вещи, а насмешники сами оказываются осмеянными.

Итак, с наступлением темноты, губернатор в сопровождении майордома, секретаря, дворецкого и историографа, на которого были возложены обязанности передать потомству деяния Санчо, предприняли ночную прогулку по острову. За ними следовало столько писцов и альгвасилов, что из них можно было бы составить небольшой военный отряд. Санчо бодро шел посредине, со своим жезлом в руке. На него любо было смотреть. Они миновали уже несколько улий, как вдруг до их слуха донеслось бряцание шпаг. Все бросились в ту сторону, откуда раздавался этот шум. Пробежав несколько шагов, они наткнулись на двух неизвестных, дравшихся на шпагах. Заметив блюстителей порядка, противники остановились, и один из них воскликнул:

— Во имя бога и короля! Да как же это возможно, чтобы в селении грабили на глазах у всех и нападали на прохожих прямо посредине улицы?

— Успокойтесь, добрый человек, — сказал Санчо, — и расскажите мне, из-за чего у вас произошла ссора; я — губернатор.

Тогда второй противник сказал:

— Сеньор губернатор, я постараюсь кратко изложить вам дело. Да будет известно вашей милости, что этот молодчик только что выиграл в кости более тысячи реалов. При помощи каких хитростей это ему удалось, один бог знает. Я был свидетелем игры и не один сомнительный удар присудил в его пользу, хотя совесть упрекала меня за это. Наконец игра кончилась, и он собрал свой выигрыш. Я ожидал, что он уделит мне что-нибудь из своего выигрыша, но он сунул деньги в карман и вышел на улицу. В досаде я пошел за ним и вежливо и мягко попросил

дать мне хотя бы восемь реалов. Он знает, что я человек честный и не имею ни должности, ни доходов, ибо родители мои ничему меня не учили и ничего мне не оставили. Но этот мошенник раскошелился только на четыре реала. Вы только подумайте, сеньор губернатор, какое бесстыдство и какая бессовестность! Честное слово, ваша милость, если бы вы не подросли, я бы этот выгрызы вырвал у него силой.

— Что вы на это скажете? — спросил Санчо игрока.

Игрок ответил, что вымогатель говорит сущую правду, что он действительно не хотел давать ему больше четырех реалов, так как тот чуть не каждый день выпрашивает у него подачки. А кто кормится подачками, тот должен быть вежливым и брать, что дают, а не торговаться со счастливым игроком.

— Вот если бы я в самом деле был шулером, — прибавил игрок, — ну тогда мне пришлось бы расщедриться, ибо шулеры должны давать большие взятки всяким прощелыгам, которым известно их ремесло. Но раз я даю немного, это доказывает мою честность в игре.

— Правильно, — сказал майордом. — Сеньор губернатор, какие будут распоряжения вашей милости насчет этих двух молодцов?

— Распоряжения мои будут такие, — ответил Санчо: — вы, сеньор игрок, отдадите немедленно этому забияке сто реалов и пожертвуете сверх того тридцать реалов в пользу заключенных. Вы же, не имеющий ни должности, ни бенефиции, берите-ка поскорее сто реалов и не позже завтрашнего дня отправляйтесь в изгнание на десять лет. Бездельникам не место на нашем острове, и если вы попробуете вернуться сюда, я вздерну вас на виселицу либо сам, либо с помощью здешнего палача. Не возражайте мне ни слова, ибо рука у меня тяжелая.

Первый из противников вынул деньги, второй их взял, один отправился в изгнание, другой — к себе домой, а губернатор воскликнул:

— Или моя власть гроша ломаного не стоит, или я закрою все эти игорные дома, так как мне сдается, что от них большой вред.

В эту минуту к ним подошел полицейский и подвел к Санчо какого-то юношу.

— Сеньор губернатор, — сказал он, — этот молодчик шел нам навстречу, но как только заметил полицию, тотчас же повернул назад и пустился бежать, как олень. Это очень подозрительно. Я погнался за ним, но мне, навсрное, не удалось бы его схватить, если бы он не споткнулся и не упал.

— Ты почему убегал, приятель? — спросил Санчо.

На это юноша ответил:

— А потому, что полиция очень уж много спрашивает, а мне не хотелось отвечать.

— А чем ты занимаешься?

— Я ткач.

— Что же ты ткешь?

— С милостивого разрешения вашей чести, наконецники для копий.

— Э, да ты балагур? В краснобан записался? Ну, ладно. А куда это ты сейчас шел?

— Проветриться.

— А где же это у вас на острове проветриваются?

— А где ветер дует.

— Хорошо, ты складно отвечаешь! Видно, что ты малый с головой: так вот, представь себе, что я и есть ветер и дую тебе прямо в спину и гоню тебя прямо в тюрьму. Эй, вы! Возьмите его и отведите в тюрьму. Пускай переспит там ночь, довольно ему проветриваться.

— Ей-богу, ваша милость, — возразил юноша, — вам будет легче сделать меня королем, чем заставить спать в тюрьме.

— А почему же я не могу заставить тебя спать в тюрьме? — спросил Санчо. — Разве я не властен засадить тебя в тюрьму или отпустить на волю, как это мне заблагорассудится?

— Как ни велика власть вашей милости, — ответил юноша, — а все-таки заставить меня спать в тюрьме вы не в силах.

— Как не в силах? — вскричал Санчо. — Отведите его туда, и пускай он на деле убедится в своем заблуждении. Да скажите алькальду, что я его оштрафую на две тысячи дукатов, если он отпустит этого парня из тюрьмы.

— Я все же стою на своем, ваша милость, — повторил юноша: — ни один человек на свете не заставит меня спать в тюрьме.

— Не понимаю, что ты болтаешь. Или ты думаешь, что у тебя за спиной стоит ангел, который выведет тебя из тюрьмы и разобьет кандалы, которые я прикажу на тебя надеть?

— Сеньор губернатор, — шутливо сказал тот, — давайте рассуждать толком. Предположим, что ваша милость прикажет отвести меня в тюрьму, заковать в кандалы п цепи и посадить в глубокую яму. Предположим далее, что алькальд пригрозит суровым наказанием в случае, если он меня выпустит, и что алькальд исполнит в точности ваши приказания. И тем не менее, если я пожелаю не спать, а бодрствовать всю ночь, не смыкая глаз, то можете ли вы, ваша милость, со всей вашей властью заставить меня заснуть, если мне не захочется?

— Ну, конечно, нет, — ответил секретарь, — молодчик ловко это придумал.

— Следовательно, — спросил Санчо, — ты не заснул бы только ради собственной прихоти, а не для того, чтобы мне перечить?

— Конечно, сеньор, — ответил неизвестный юноша, — ничего другого мне и в голову не приходило.

— Ну, тогда ступай себе с богом, — сказал Санчо, — иди спать домой, и пошли тебе господь приятных снов. Я и не собираюсь нарушать твой покой. Однако советую тебе на будущее время не шутить с правосудием, а то может случиться, что в другой раз за свои шуточки ты получишь по башке.

Отпустив незнакомца, губернатор решил закончить на этом свой обход. А два дня спустя кончилось и самое губернаторство, и рухнули все планы дальнейших преобразований и улучшений, которые задумывал Санчо Панса.

Глава 51,

**в которой рассказывается о том, как паж герцогини
отвозил письмо жене Санчо Пансы Тересе Пансе.**

В то время как Санчо Панса губернаторствовал на острове Баратарии, герцогиня отправила к его жене Тересе Пансе с письмом от ее мужа и своим собственным письмом того самого пажа, который так искусно исполнил роль Дульсинен в комедии, разыгранной в лесу. К письму она присоединила подарок — большую нитку прекрасных кораллов.

Бойкий паж, рассчитывая заслужить милость господ, с охотой взялся за это поручение и, не мешкая, отправился в деревню Санчо. Подъезжая к деревне, он увидел много женщин, стирав-

них в ручье белье, и спросил их, где живет Тереса Панса, жена некоего Санчо Пансы, оруженосца рыцаря, именующегося дон Кихотом Ламанчским. Услышав эти слова, одна из девушек, стиравших белье, поднялась и ответила:

— Тереса Панса — моя мать, Санчо Панса — сеньор мой батюшка, а рыцарь, про которого вы говорите, — наш хозяин.

— Ну, тогда подойдите ко мне, девушка, — ответил паж, — и проводите меня к вашей матушке, так как я привез ей письмо и подарок от вашего батюшки.

— С большим удовольствием, мой сеньор, — отвечала девушка, которой по виду можно было дать лет четырнадцать.

И, оставив белье на попечении одной из подруг, она, как была, босая и растрепанная, одним прыжком очутилась перед лошадью пажка и сказала:

— Поезжайте прямо, ваша милость. Наш дом у самого въезда в деревню, а матушка моя горько тужит, так как уже давно не получает весточки от моего сеньора батюшки.

— Зато я привез ей такие добрые вести, — ответил паж, — что ей будет за что поблагодарить господа бога.

Девочка, прыгая и подсакивая, добежала до дому и, еще на пороге, закричала:

— Выходите, матушка Тереса, выходите, выходите, к нам приехал какой-то сеньор с письмами и разными вещами от моего доброго батюшки.

На крик ее из дома выскочила матушка Тереса Панса. На ней была серая юбка, корсаж серого цвета и рубашка. Это была крепкая, прямая, жилистая и смуглая женщина лет сорока. Увидев дочь и пажка, она спросила:

— В чем дело, дочь моя, кто этот сеньор?

— Я покорный слуга госпожи моей доньи Тересы Пансы, — отвечал паж.

С этими словами он соскочил с коня и весьма почтительно опустился на колени перед сеньорой Тересой.

— Позвольте мне вашу руку, сеньора донья Тереса, — продолжал он, — я приветствую вашу милость как законную супругу сеньора доня Санчо Пансы, полномочного губернатора острова Баратарии.

— Ах, сеньор мой, полноте! Что это вы делаете? — ответила Тереса. — Я не какая-нибудь придворная дама, а бедная крестьянка, жена странствующего оруженосца, а вовсе не губернатора.

— Нет, ваша милость, — сказал паж, — вы достойнейшая супруга архидостойнейшего губернатора. Чтобы убедиться в правде моих слов, примите, ваша милость, письма и подарок.

Тут он вытащил из кармана нитку кораллов с золотыми шариками и, налев ей на шею, продолжал:

— Вот вам письма от сеньора губернатора и от моей госпожи герцогини, которая послала меня к вам и просила передать вам эти кораллы.

Тереса с дочерью остолбенели от изумления. Наконец девочка сказала:

— Убейте меня на этом месте, если все это не дело нашего хозяина, сеньора дон Кихота. Наверное, он подарил моему батюшке губернаторство или графство, которые столько раз обещал ему.

— Совершенно верно, — ответил паж. — Благодаря заслугам сеньора дон Кихота, сеньор Санчо в настоящее время состоит губернатором острова Баратарии.

— Пожалуйста, прочтите письмо вслух, ваша милость сеньор дворянин, — сказала Тереса, — потому что, хоть пряхсть я мастерица, но читать нисколючко не умею.

— И я тоже не умею, — прибавила Санчика, — но подождите, я пойду позову кого-нибудь, кто разумеет грамоту, — священника или бакалавра Самсона Карраско. Они охотно придут сюда, чтобы узнать новости о батюшке.

— Незачем их звать, — ответил паж, — я хоть и не умею пряхсть, но читать умею и прочту вам письмо.

Тут он прочитал письмо от Санчо Пансы, которое, как помнит читатель, было приведено выше.

Прочитав его, паж вынул из кармана письмо герцогини. Вот что писала она Тересе Пансе:

Друг мой Тереса, отменная честность и ум вашего мужа Санчо побудили и заставили меня просить моего мужа герцога пожаловать ему в управление один из многочисленных остро-

вов, которыми мой супруг владеет. Нам сообщают, что Панса управляет этим островом, как орел. Поэтому и я и, самою собою разумеется, мой супруг герцог премного им довольны. Я возношу великие благодарения небу за то, что не ошиблась, выбрав такого правителя; ибо следует вам знать, сеньора Тереса, что найти хорошего губернатора очень и очень трудно, а между тем дай мне бог сделаться такой же хорошей, каким горошним оказался Санчо в своем правлении.

Я посылаю вам, дорогая моя, нитку кораллов с золотыми шариками и была бы счастлива подарить вам не кораллы, а перлы Востока. Вспомним, однако, пословицу: кто тебе бросил кость, тот твоей смерти не ищет. Надеюсь, что со временем мы познакомимся и подружимся с вами, и одному богу известно, что еще может случиться. Передайте мой привет вашей дочери Санчике и скажите ей от моего имени, что я подыщу ей знатного жениха, когда она менее всего будет этого ожидать.

Я слышала, что в ваших краях много крупных желудей. Пришлите их мне дюжины две; собранные вашими руками, они будут мне особенно приятны. Напишите мне подробно, как ваше здоровье и как вы поживаете, а если у вас есть в чем-нибудь нужда, скажите только слово, и всякое ваше желание будет исполнено. Да хранит вас бог.

Дано в моем поместье.

Любящий вас друг

Герцогиня.

— Ах! — вскричала Тереса, прослушав это письмо, — какая добрая, простая и совсем не гордая сеньора. С такой сеньорой хоть в одну могилу ложись. Это тебе не жены идальго из нашей деревни, воображающие, что раз они дворянки, так и ветер на них не дуй: ходят в церковь с такими церемониями, что и самой королеве подстать, а на крестьянку даже и не взглянут, почитая это для себя позором. Эта же добрая сеньора, хоть и герцогиня, а называет меня в письме своим другом и обращается со мной, как с ровней. Дай бог ей возвыситься и сравняться со самой высокой колокольней во всей Ламанче. Что же касается

желудей, сеньор мой, то я пошлю ее светлости целую меру, да таких крупных, что все будут приходить на них смотреть и диву даваться. Ну, а теперь, Санчика, похлопочи о том, чтобы угостить этого сеньора. Принеси из хлева яичек, нарежь побольше сала и накорми его по-княжески. Он и собой хорош, и вести привез добрые, — словом, заслужил угощение. Да позаботься о его коне. А я тем временем сбегая к соседкам и расскажу им о нашей радости, да зайду к отцу священнику и цырюльнику, мастеру Николасу, — ведь они всегда были сердечно расположены к твоему батюшке.

— Все исполню, матушка, — ответила Санчика, — но только смотрите, отдайте мне половину этого ожерелья. Я ни за что не поверю, что сеньора герцогиня такая безголовая, что все ожерелье послала вам одной.

— Все оно будет твоим, — сказала Тереса, — только дай мне поносить его несколько дней. Право же, у меня при виде его сердце радуется.

— А как вы обрадуетесь, когда увидите еще один подарок, который я вам привез, — сказал паж. — Это костюм из тончайшего зеленого сукна, — сеньор губернатор посылает его дочери своей Санчике.

— Дай бог, чтобы он мне служил тысячу лет! — воскликнула Санчика. — Да и тому, кто привез его, желаю тысячу лет жизни, а если мало, так и две тысячи.

Между тем Тереса с письмами в руках и с ожерельем на шее побежала по улице, барабаня пальцами по письмам, как по бубну, и, повстречавшись случайно со священником и Самсоном Карраско, принялась приплясывать и приговаривать:

— Да-с, теперь родня у нас не бедная — мы теперь губернаторствуем. Не верите мне, так приведите сюда самую что ни на есть первую дворянку, — я ей покажу, где ее место.

— Что случилось, Тереса Панса? Отчего вы так радуетесь и что это за бумаги?

— Радуюсь я потому, что держу в руках письма от герцогинь и губернаторов, а на шее у меня настоящее коралловое ожерелье с золотыми шариками, и сама я — губерния торша.

— Что вы говорите, Тереса! Никто, кроме всевышнего, не в силах вас понять.

— А вот, посмотрите сами, — ответила Тереса и протянула им письма.

Священник прочитал их вслух. Затем Самсон и священник в недоумении переглянулись, и бакалавр спросил, кто привез эти письма. Священник снял с ее шеи кораллы, осмотрел их со всех сторон и, убедившись, что они настоящие, изумился еще больше и сказал:

— Клянусь саном, который ношу, не знаю, что и думать об этих письмах и подарках. Я вижу и осязаю настоящие кораллы, а в то же время читаю, что какая-то герцогиня просит прислать ей две дюжины желудей.

— А ну-ка пойдем посмотрим на того, кто привез эти письма; быть может, он разрешит все наши сомнения.

Так они и сделали, и Тереса вернулась домой. Паж был занят тем, что просеивал ячмень для своей лошади, а Санчика резала сало, чтобы угостить гонца. Наружность и изящный наряд пажа им очень понравились. Обменявшись с гостем учтивым поклоном, Самсон попросил его сообщить им новости о дон Кихоте и Санчо Пансе, прибавив, что они уже прочитали письма Санчо и сеньоры герцогини, по все же никак не могут понять, на каком острове Санчо губернаторствует. На это паж ответил:

— Что сеньор Санчо Панса губернатор, это так же верно, как то, что эта дама его жена. Но чем он управляет — островом или не островом — об этом не берусь судить; довольно и того, что это селение насчитывает более тысячи человек. Что же касается желудей, то госпожа моя герцогиня совсем не гордая и очень проста в обхождении, ей ничего не стоит попросить у крестьянки прислать ей желудей.

Беседа их была прервана в эту минуту появлением Санчики, принесшей в подоле яйца:

— Скажите мне, сеньор, — обратилась она к пажу, — с тех пор как мой батюшка сделался губернатором, он, чего доброго, носит длинные штаны?

— Я не обратил на это внимания, — ответил паж, — но, наверное, он носит длинные.

— Ах, господи боже! — воскликнула Санчика. — Как бы я хотела его увидеть в таком наряде! Разве не удивительно, что у меня еще с детства было желание увидеть моего батюшку в длинных штанах?

— И увидите, ваша милость, — ответил паж, — будете живы — увидите. Клянусь честью, если его губернаторство протянется еще два месяца — вы увидите вашего батюшку не только в длинных штанах, но и в дорожной шапке.

Священник и бакалавр отлично поняли, что паж подтрунивает над Санчикой, но их сбивало с толку, что кораллы были настоящие и что Санчо прислал охотничий костюм, который Тереса уже успела показать им. Они посмеялись над желанием Санчики, но еще больше рассмешили их слова Тересы, когда она сказала:

— Сеньор священник, разузнайте, пожалуйста, не едет ли кто-нибудь из нашей деревни в Мадрид или в Толедо: я поручу ему купить мне настоящие круглые фижмы, самые модные. Право слово, я желаю соблюдать честь моего супруга-губернатора, насколько у меня хватит сил; возможно также, что деревенская жизнь так опротивеет мне, что я поеду ко двору и заведу себе карету. Ведь у кого муж в губернаторах, тому разрешается иметь карету.

— Ну, конечно, матушка, — сказала Санчика, — и дай бог, чтобы это случилось не завтра, а сегодня. Я буду восседать с госпожей моей матушкой в карете, и пускай себе соседки говорят: «вы посмотрите только, как эта мужичка развалилась в карете, словно графиня». Пускай их шлепают себе по грязи, а я буду разъезжать в карете. А все злые языки на свете пусть пропадут и сквозь землю провалятся. Лишь бы мне было тепло, а там пускай себе люди смеются. Ну что, разве я плохо говорю, матушка?

— Нет, дочка, ты отлично говоришь, — ответила Тереса, — и мой добрый Санчо предсказал мне это; ты увидишь, дочка, что я стану графиней. Главное — это ступить на счастливую дорожку. Твой добрый отец, которого можно назвать также отцом всех поговорок, не раз мне говаривал: «дают тебе коровку — беги за веревкой», значит, дают губернаторство — бери его,

дают графство — хватай, предлагают хороший подарочек — прячь его в карман. А коли ты лентяй, так спи себе и не отвечай, когда счастье и удача стучатся в ворота твоего дома.

— Да и какое мне дело до того, что станут болтать люди, когда я выряжусь по последней моде? — прибавила Санчика. — Есть же пословица: обрядили пса в посконные штаны, никакие псу собаки не нужны.

Услышав это, священник сказал:

— Я начинаю думать, что в роду Панса все рождаются на свет с мешком пословиц: я не видел ни одного в их семействе, который не сыпал бы поговорками в любой час при любом разговоре.

— Совершенно верно, — ответил паж, — сеньор губернатор Санчо тоже говорит пословицами. И хотя не все они прихodyтятся кстати, но мои господа, герцог и герцогиня, очень их хвалят.

— Итак, ваша милость сеньор, — воскликнул бакалавр, — вы продолжаете утверждать, что Санчо в самом деле губернатор и что на свете действительно существует герцогиня, которая пишет его жене и посылает ей подарки? Эти подарки и письма перед нами, но все-таки мы отказываемся верить и полагаем, что это одно из чудесных приключений нашего земляка дон Кихота. Недаром же он считает, что все в его жизни совершается не иначе, как по волшебству. Вот почему, говоря откровенно, я готов оцупать руками вашу милость, чтобы выяснить, кто вы такой: призрак или человек из мяса и костей.

— Сеньоры, — ответил паж, — я могу только сказать, что я настоящий посол и что сеньор Санчо Панса — подлинно губернатор, что мои господа, герцог и герцогиня, могли пожаловать и пожаловали ему губернаторство и что, по слухам, Санчо Панса превосходно справляется со своим делом. Волшебство это или нет, уж вы рассудите сами, а я вам рассказал все, что мне известно, — клянусь в этом жизнью моих родителей, которых я горячо люблю и уважаю. А если вы мне не верите, так пусть кто-нибудь из вас поедет со мной, и тогда глаза его увидят то, чему не доверяют уши.

— Давайте я поеду с вами, — попросила Санчика. — Посадите меня, ваша милость сеньор мой, на круп вашей лошади, и я с большим удовольствием поеду повидаться с сеньором батюшкой.

— Дочерям губернаторов не полагается разъезжать по дорогам в одиночестве, без кареты, носилок и большой толпы слуг.

— А мне, ей-богу, все равно, как ехать, на ослице или в карете, — ответила Санчика, — вот уж я, действительно, непривередлива.

— Замолчи, дочка, — перебила ее Тереса, — ты сама не знаешь, что говоришь. Этот сеньор вполне прав: другие времена, другие нравы. Когда твой отец был просто Санчо — ты была просто Санчика, а теперь он губернатор и ты — сеньора. Кажется, я говорю дело.

— Сеньора Тереса говорит лучше, чем сама думает, — ответил паж. — Ну, а теперь дайте мне поесть и отпустите меня поскорей, так как я хотел бы уехать обратно еще засветло.

На это священник сказал:

— Пожалуйте ко мне, ваша милость, — разделить мою скудную трапезу, ибо у сеньоры Тересы, при всем ее добром желании, не найдется чем угостить столь дорогого гостя.

Паж долго отказывался, но в конце концов согласился, и священник с большой радостью повел его к себе, рассчитывая поподробнее расспросить о дон Кихоте и его подвигах.

А бакалавр предложил Тересе написать за нее ответ на полученные письма. Но она не пожелала, чтобы бакалавр вмешивался в ее дела, так как считала его насмешником, и предпочла подарить хлебец и два яйца грамотному церковному, службе, который и написал ей письма.

Между тем паж, подкрепив свои силы и наговорившись досыта со священником о делах дон Кихота и его верного оруженосца Санчо Пансы, вернулся в дом Тересы. Он торопился поскорее отправиться к своим господам с письмами и рассказами о виденном и слышанном в деревне дон Кихота и Санчо. Поэтому, захватив оба письма и подарок Тересы — мешок желудей, — посланец поспешил домой. Его прибытие весьма обрадовало герцога и герцогиню, которые весело проводили время в обществе дон Кихота и своей многочисленной свиты. Увидав пажа, они тотчас же принялись расспрашивать его, но паж ответил, что он затрудняется рассказывать при посторонних и просит выслушать его наедине. А пока пусть их светлости по-

забавятся письмами Тересы; с этими словами он вынул два письма и передал их в руки герцогини. На одном из них было написано: «Письмо к сеньоре герцогине, а как по прозванью не знаю», а на другом: «Мужу моему, Санчо Пансе, губернатору острова Баратарии, — дай ему господь прожить дольше, чем мне самой». Герцогиня, как говорится, сидела словно на иголках, до того ей хотелось скорее прочитывать письмо. В конце концов она не удержалась и вскрыла его. Пробежав письмо, герцогиня решила, что его можно прочесть вслух.

Письмо Тересы Пансы к герцогине.

Большую радость доставило мне, моя сеньора, письмо, что ваше величество мне написали, потому что, поистине, было оно для меня желанным. Нитка кораллов очень хороша, да и охотничий костюм моего мужа ничем ей не уступит. А что ваша светлость произвели супруга моего, Санчо, в губернаторы, так это для всей нашей деревни большая радость, хотя никто этому не верит, особливо же священник, цырюльник мастер *Николас* и бакалавр *Самсон Карраско*. Но мне это нипочем, ведь раз это и впрямь так, то пускай себе каждый говорит, что ему хочется. Уж если говорить правду, то, не получи я кораллов и костюма, я бы и сама этому не поверила, так как у нас на деревне все считают муженька моего олухом и не могут себе представить, чтобы из него вышел хороший правитель, ибо до сих пор он ничем, кроме стада коз, не управлял. Да поможет ему господь, и да направит он все его труды на пользу его деткам.

А я порешила, дорогая сеньора моя, с дозволения вашей светлости, отправиться в столицу, развалившись в карете, чтобы у всех моих завистников, а их у меня тысячи, глаза полопались; а потому умоляю вашу светлость сказать моему мужу, чтобы он прислал мне сколько можно денег; лучше побольше, — ведь в столице расходы громадные: хлебец стоит реал, а фунт мяса тридцать мараведисов, — просто разорение; а ежели ему неудобно, чтобы я туда отправилась, так пусть поскорее мне об этом сообщит, потому что у меня уже ноги на месте не стоят, — до того не терпится пуститься

в дорогу. Да и соседки мои уверяют, что если мы с дочкой, наряженные и расфуфыренные, появимся в столице, то мой муж станет известен благодаря мне, а не я благодаря ему, потому что многие, наверно, будут спрашивать: «Что это за сеньоры едут в карете?» — а лакей мой в ответ: «Это — супруга и дочь Санчо Пансы, губернатора острова Баратарии». Таким образом всем нам будет почет — и мне, и моему мужу.

Я и сказать не могу, до чего мне досадно, что у нас в этом году плохой урожай желудей. Все-таки посылаю вашему высочеству полмеры с небольшим, — каждый желудь я сама сорвала в лесу, жаль только, что крупнее этих не могла найти; а хотелось бы мне, чтобы они были величиной в страусовое яйцо.

Не забудьте, ваше великолепие, написать мне, а уж я непременно вам отвечу и сообщу и о своем здоровье и обо всем, что у нас в деревне случится, а пока сижу у себя дома, моля господа бога хранить ваше высочество, да и меня не позабыть своими милостями. Дочка моя Санчика, или как ее еще называют Марисанча, и сынок целуют руку вашей светлости.

Та, которая больше бы хотела повидать
вашу светлость, чем писать ей.

Ваша слуга

Тереса Панса.

Все присутствующие с большим удовольствием прослушали письмо Тересы Пансы. Затем герцогиня спросила дон Кихота, как он думает: можно ли вскрыть письмо, адресованное губернатору, ибо оно, наверно, тоже очень интересно. Дон Кихот ответил, что готов сам это сделать, взял письмо и начал громко читать.

Письмо Тересы Пансы к супругу ее Санчо Пансе.

Письмо твое я получила, дорогой мой Санчо, и уверяю тебя и клянусь как христианка и католичка, что я чуть с ума не сошла от радости. Знаешь ли, дружок, когда я услышала, что ты губернатор, мне показалось, что я сейчас упаду мертвой

от радости; ты ведь знаешь поговорку: внезапное счастье убивает так же, как и большое горе. Передо мной лежал костюм, который ты мне прислал, на шее у меня висели кораллы, присланные мне сеньорой герцогиней, в руках держала я письма, юнец, принесший их, стоял передо мной, — а мне все думалось и казалось, что все, что я вижу и трогаю руками, — просто сон. Да и кто бы мог подумать, что козопас сделается губернатором острова? Помнишь, дружок, как моя матушка говорила: «кто много проживет, много увидит». Говорю это к тому, что, если останусь жива, надеюсь увидеть еще и побольше этого. Право, я не успокоюсь, пока не увижу тебя арендатором или откупщиком налогов. Конечно, всякого, кто при сборе налогов допускает злоупотребления, дьяволы непременно тащат в преисподнюю, зато деньги у него никогда не переводятся. Сеньора герцогиня сообщит тебе, что я желаю отправиться в столицу. Подумай и напиши мне, хочешь ли ты этого, а уж я постараюсь не осрамить тебя там, разъезжая в карете.

Священник, цырюльник, баккалавр и даже понамарь никак не могут поверить, что ты губернатор, и говорят, что все это навождение или волшебство, как и все приключения твоего господина дон Кихота. Самсон говорит, что отправится к тебе и вышибет у тебя из головы это губернаторство, а дон Кихоту выбьет из башки его сумасбродства, но я на это только посмеиваюсь и поглядываю на свою нитку коралловую, да прикидываю, какое платье выйдет из твоего костюма для нашей дочки.

Я послала сеньоре герцогине немного желудей, — право, мне хотелось бы, чтобы они были из чистого золота. Пришли мне несколько жемчужных ожерелий, если у вас на острове их носят. А новости у нас в деревне такие. Берруэна выдала дочку за какого-то никудынного живописца, приехавшего в нашу деревню малевать все, что ему ни закажут. Сын дон Педро нахватал степеней, носит тонзурку и готовится к духовному званию. Об этом узнала Минтилья, внучка Миньо Сильвато, и подала на него жалобу, так как он дал слово на ней жениться.

В этом году у нас неурожай на оливки, и во всей деревне не сыщешь ни капли уксуса.

Санчика вяжет кружева, зарабатывает в день чистых восемь мараведисов и прячет их в копилку, чтобы собрать себе на приданое. Но, слава богу, теперь ей незачем об этом хлопотать.

Фонтан, что у нас на площади, высох, молния ударила в нашу виселицу, — дай бог, чтобы и со всеми другими случилось то же.

Иду твоего решения насчет моей поездки в столицу; а засим да пошлет тебе господь больше лет жизни, чем мне самой, или по крайней мере столько же, так как не хотелось бы мне оставлять тебя одного на этом свете.

Твоя жена

Тереса Панса.

Письма эти вызвали у слушателей восторг, смех, похвалы и изумление. Затем герцогиня удалилась, чтобы расспросить пажа о том, что с ним случилось в деревне у Санчо, и паж подробно рассказал ей обо всем, кроме того он передал ей в подарок от Тересы жолуди и сыр. Герцогиня приняла все это с большим удовольствием, и тут мы с пей расстанемся, чтобы рассказать, как закончилось губернаторство великого Санчо Пансы.

Глава 52

**о дальнейшем управлении Санчо островом Баратарией
и о прискорбном конце его губернаторства.**

Когда Санчо вместе со своей свитой совершил обход вверенного ему управлению острова и вернулся в свой дворец, он сейчас же лег спать и, с приятным сознанием исполненного долга, проспал до утра сном праведника, а майордом, удивленный речами и поступками Санчо Пансы, провел остаток ночи над составлением письма своим господам. Наконец сеньор губернатор проснулся. По приказанию доктора Педро Ресио на завтрак ему

было предложено немного варенья и глотка четыре холодной воды, — все это Санчо охотно променял бы на ломоть хлеба и гроздь винограда. Но все же он с большим прискорбием в душе и терзанием в желудке подчинился этой диете, так как Педро Ресно уверил его, что умеренная и легкая пища оживляет мысль и что такая еда вполне подобает особам, занимающим важные должности, которые требуют затраты не столько телесных, сколько духовных сил.

Санчо мучился от голода и в глубине души проклинал губернаторство и даже того, кто ему его пожаловал. Тем не менее, покушав варенья и оставшись голодным, он и в этот день занялся судопроизводством. Первым делом явился к нему один приезжий, который в присутствии майордома и прочей челяди обратился к Санчо с такой просьбой:

— Я прошу у вас, сеньор, совета по очень важному и запутанному делу. По владениям одного вельможи протекает многоводная река; через нее переброшен мост, а около него стоит виселица и воздвигнуто здание, где заседают четверо судей. Эти судьи должны наблюдать за строгим выполнением закона, изданного владельцем поместья. Закон этот гласит: «Каждый, кто проходит по этому мосту, обязан под присягой указать, куда он идет и с какой целью. Если он скажет правду, его беспрепятственно пропускают дальше, если солжет, тогда его осуждают на смерть и вешают на стоящей рядом виселице». С тех пор как был издан этот суровый закон, много людей переходило через мост, и как только выяснялось, что они говорили правду, судьи отпускали их на все четыре стороны. Но недавно какой-то прохожий показал под присягой, что он явился сюда для того, чтобы его повесили на этой виселице. Клятва эта смутила судей, они рассуждали так: «Если мы отпустим этого человека на свободу, то выйдет, что он поклялся ложно, а в таком случае, согласно закону, он должен быть казнен. Но если мы приговорим его к виселице, то тогда окажется, что он говорил правду, поклявшись, будто явился сюда для того, чтобы его повесили, — и следовательно, согласно тому же закону, он должен быть отпущен на свободу». Так вот я и спрашиваю вас, ваша милость сеньор губернатор, что делать судьям с этим человеком, потому что они и по

сей час пребывают в смущении и нерешительности. Прослышав о высоком и проницательном разуме вашей милости, они послали меня к вам, дабы я от их имени попросил вашу милость дать ваше заключение в этом запутанном и неясном деле.

На это Санчо ответил:

— Сдается мне, что это дело можно решить в двух словах, и вот как. Этот человек поклялся, что пришел для того, чтобы его повесили. Итак, если его повесят, то клятва его окажется правдивой и по закону его нужно отпустить на свободу. Но если его отпустить на свободу, то выйдет, что клятва его ложная и что он заслуживает виселицы.

— Сеньор губернатор рассуждает вполне правильно, — ответил посланный, — вы, без сомнения, поняли и уразумели это дело в совершенстве, так что лучше и желать нельзя.

— В таком случае, — сказал Санчо, — пусть судьи пропустят ту половину этого человека, которая сказала правду, и повесят другую половину, которая солгала: таким образом закон будет соблюден в точности.

— Но ведь тогда, сеньор губернатор, — возразил посланный, — придется этого человека разрезать на две половины — одну правдивую, а другую лживую, — и таким образом он неизбежно умрет, и закон не будет соблюден.

— Послушайте-ка, милейший сеньор, — ответил Санчо, — если только я не болван, то у вашего прохожего столько же оснований умереть, как и остаться в живых и перейти через мост, — ибо поскольку правда дарует ему жизнь, постольку ложь осуждает его на смерть. Поэтому скажите от моего имени пославшим вас сеньорам, чтобы они даровали этому путнику свободу, ибо всегда похвальнее делать добро, чем зло. Под этим решением я подписался бы собственноручно, если бы только умел подписываться. Все, что я вам говорю, я взял не из своей головы, а просто припомнил одно из наставлений, преподанных мне моим господином дон Кихотом накануне моего отъезда сюда на остров. Он говорил и советовал мне в сомнительных делах избирать путь милосердия.

— Сеньор губернатор, — сказал майордом, — вы решили это дело так мудро, что самые знаменитые законодатели не могли бы

решить лучше. Закончим же на этом наше утреннее заседание, а я сейчас распоряжусь, чтобы сеньора губернатора угостили обедом по его вкусу.

— Этого-то мне и надо, скажу прямо, начистоту! — воскликнул Санчо. — Дайте мне поесть, а потом пускай всякие запутанные и неясные дела сыплются на меня градом, — я их в один миг разрешу.

Майордом, которого начинала мучить совесть за то, что он морит голодом такого разумного губернатора, каким оказался Санчо Панса, решил угостить его хорошим обедом, тем более, что он рассчитывал в тот же вечер закончить комедию с Санчо, сыграв с ним последнюю шутку.

Таким образом в этот день Санчо, вопреки всем предписаниям доктора из Тиртеафуэры, наелся доотвала. Когда он уже вставал из-за стола, внезапно прибыл гонец с письмом от дон Кихота к губернатору. Санчо велел секретарю прочесть его сначала про себя, и если в письме не окажется сообщений, которые следует хранить в тайне, прочитать его вслух. Секретарь повиновался и, пробежав письмо, сказал:

— Это письмо можно прочесть громко, потому что все, что сеньор дон Кихот пишет вашей милости, следовало бы напечатать золотыми буквами для всеобщего сведения, а пишет он следующее:

*Письмо дон Кихота Ламанчского к Санчо Пансе,
губернатору острова Баратарии.*

Я все время опасался, друг мой Санчо, что до меня дойдут слухи о твоих промахах и оплошностях. Но против ожиданий все хвалят твою рассудительность. Поэтому я воздал особую благодарность небу, которое может вознести на высоту бедняка, валяющегося в навозе, и сделать глупца разумным. Мне сообщают, что ты правишь, как настоящий человек, а вместе с тем так скромн и неприхотлив в своих личных требованиях, словно ты какое-нибудь бессловесное животное. Должен тебе заметить, Санчо, что правителю ради поддержания достоинства своего сана часто приходится поступать наперекор смирению

своего сердца. Поэтому постарайся подбортить свои слишком простые и даже низменные вкусы и привычки и держи себя, как подобает твоему высокому положению. Одевайся всегда хорошо, ибо даже дубина, если ее разукрасить, не кажется больше дубиной. Я не хочу сказать, что тебе следует наряжаться и украшать себя разными побрякушками. Нет! Но ты обязан носить платье, приличествующее твоему сану, и заботиться о том, чтобы оно всегда было чисто и опрятно.

Чтобы заслужить расположение народа, которым ты управляешь, ты должен прежде всего соблюдать следующие два правила: во-первых, будь со всеми приветлив, а во-вторых, неуклонно заботься о том, чтобы твои подданные были сыты, ибо ничто так не ожесточает сердца бедняков, как голод и лишения.

Не издавай слишком много указов, а если будешь издавать, то старайся, чтобы они были дельными, а главное, позаботься, чтобы их соблюдали и исполняли. Если законы не исполняются, то подданным невольно приходит на мысль, что у правителя, издавшего их, хватило разума, чтобы их составить, но не хватило мужества и власти настоять на их соблюдении. Помни, что самые суровые законы, если их не исполняют, подобны тому чурбану, который сделался царем у лягушек: сначала они его испугались, а потом стали презирать. Будь отцом для добродетели и отчимом для порока. Постоянная суровость так же нехороша, как и постоянная кротость: избери средний путь между этими крайностями. В этом и состоит истинная мудрость. Посещай и осматривай тюрьмы, бойни и рынки, ибо это очень важно: поступая так, ты будешь утешителем узников, надеющихся на скорое разрешение их дел, устрашишь мясников, заставив их отвешивать правильно, и уничтожишь плутни рыночных торговок. Вспоминай и передумывай те советы, которые я написал для тебя накануне твоего отъезда на остров. Следуй им, и ты убедишься, что они окажут тебе великую помощь во всех тяготах и затруднениях, которые на каждом шагу встречают губернаторы. Напиши герцогу и герцогине и вырази им свою благодарность, ибо неблагодарность — дочь гордости и один из величайших грехов, какие только существуют, а человек, питающий благодарность к тем, кто его облагодетель-

ствовал, показывает, что он проявит себя благодарным и к господу богу за все его великие милости.

Сеньора герцогиня отправила к твоей жене Тересе Пансе нарочного с платьем и особым подарком, и мы вскоре ожидаем от нее ответа. Пиши мне обо всем, что с тобой случится. Поспеши с этим, ибо я скоро собираюсь покончить с этой праздной жизнью, для которой я не рожден.

Прощай, и да охранит тебя господь от того, чтобы внушить людям сострадание.

Твой друг

дон Кихот Ламанчский.

Санчо с большим вниманием прослушал письмо дон Кихота, и все присутствующие в один голос похвалили это послание и назвали его весьма разумным. Затем Санчо встал из-за стола и, подзвав секретаря, заперся с ним в своих покоях; ему хотелось, не откладывая дела в долгий ящик, тотчас ответить своему господину дон Кихоту. Он продиктовал секретарю следующее письмо:

Письмо Санчо Пансы к дон Кихоту Ламанчскому.

У меня так много забот и дел, что нехватает времени почесать себе голову и даже постричь ногти, которые у меня так отросли, что просто хоть плачь.

Поэтому прошу вас, дорогой мой сеньор, не сердиться на меня за то, что я до сих пор не написал, хорошо или плохо живется мне на моем острове. Голодаю я здесь так, как не голодал даже в те времена, когда мы с вами вдвоем скитались по лесам и пустыням.

Вчера получил я письмо от господина моего герцога. Он сообщил мне, что на остров проникли какие-то шпионы, которые замышляют меня убить. Однако пока мне удалось обнаружить только одного злоумышленника, некоего лекаря, которого держат здесь на жаловании для того, чтобы он сживал со света всех прибывающих сюда губернаторов; зовут его доктор

Педро Ресю, и родом он из Тиртеафуэры, — судите сами, вашей милость, что это за имя! Как же тут не побояться, что он доведет тебя до смерти? Этот доктор сам про себя говорит, что его дело не лечить болезни, когда они появляются, но предупреждать болезнь до ее появления; и в качестве лекарства он прописывает все время диету, так что его больные под конец становятся одна кожа да кости, как будто худоба не есть зло почище иной лихорадки. Словом, он морит меня голодом, и я умираю от злости. Ведь я-то думал, что, сделавшись губернатором, буду есть горячее и пить прохладительное, буду нежить свою плоть на голландских простынях и на пуховиках, а вместо того, я живу в скудости, словно какой-нибудь отшельник.

До сих пор я еще и податей не получал и взятки не брал. Не понимаю, что бы это такое значило, потому что здешние люди говорили мне, что обыкновенно, когда на этот остров назначается губернатор, то еще до прибытия его сюда жители дарят или ссужают ему большие деньги, и что так ведется не только у здешних губернаторов, но и у всех правителей вообще.

Рынки я посещаю, следуя советам вашей милости, и вчера видел одну торговку, которая продавала свежие орешки. Обнаружив, что она в меру свежих орешков подсыпает меру старых, гнилых пустышек, я распорядился все эти орехи отдать школьникам, — они-то уж сумеют в них разобраться, — а торговке запретил в течение двух недель появляться на рынке. Говорят, что я поступил правильно. Одно только скажу вашей милости: здесь в народе держится мнение, что рыночные торговки — самое злое отродье на свете, потому что все они бесстыдны, бессердечны и нахальны, и я с этим согласен, так как немало их видел в других городах.

Я очень доволен, что сеньора герцогиня написала моей жене Тересе Пансе и послала ей подарок, о котором говорит ваша милость. В свое время я постараюсь выказать ей свою благодарность; поцелуйте ей от моего имени ручки, ваша милость, и передайте, что дары ее попали не в дырявый мешок, — она в этом убедится на деле.

Если жена моя Тереса Панса пришлет мне письмо, то заплатите за его доставку и перешлите сюда, так как мне очень хочется узнать что-нибудь о моем доме, жене и детях. А засим, да избавит господь бог вашу милость от злобредных волшебников, и да поможет он мне подобру-поздорову закончить мое губернаторство, хоть я на это и не надеюсь, так как думаю, что благодаря заботам доктора Педро Ресио живым мне отсюда не выбраться.

Слуга вашей милости

губернатор Санчо Панса.

Секретарь запечатал письмо и тотчас же послал гонца обратно, а сам отправился к дворецкому и майордому. Наступило время, когда им надо было закончить комедию с губернаторством Санчо, и они держали совет, как удобнее это сделать. Что же касается Санчо, то он провел вечер за составлением указов, посредством которых он надеялся поднять благосостояние жителей своего острова. Он установил строгий надзор за торговлею съестными припасами, разрешил ввоз вина отовсюду и назначил суровые наказания за всякого рода мошенничества с вином; он понизил цену на обувь, особенно же на башмаки, которые, по его мнению, стоили чрезмерно дорого; определил размеры жалованья слугам; запретил слепым распевать о чудесах, если они не могут доказать, что чудеса эти действительно совершились; учредил должность алыгвасила для бедняков, но не с тем, чтобы тот их преследовал, а с тем, чтобы проверял, действительно ли они бедны; ибо часто маска притворного увечья и показных язв прикрывает воровские руки и здоровых пропойц. Одним словом, он сочинил столько прекрасных распоряжений, что они и по сей день соблюдаются в тех краях и носят название *установлений великого губернатора Санчо Пансы.*

А пока этот великий губернатор трудился над составлением своих мудрых законов, решительная перемена готовилась в его судьбе. Не следует думать, что все в нашей жизни пребывает неизменным. Напротив, все на земле совершает свой круг. За весной следует лето, за летом осень, за осенью зима, за зимой

весна, — время идет себе да идет, вращаясь, как бесконечное колесо. Человеческая жизнь мчится к своему концу быстрее ветра, не ведая земного возрождения. Мы говорим об этом не из желания прославиться своею мудростью, а только для того, чтобы читателя не удивила быстрота, с какой закончилось, распалось и рассеялось, как дым, достославное губернаторство Санчо Пансы.

В седьмую ночь своего правления Санчо лежал в постели, сытый не хлебом и вином, а решением судебных дел, изданием указов и законоположений. Сон назло голоду уже начинал смыкать его глаза, как вдруг до него донеслись такие оглушительные крики и колокольный звон, что ему показалось, будто весь остров проваливается. Он присел на кровати и стал внимательно вслушиваться, стараясь угадать, что значит это великое смятение. Однако он ничего не мог понять, ибо к звону колоколов и крикам вскоре присоединились звуки бесчисленных труб и барабанов, что еще больше испугало Санчо. Тогда он вскочил с постели, всунул ноги в туфли, так как пол в его комнате был сыроват, и, не успев набросить даже халата, побежал к дверям, открыл их и с ужасом увидел приближающихся людей с зажженными факелами и обнаженными шпагами в руках. Все они громко кричали:

— К оружию, к оружию, сеньор губернатор! Полчища врагов напали на наш остров, и мы погибли, если только ваше искусство и мужество не спасут нас.

С ужасным шумом, в неистовстве и смятении толпа ворвалась в спальню Санчо, растерянного и оторопевшего от всего, что он видел и слышал. Один из прибежавших крикнул ему:

— Вооружайтесь скорее, сеньор, если не хотите погибнуть и погубить наш остров!

— Да зачем мне вооружаться? — ответил Санчо. — Что я стану делать с оружием? Это лучше было бы поручить моему господину дон Кихоту. Он бы покончил одним махом, и все вы были бы в безопасности, а я, грешный человек, ничего не понимаю в военном деле.

— О сеньор губернатор, — сказал другой, — что за малодушие! Вооружайтесь скорей, ваша милость, выходите на площадь,

будьте нашим вождем и полководцем, потому что вам как нашему губернатору по праву принадлежит это звание.

— Коли так, — нечего делать, вооружайте меня, — в отчаянии воскликнул Санчо.

Тогда воины схватили два больших щита и, не позволив Санчо надеть верхнее платье, нацепили эти щиты на него: один спереди, а другой сзади, а затем они накрепко стянули щиты веревкой, так что Санчо был крепко зажат между ними и стоял прямо, как веретено, не имея возможности согнуть колени или сделать шаг вперед. В руки ему сунули копье, на которое он оперся, чтобы удержаться на ногах. Затем ему предложили, не медля ни минуты, стать во главе войск, дабы ободрять бойцов. «Дело наверное пойдет на лад, — говорили они, — если великий губернатор согласится быть их светочем и компасом».

— Да как же мне идти, несчастному, — воскликнул Санчо, — когда эти проклятые доски мешают мне пошевелиться! Все, что вам остается, это взять меня на руки и поставить где-нибудь в дверях, а я буду защищать их копьем и собственным телом.

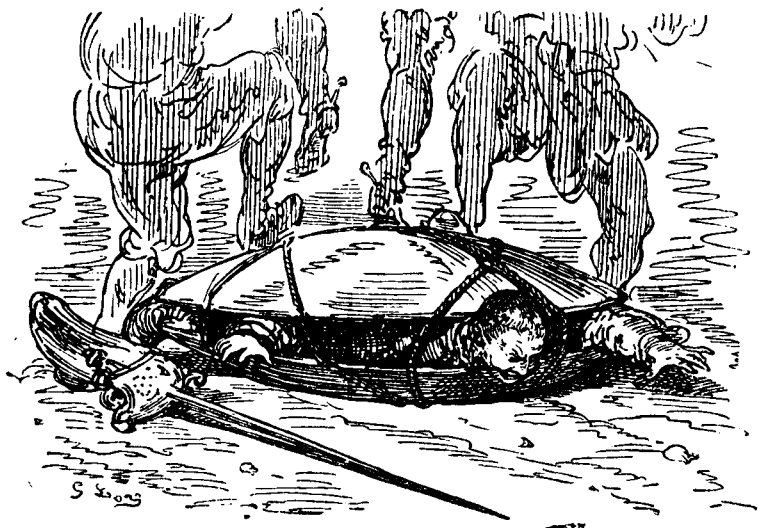
— Идите, сеньор губернатор, — ответил один из воинов, — вам мешают двинуться с места не столько щиты, сколько страх. Спешите, — уже поздно, а число неприятелей все возрастает, крики все громче, и опасность все больше.

Они так понукали и бранили его, что несчастный губернатор попытался, наконец, двинуться с места и тут же грохнулся на землю с такой силой, что ему показалось, будто он разлетелся на тысячу кусков. Он так и остался лежать на полу, словно черепаха, стиснутая и замкнутая в своей броне, или лодка, занесенная песком. Но даже и теперь насмешники не почувствовали к Санчо ни малейшей жалости. Они потушили факелы, стали еще громче орать, взывать к оружию и топтать бедного Санчо, безустали колотя мечами по его щитам. Бедному губернатору пришлось бы совсем плохо, если бы ему не удалось сжаться в комок и спрятать голову под щит. Полузадавленный, задыхающийся, весь в поту, он поручил себя богу и от всего сердца молился о спасении. Между тем суматоха продолжалась. Одни спотыкались о его тело, другие падали прямо на него, а какой-то

молодчик вскочил к нему на грудь, как на сторожевую башню, и во все горло орал:

— Эй, наши, бегите сюда! Враг особенно напирает с этой стороны. Охраняйте этот вход! Заприте ворота, завалите бревнами лестницы! Тащите горшки с кипящей смолой и чаны с горячим маслом... стройте баррикады на улицах, загородите вход на башню!

Прислушиваясь к этим возгласам, Санчо, и без того полуживой от страха, пугался все больше и больше.

«Ох, если бы богу было угодно, чтобы этот остров поскорей был взят врагами, а я сам или помер, или избавился от этих ужасов».

Наконец небо вяло его мольбам. Когда он уже совсем отчаялся, раздались громкие крики:

— Победа, победа, неприятель отступает! Эй, сеньор губернатор, вставайте, ваша милость. Пора насладиться плодами победы и по справедливости поделить добычу, отнятую у неприятеля вашей отважной и непобедимой рукой!

— Поднимите же меня, — слабым голосом сказал измученный Санчо.

Ему помогли подняться, и, встав на ноги, он сказал:

— К чорту неприятельскую добычу! Делайте с ней, что хотите, но если среди вас найдется кто-нибудь, кто мне друг, то прошу его и умоляю дать мне глоток вина, потому что у меня во рту пересохло, да вытереть с меня пот, потому что я скоро захлебнусь в нем.

Его обтерли, принесли ему вина и сняли щиты. Санчо тяжело опустился на кровать и лишился чувств от пережитого страха, побоев и усталости. Устроители этой комедии перепугались было, полагая, что шутка их зашла слишком далеко, но их тревога длилась недолго: губернатор скоро пришел в себя и спросил, который час; ему ответили, что уже светает. Он замолчал и принялся одеваться. Все, также молча, смотрели на него и ждали, что он предпримет дальше. Санчо оделся и медленно — ибо он был так избит, что еле мог двигаться, — отправился в конюшню, куда вслед за ним двинулась и вся его свита. Там он подошел к серому, обнял его, нежно поцеловал в лоб и со слезами на глазах сказал:

— Приди ко мне, дорогой мой товарищ, друг и помощник в трудах и невзгодах. Воистину, счастливы были часы, дни и годы моей жизни, когда я жил с тобой и все мои мысли были заняты заботой о том, как бы починить твою упряжь и добыть тебе корм. Но с тех пор как я бросил тебя и вознесся на башню честолюбия и гордости, меня одолели тысячи невзгод, трудов и волнений.

Говоря это, он седлал своего осла. Никто при этом не проронил ни звука. А оседлав серого, Санчо, крихтя и охая, взобрался на него и обратился с такой речью к майордому, секретарю, дворецкому и доктору Педро Ресио и остальным присутствовавшим:

— Посторонитесь, любезные сеньоры. Не мешайте мне. Я опомнился, я воскрес из мертвых и хочу вернуться к моей прежней вольной и беззаботной жизни. Я не рожден для того, чтобы быть губернатором и защищать острова и города от неприятеля. Мне больше пристало нахать и копать землю, подрезывать и подчищать виноградные лозы, чем издавать законы и защищать провинции и государства. Я знаю теперь, что каждому из нас следует

заниматься тем делом, для которого он родился. А мне больше пристало держать в руке серп, чем жезл губернатора; уж лучше мне наесться досыта похлебкой, чем мучиться по прихоти нахального лекаря, который морит меня голодом. Я предпочитаю растянуться летом под тенью дуба, а зимой по собственному желанию кутаться в баранью шкуру, чем спать на голландских простынях и носить собольи шубы на этой губернаторской ка-торге. Оставляйтесь с богом, ваши милости, и скажите сеньору моему герцогу, что голым я родился, голым и остался, ничего не выиграл и не проиграл. Я хочу сказать, что вступил в управление без гроша в кармане и так же без гроша покидаю его, хотя обыкновенно губернаторы поступают совсем иначе. А теперь расступитесь и дайте мне дорогу. Я поеду полечиться, потому что, кажется, у меня ни одного ребра целого не осталось.

— Не бывать этому, сеньор губернатор! — воскликнул доктор Ресио. — Я дам вашей милости питье против ушибов и ранений. Оно немедленно возвратит вашей милости прежнюю силу и здоровье. А кроме того я обещаю исправиться и разрешить вам есть все, что вам будет угодно.

— Слишком поздно, слишком поздно! — ответил Санчо. — Да я скорей сделаюсь турком, чем отложу свой отъезд. Нет, такие шутки не повторяются. Клянусь богом, не останусь я здесь губернатором, да и другого губернаторства не приму, хотя бы мне поднесли его на блюде. Это так же верно, как то, что без крыльев на небо не полетишь. Я ведь из рода Панса, а они все были упрямыми. Если кто-нибудь из нас сказал «нечет», так уж никогда не отступится от своего слова, хотя бы весь мир говорил «чет». Пускай тут в конюшне останутся те муравьиные крылышки, которые, на мое несчастье, вознесли меня на вершину, для того чтоб меня там заклевали мои недруги. Уж лучше спуститься на землю и ходить по ней просто-напросто ногами; пусть они не будут обуты в узорные башмаки из кордуанской кожи, зато грубые веревочные лапти у меня всегда найдутся. Всякая овца должна знать свое стадо. Из постели ног не высовывай. Ну, довольно болтать. Пропустите меня, потому что час уже поздний!

На это майордом сказал:

— Сеньор губернатор, мы с полной готовностью стпунтим вашу милость, хотя нам и очень тяжело вас лишиться, ибо ваша мудрость и христианское поведение заставляют дорожить вами. Но всем известно, что каждый губернатор, прежде чем покинуть управляемую им область, обязан предварительно представить отчет. Представьте же, ваша милость, отчет за десять дней вашего управления и тогда отправляйтесь с миром.

— Никто не в праве требовать от меня отчета, — ответил Санчо, — кроме лица, уполномоченного на это моим сеньором герцогом. А я сейчас и еду к нему и отчитаюсь перед ним в самом лучшем виде. Да и то сказать: я уезжаю отсюда таким же бедняком, каким сюда приехал. А это лучшее доказательство, что я управлял, как ангел.

— Честное слово, великий Санчо прав! — воскликнул доктор Ресио. — И я полагаю, что мы можем его отпустить, ибо герцогу свидание с ним доставит бесконечное удовольствие.

Все с ним согласились и позволили Санчо уехать, предварительно предложив ему почетную охрану и разные дорожные припасы. Санчо ответил, что ему хотелось бы получить овса для серого, а для себя — каравай хлеба и кусок сыра; больше ему ничего не нужно, ибо путь его не далекий и он надеется скоро добраться до герцогского замка. Все по очереди обняли его, а он со слезами обнял каждого и уехал, оставив их пораженными его речами и твердым и разумным решением.

Глава 53

**о том, как Санчо Панса встретился со своим господином
и как они оба уехали из герцогского замка.**

Веселый и в то же время грустный Санчо расстался со своим губернаторством и отправился обратно к своему господину, общество которого было ему больше по сердцу, чем управление всеми островами на свете.

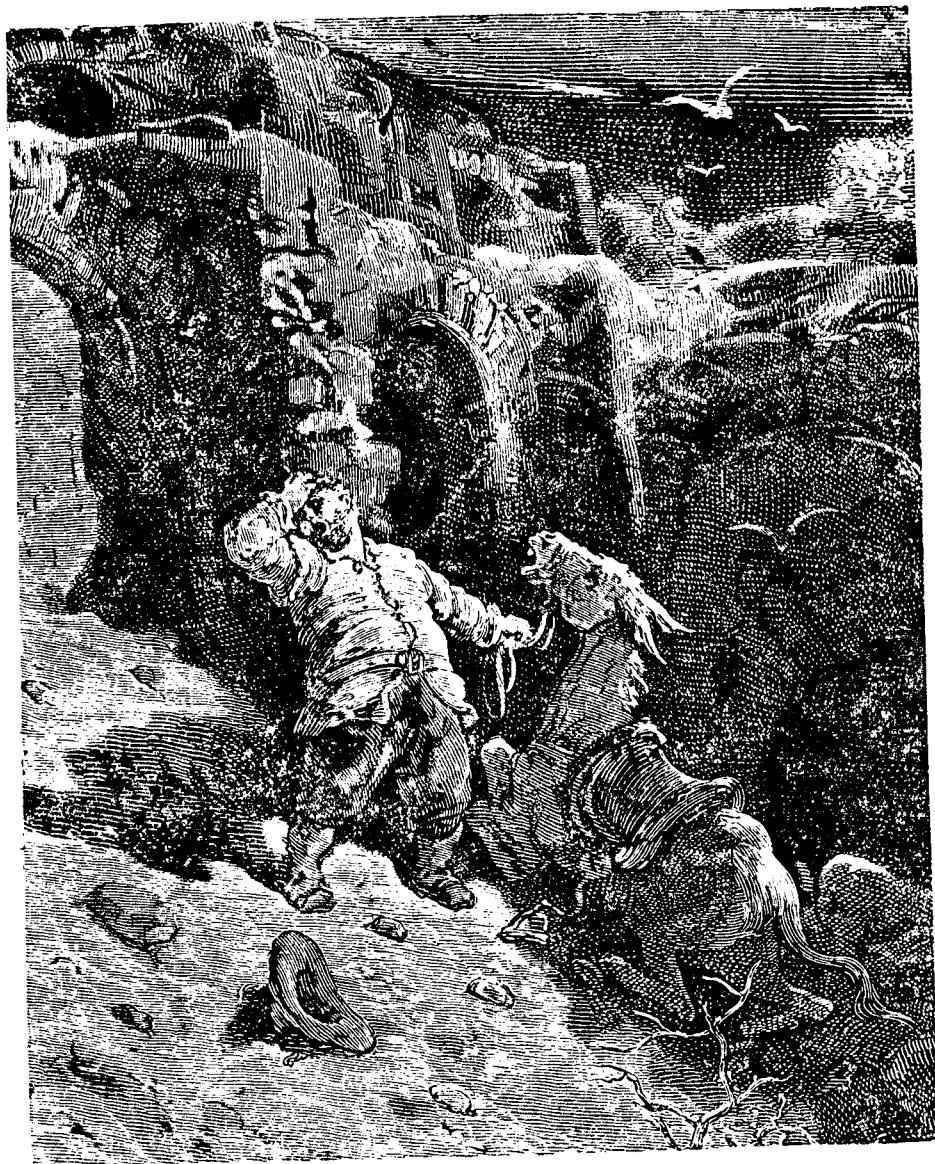
Но не успел он далеко отъехать от своей бывшей резиденции, как его кто-то громко окликнул. Санчо в недоумении оглянулся и увидел какого-то прохожего, протягивавшего к нему руки. Вглядевшись пристальнее, Санчо узнал в нем мавра Рикоте, который до изгнания мавров из Испании⁹³ держал лавочку у них в деревне. Обрадованный этой встречей, Санчо соскочил с осла

и горячо обнял приятеля. Между ними завязалась оживленная беседа. У Рикоте нашлись кой-какие припасы и объемистая фляга с вином. Они расположились близ дороги и провели весь день в дружеских разговорах и возлияниях. Рикоте поведал Санчо о всех своих злоключениях и о том, как он тайком вернулся в Испанию для устройства своих дел. Санчо в свою очередь описал Рикоте свои мытарства в должности губернатора острова Баратарип. В заключение Рикоте попросил Санчо не выдавать его властям. Санчо обещал ему это.

Между тем солнце стало клониться к закату. Тут Санчо спохватился, что ему давно пора двинуться в путь. Торопливо простившись с Рикоте, он взобрался на своего серого и погнал его по направлению к герцогскому замку. Однако ему не удалось добраться туда засветло.

Темная, непроглядная ночь спустилась на землю, а Санчо все еще был в пути. Но он не очень смутился этим. Стояло лето, было тепло, и он решил заночевать в поле. Свернув с дороги, он стал искать местечка, где бы поудобнее расположиться, чтобы дожидаться утра, как вдруг к своему великому ужасу почувствовал, что вместе со своим серым летит в какое-то глубокое и мрачное подземелье. Тут Санчо вообразил, что он провалился в преисподнюю, и от всей души поручил себя богу. Однако все обошлось гораздо проще: пролетев немного более двух саженьей, серый опустился на землю, а Санчо удержался на его спине. Он ощупал все свое тело и, убедившись, что остался цел и невредим, стал возносить горячие благодарственные молитвы богу. Затем он ощупал руками стенки подземелья, чтобы посмотреть, сможет ли он выбраться оттуда без посторонней помощи. Но стены оказались гладкими, без малейших выступов. Это чрезвычайно огорчило Санчо, особенно, когда он слышал жалобные и тихие стоны серого. Повидимому, для серого падение сошло не так благополучно, как для Санчо.

— О, каким бедствиям подвержен человек, какие неожиданные происшествя могут случиться с ним! — воскликнул бедный Санчо. — Кто бы сказал, что человек, еще вчера сидевший на губернаторском троне, сегодня окажется погребенным в каком-то подземелье! И нет никого, кто бы выручил меня; ни слуги, ни

вассала, ни даже случайного прохожего. Здесь суждено погибнуть от голода и мне и моему ослу, если только мы не умрем раньше: он — от своих ран и ушибов, а я — от горя. Хорошо было господину моему дон Кихоту, когда он спустился в пещеру очарованного Монтесиноса, где его приняли лучше, чем в его собственном доме. Там предстали пред ним прекрасные видения, тогда как я увижу здесь, наверное, только жаб и змей. О, горе мне! Вот до чего довели меня мое безумие и глупые затеи! Быть может, некогда люди найдут здесь мои белые обглоданные кости вместе с костями моего осла. Глядя на эти кости, все, кто знал, что Санчо Панса никогда не расставался со своим ослом, а осел с Санчо Пансой, пожалуй, догадаются, кто здесь погиб. О, горе нам! Какой ужасный жребий выпал нам на долю. Видно, нам не суждено было умереть на своем ложе, среди близких. На родине, по крайней мере, нашлись бы люди, которые закрыли бы нам глаза в смертный час. Ах друг мой, товарищ мой, плохо же я отплатил тебе за твою добрую службу!

Так плакался Санчо Панса, а осел слушал его молча, — в такой тоске и печали пребывало бедное животное. Вся ночь прошла в этих горьких жалобах. Наконец настал день, и при свете и сиянии его Санчо убедился в полнейшей и совершеннейшей невозможности выбраться из этого колодца без посторонней помощи. Тогда он снова принялся стонать и вопить, надеясь, что кто-нибудь его услышит. Но все его крики были гласом вопиющего в пустыне; в этих краях никому было их услышать. Тут Санчо окончательно решил, что он погиб. Он перестал вопить и призывать на помощь и занялся своим серым. Тот лежал на земле, задрав морду кверху. Санчо кое-как помог ему подняться, затем вынул из дорожной сумки ломоть хлеба и протянул его ослу. Серый очень обрадовался подачке, а Санчо наставительно промолвил, словно тот мог его понять:

— От всех бед лучшее лекарство — хлеб.

Но, на его счастье, в эту минуту луч света упал на одну из стен его темницы, и Санчо к своей великой радости заметил в этой стене какое-то отверстие. Он на животе заполз в дыру и убедился, что это подземный ход, который ведет в другую пещеру. Тогда Санчо вылез назад, взял большой камень и принялся

обивать стенки отверстия. Наконец ему удалось расширить проход настолько, что через него можно было провести осла. Санчо схватил серого за недоуздок и начал пробираться по этому проходу. Свет, падавший откуда-то сверху, по временам разгонял мрак в подземелье, но не мог разогнать мрака и ужаса, царившего в сердце бедного оруженосца.

— Помоги мне, всемогущий боже! — твердил он про себя. — Хотелось бы мне, чтоб на моем месте был мой господин сеньор дон Кихот. Уж он наверное принял бы эти пропасти и подземелья за цветущие сады и королевские палаты и надеялся бы выбраться из мрачных теснин на какой-нибудь цветущий луг. А я, несчастный, всего боюсь и только того и жду, что под моими ногами разверзнется новая пропасть и безвозвратно поглотит меня. Хорошо еще, когда беда приходит одна.

Такие мысли непрестанно терзали Санчо, пока он медленно и осторожно пробирался подземным ходом.

Наконец, пройдя примерно с полумили по этим мрачным коридорам, он заметил впереди слабый свет. Свет этот говорил о том, что дорога, казавшаяся Санчо путем в преисподнюю, может вывести его на свет божий.

Теперь оставим на минуту Санчо томиться в подземелье и посмотрим, что делал в это утро господин его, дон Кихот.

Проснувшись на восходе, наш рыцарь выехал в поле подышать утренней прохладой и предаться грустным мыслям об очарованной сеньоре Дульсинее.

Желая поразмяться, дон Кихот пустил Росинанта в карьер. Как вдруг на всем скаку его верный конь очутился перед каким-то глубоким провалом. Не успей дон Кихот с силой натянуть поводья, он непременно свалился бы туда. Но рыцарю удалось сдержать Росинанта на самом краю обрыва. Не слезая с коня, он глянул вниз; провал казался очень глубоким, дно его скрывалось во мраке. Рыцарь только собрался соскочить с лошади, как вдруг ему послышалось, что из-под земли раздаются какие-то крики и вопли. Внимательно прислушавшись, он разобрал слова:

— Эй! там наверху! Да неужели же не найдется христианина, который бы услышал меня, или милосердного рыцаря, который бы сжалился над грешником, погребенным заживо!

Дон Кихоту показалось, что он слышит голос Санчо Пансы. Вне себя от изумления, он склонился над провалом и что было силы закричал:

— Эй! кто там внизу? Кто это взывает о помощи?

— Да никто другой, — ответил ему голос, — как горемычный Санчо Панса, губернатор острова Баратарии, бывший оруженосец славного рыцаря дон Кихота Ламанчского!

Услышав это, дон Кихот ужаснулся: ему пришло в голову, что Санчо Панса умер, и в этом мрачном подземелье мучится душа бедного оруженосца. Потрясенный этой мыслью, он воскликнул:

— Заклинаю тебя всеми клятвами правоверного христианина, скажи мне, кто ты такой? Если ты — страждущая душа, поведай мне, что я могу сделать для твоего покоя. Хотя мое призвание — заступаться за живущих на сей земле, но я рад оказать помощь и несчастным выходцам с того света.

— Судя по словам да и по голосу вашей милости, — ответил голос из пещеры, — вы, наверное, сеньор мой дон Кихот Ламанчский.

— Да, я — дон Кихот, — ответил наш рыцарь, — тот, чья обязанность помогать всем, кто нуждается в помощи и защите, всем без изъятия — живым и мертвым. Поведай же, несчастный, кто ты такой. Если ты в самом деле мой оруженосец Санчо Панса, если ты умер и по великой милости божьей спасся от ада и попал в чистилище, — скажи, что тебя мучит. Папа святая мать церковь может облегчить твои страдания. И я готов сделать все, чтобы добыть тебе ее прощение. Только назови свое имя и скажи, что тебе нужно.

— Клянусь всеми чертями и всем, чем только можно поклясться: я — ваш оруженосец Санчо Панса и никогда не умирал; мне только пришлось оставить губернаторство. А почему, я расскажу потом. Сегодня ночью, торопясь вернутся к вам, свалился я сюда вместе с моим серым. Он готов подтвердить, что я не лгу.

И действительно, словно поняв произнесенную Санчо клятву, осел немедленно заревел так громко, что по всей пещере пошли отклики.

— Вот это отличный свидетель! — воскликнул дон Кихот. — Я узнаю его рев так же хорошо, как если бы он был родным моим сыном, да и твой голос, Санчо, мне тоже знаком. Подожди же минуту. Я сейчас вызову из замка людей, которые вытащат тебя из этого подземелья, куда ты попал, конечно, за свои грехи.

— Поезжайте же, вапша милость, — ответил Санчо, — да поторопитесь, ради господ бога! Я просто умираю от страха. Мне все кажется, что я должен здесь погибнуть.

Дон Кихот, не медля ни минуты, поскакал в замок и рассказал герцогу и герцогине о несчастье, постигшем Санчо Пансу. Они сразу же догадались, что Санчо провалился в одно из колен подземного хода, который в незапамятные времена был проведен из замка до большой дороги. Одного только не могли понять хозяева замка: как это Санчо мог покинуть свое губернаторство, не уведомив их об этом. Так или иначе, но они тотчас же послали слуг на выручку Санчо. Те захватили с собой канаты и веревки и с большими усилиями извлекли серого и Санчо Пансу из мрака на солнечный свет. Один школяр, видевший все это, сказал:

— Хорошо, кабы все скверные губернаторы покидали свои должности точно так же, как этот грешник, вылезший из подземелья: голодными, бледными и без гроша в кармане.

Услышав это, Санчо ответил:

— Восемь или десять дней тому назад, братец насмешник, я вступил в управление островом, который мне пожаловали. С того часа я ни разу не ел хлеба досыта; лекари меня морили голодом, враги меня мучили; некогда мне было ни подати собрать, ни взятками поживиться. Видно, правда: человек предполагает, а бог располагает; один он знает, что для нас лучше и что кому следует. Так пусть никто не плюет в колодец, потому что потянулся к окороку, а на месте-то и крюка нет; бог меня понимает, и я умолкаю, хоть и мог бы многое еще прибавить.

— Не сердись, Санчо, если тебе скажут что-нибудь неприятное, — заметил дон Кихот. — Живи в ладу со своею совестью, и пускай себе люди говорят, что им вздумается. Привязать язык злоречивому человеку так же невозможно, как запереть поле воротами. Если губернатор покидает свою должность богатым, го-

ворят, что он вор, а если он уходит бедняком, его называют простаком и глупцом.

— Ну, — ответил Санчо, — меня-то наверное назовут дураком, а не вором.

Беседуя таким образом, они добрались до замка, где на галерее их поджидали герцог и герцогиня. Но Санчо решил прежде всего устроить получше своего серого, так как бедняга жестоко пострадал прошедшей ночью. Он отвел его в конюшню, задал ему корму, а после этого направился к своим повелителям и, преклонив перед ними колени, сказал:

— Сеньоры мои, по воле ваших высочеств и без всяких заслуг с моей стороны, я был назначен губернатором принадлежащего вам острова Баратарии. Голяком я прибыл на этот остров, голяком и оставил его: ничего я не проиграл и не выиграл. Хорошо ли я управлял или плохо, пусть расскажут те, кто об этом может судить. Я разрешал тяжбы и выносил решения. Все время, пока я был губернатором, я голодал; такова была воля доктора Педро Ресно, родом из Тиртеафуэры, островного и губернаторского врача. Ночью на нас напали враги. После великой свалки жители острова объявили, что они отстояли свою свободу только благодаря доблести моей руки. Пошли им бог столько же здоровья, сколько правды в том, что они говорят. Словом, за это время я близко познакомился со всеми обязанностями и тяготами губернаторской должности и увидел, что мне их не поднять: бремя это не по моим плечам. А потому я решил покончить с губернаторством прежде, чем оно покончит со мной. Вчера утром я покинул свой остров таким, каким его застал: со всеми улицами, домами и крышами, какие были при моем прибытии туда. Ни у кого я не брал займы и не участвовал ни в каких прибылях. Правда, я собирался издать несколько полезных законов, но не сделал этого, предполагая, что все равно они не будут исполняться. А тогда совершенно безразлично, изданы они или нет. Итак, я покинул остров один, без всякой свиты, только мой серый был неразлучен со мной. На пути сюда я провалился в подземелье и просидел там всю ночь. Наконец утром, при свете солнца я увидел какой-то темный подземный коридор и стал пробираться вперед в надежде найти выход из моей темницы. Но

я уверен, что не пошла мне небо спасителя — сеньора моего дон Кихота, я бы так и остался под землей до скончания века. Так вот, мои сеньоры герцог и герцогиня, перед вами ваш губернатор Санчо Панса. За десять дней своего губернаторства он получил только одну прибыль — убедился, что власть не только над каким-нибудь островом, а и над целым миром не стоит ломаного гроша. А убедившись в этом, он целует ноги ваших милостей и на манер мальчишек, которые говорят, когда считаются в играх, «прыгай туда и пусти меня», восклицает: я спрыгиваю долой с моего губернаторства и возвращаюсь на службу к господину моему дон Кихоту. Пускай на службе у него я ем свой хлеб в трудах и страхе, но все-таки я наедаюсь досыта. А это главное; все равно чем наестся: морковью или куропатками, лишь бы быть сытым.

На этом Санчо и закончил свою речь. Дон Кихот все время боялся, как бы его верный оруженосец не наболтал глупостей. Увидев же, что Санчо говорит вполне пристойно и разумно, он возблагодарил в своем сердце господа бога. Герцог обнял Санчо и выразил сожаление, что Санчо так скоро покинул свое губернаторство. Впрочем, он обещал позаботиться о том, чтобы Санчо получил в его владеньях какую-нибудь другую должность, более доходную и менее обременительную. Герцогиня также обняла Санчо и велела хорошенько его угостить, ибо вид у него был крайне жалкий и измученный.

Санчо быстро успокоился после перенесенных им волнений, отоспался, отъелся и был очень доволен, что очутился снова в замке, сохранив милостивое расположение сеньоры герцогини.

Что же касается дон Кихота, то наш рыцарь начал уже тяготиться праздной жизнью.

Ему казалось, что он совершает тяжкий проступок, проводя время в пирах и развлечениях, которые в честь странствующего рыцаря устраивала герцогская чета. Он боялся, что ему придется отдать строгий отчет небу за эту праздность. Поэтому в один прекрасный день он попросил у хозяев разрешения покинуть их гостеприимный замок. Герцог и герцогиня выразили глубокое огорчение, но уступили его желанию. Герцогиня отдала Санчо письмо его жены, и он, проливая над ним слезы, сказал:

— Кто мог подумать, что великие надежды, порожденные в сердце моей жены Тересы Пансы известием о моем губернаторстве, кончатся тем, что я снова стану спутником моего господина дон Кихота Ламанчского в его опасных странствиях? Но все-таки я рад, что моя Тереса поддержала нашу честь, послав герцогине желудей. Теперь никто не посмеет назвать ее неблагодарной. Радуюсь я и тому, что этот подарок никак нельзя назвать взяткой. Когда он был послан, я еще правил островом, и вполне понятно, что получающий милость отплачивает за нее хотя бы безделицей. Ничем другим мы не могли отблагодарить ваши милости: голым я принял губернаторство и голым покинул свою должность. И потому с чистой совестью, — а это уже не мало, — я могу сказать: ничего я не выиграл и ничего не проиграл. — Так утешал себя Санчо.

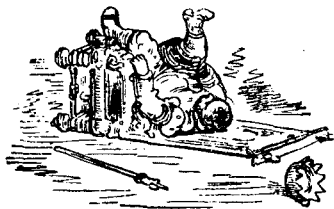
Наконец настал день отъезда. Дон Кихот, еще накануне простившись с герцогом и герцогиней, выехал рано утром, в полном вооружении, на площадь перед замком. Все население замка во главе с герцогской четой собралось на галерею, чтобы посмотреть на него в последний раз. Санчо сидел довольный-предовольный на своем сером, с дорожной сумкой и чемоданом. Герцогский майордом потихоньку от дон Кихота вручил ему перед расставанием тяжелый кошелек с двумя сотнями золотых эскудо. Санчо сиял от радости и приветливо раскланивался на все стороны.

А дон Кихоту не терпелось покинуть замок. Он поклонился герцогской чете и, повернув Росинанта, выехал из ворот замка. Наш рыцарь почувствовал новый прилив сил и бодрости, едва он очутился в открытом поле. С радостью думая о предстоящих опасных приключениях и рыцарских подвигах, он обернулся к Санчо и воскликнул:

— Свобода, Санчо, — величайшее из всех благ, какие когда-либо даровало людям. С ней не могут сравняться все сокровища, талящиеся в недрах земли или в глубинах моря. Ради свободы, как и ради чести, можно и должно рисковать жизнью. Напротив, плен — худшее из всех зол, постигающих человека. Ты видел, Санчо, пышный прием, оказанный нам герцогом. Так вот: среди всей этой роскоши и изобилия, сидя за столом, ломившимся из лакомых блюд и тонких вин, я иногда — так мне казалось

терзался муками голода и жажды. Ибо я не мог свободно и непринужденно наслаждаться всеми этими благами. Чужой хлеб всегда горек, и обязательства, налагаемые благодеяниями и милостями, — тяжкие оковы для возвышенной души. Счастлив тот, кому небо послало кусок хлеба, за который он не обязан никому, кроме самого себя.

— А все-таки, — ответил Санчо, — нам следует быть благодарными за кошелек с двумя сотнями эскудо, что вручил мне дворецкий на прощание. Я сохраню его на всякий случай. Ведь не всегда мы будем встречать замки, где нас угощают. Бывает, что мы попадаем в гостиницы, где нас колотят. — С этими словами Санчо крепче прижал к своей груди кошелек с деньгами и погнал осла.

Глава 54,

**повествующая о приключениях, испытанных дон Кихотом
на пути в Барселону.**

Наши друзья так долго прогостили в замке герцога, что опоздали на турнир в Сарагоссу и теперь решили отправиться в Барселону, где готовились пышные празднества. Первые дни пути обошлись без всяких приключений. Мирно и спокойно ехали они по большой дороге. В полуденный жар они наслаждались прохладой и отдыхом на берегу какого-нибудь ручья в тени развесистых деревьев, а на ночь искали пристанища в придорожных

гостиницах и на постоялых дворах. Такое путешествие было особенно по сердцу Санчо. Но и дон Кихот, казалось, не слишком тосковал по необычайным и опасным приключениям. Верный оруженосец с удивлением замечал, что господин его как будто несколько утомился. Он уже не принимал гостиницы за великолепные замки, а трактирщиков за знатных рыцарей, не вмешивался в ссоры и драки постояльцев и с равнодушием взирает на встречаемых путников. Мрачный и сосредоточенный, совершал он путь, не обращая внимания на болтовню Санчо. Казалось, нашего рыцаря поглощала одна мысль, терзала одна забота. А каковы это была мысль и забота, читатель сейчас узнает.

Однажды, а было это на пятый или шестой день пути, они расположились отдохнуть на берегу чистого, прозрачного ручья, протекавшего в прохладной тени развесистых деревьев. Санчо расседлал Росинанта и серого и пустил их пастись на воле; затем он поспешил к своей привычной кладовой — дорожной сумке — и вынул то, что он называл «жарким». Дон Кихот сидел мрачный и молчаливый и не начинал есть. А Санчо из скромности не решался первым дотронуться до пищи и все ждал, когда его господин приступит к делу. Но видя, что тот погружен в задумчивость, Санчо, не говоря ни слова и презрев все правила, принялся уплетать хлеб и сыр.

— Ешь, дружок Санчо, — сказал дон Кихот, — поддерживай свою жизнь, а мне предоставь умереть под тяжестью моих мыслей, под ударами жестокой судьбы. Я, Санчо, рожден, чтобы жить, играя со смертью, а ты — чтобы умирать, хватаясь за жизнь. Если хочешь убедиться в правдивости моих слов, посмотри, каким я изображен в напечатанной обо мне и моих подвигах книге. Я отважен в боях, учтив в поступках, уважаем знатью, любим девушками. И что же? Козни злых волшебников попрежнему тяготят надо мной, и я пока бессилен против них. Свет моей души, моя дама, прекрасная Дульсинея остается околдованной и в обличьи уродливой, грубой крестьянки томится в недрах таинственной пещеры. От этой мысли у меня тупеют резцы, слабеют коренные зубы, отнимаются руки и пропадает всякая охота есть. Я способен уморить себя голодом, погибнуть самой ужасной смертью.

— Видно, — ответил Санчо, не переставая торопливо жевать, — ваша милость не одобряет пословицы: с сытым брюхом и умирать легче. Ну, а что до меня, — я не собираюсь доводить себя до смерти. Лучше уж я поступлю, как башмачник, который натягивает зубами кожу до тех пор, пока она не дойдет до места. Так и я, — питаюсь, буду тянуть жизнь до положенного ей небом предела. Знайте, сеньор, что нет безумия хуже, чем нарочно доводить себя до отчаяния, как это делает ваша милость. Послушайте меня: сначала поешьте, а потом поспите на этом зеленом тюфяке из травы, и вы увидите, что вам полегчает.

— Ах, Санчо, — возразил печально дон Кихот. — Видно, ты не хочешь догадаться, в чему клонится моя речь. О, если бы ты согласился исполнить мою просьбу! Тогда мне сразу станет гораздо легче, и печаль моя уменьшится. Вот о чем я прошу тебя. Пока, послушавшись твоего совета, я вздремну немного, ты возьми поводья Росинанта, отойди в сторону и нанеси себе по голому телу триста-четыреста ударов в счет тех трех тысяч, которые должны послужить выкупом за освобождение Дульсинеи. Подумай, как прискорбно, что над бедной сеньорой по твоей милости и слабости все еще тяготееют злые чары.

— Ну, на этот счет многое можно сказать, — спокойно ответил Санчо. — Давайте сначала выспимся хорошенько, а там виднее будет. Знайте, ваша милость, что хлестать себя очень тяжело, особенно когда удары падают на тощее, не упитанное тело. Пусть сеньора Дульсинея малость потерпит. Скоро она увидит, как я себя всего исполокую. Пока человек жив, он еще не умер. Я этим хочу сказать, что я еще жив, а раз я жив, то непременно исполню обещанное. Даю вам в этом слово.

Дон Кихот повеселел, услышав клятву Санчо. Он закусил немного, а Санчо наелся доотвалу. Затем наши друзья прилегли вздремнуть, предоставив двум неразлучным товарищам — Росинанту и серому — свободно пастись на лужке, покрытом густой травой.

Проспали они довольно долго, и день уже склонялся к вечеру, когда они снова двинулись в путь. Как они ни торопились, они не успели засветло добраться до гостиницы или постоялого двора. Темная, непроглядная ночь настигла их в густом лесу, не то

дубовом, не то пробковом — у автора нет точных сведений об этом. Господин и слуга спешились и расположились на ночлег под сенью деревьев. Санчо, успевший в этот день плотно заку- сить, едва улегся, как сейчас же проскочил в ворота сна. Но дон Кихот, вздремнувший днем, никак не мог заснуть. Мучительные думы терзали его голову, а встревоженное воображение переносило бедного рыцаря в тысячу различных мест. То ему казалось, что он снова находится в пещере Монтесинос, то представлялось, как Дульсьинея превращается в крестьянку, прыгает и садится на ослицу; в его ушах снова звучали слова мудрого Мерлина, указавшего единственное средство для освобождения Дульсины из-под власти злых волшебников. Он думал о нерадивости и бес-сердечии оруженосца Санчо, который за все время нанес себе, по счету дон Кихота, всего-навсего пять ударов.

Мысль об этом особенно терзала дон Кихота. Мало-помалу его отчаяние дошло до крайних пределов. Не имея сил долее выно- сить эти муки, он поднялся с земли и сказал себе:

— Если Александр Великий разрубил гордые узел со сло- вами: «что развязать, что разрубить — все едино», и после этого все же сделался владыкой всей Азии, то совершенно так же могу поступить и я ради освобождения Дульсины. Я собственными ру- ками отстегая Санчо, хотя бы он и не желал этого. Если все дело в том, чтобы Санчо получил три тысячи ударов, так не все ли равно, кто их нанесет ему — сам он или кто-нибудь другой?

Приняв такое решение, дон Кихот вооружился недоуздком Росинанта, подошел к Санчо и начал расстегивать ему помочи. Но едва он дотронулся до Санчо, как тот очнулся от сна и спросил:

— Что такое? Кто это трогает меня?

— Это я, — ответил дон Кихот. — Я пришел исправить твою небрежность и облегчить мои страдания. Я пришел бичевать тебя, Санчо, чтобы помочь тебе выполнить обязательство, которое ты на себя принял. Дульсьинея погибает, а тебе и горя мало. Но я умираю от любви к ней и готов на все, чтобы ее спасти. Не медли же. Раздевайся поскорее, так как я желаю дать тебе в этом уединенном месте по меньшей мере две тысячи ударов.

— Ну нет, — сказал Санчо, — прошу вашу милость успо-

коиться; иначе, клянусь истинным богом, нас услышат даже глупые. Бичевание, которому я обещал подвергнуть себя, должно быть добровольным, а не насильственным. А у меня нет охоты хлестать себя: довольно с вашей милости и того, что я дал слово отхлестать себя, когда у меня явится к этому желание.

— Я не могу положиться на твое слово, Санчо, — ответил дон Кихот, — потому что сердце у тебя черствое, а тело, хоть ты и низкого происхождения, чересчур чувствительно.

И говоря так, он продолжал настойчиво развязывать Санчо штаны. Видя, что дело принимает опасный оборот, Санчо Панса вскочил на ноги и бросился на своего господина. Между рыцарем и оруженосцем завязалась ожесточенная борьба. Наконец Санчо изловчился, дал дон Кихоту подножку, повалил его на землю, наступил правым коленом ему на грудь и прижал так, что тот не мог ни встать, ни перевести дыхания. Задыхаясь, дон Кихот вскричал:

— Как, предатель? Ты восстаешь на своего хозяина и сеньора? Посагаешь на того, кто тебя кормит?

— Ни на кого я не посагаю, — ответил Санчо, — я только себя спасаю, потому что я сам себе сеньор. Пусть ваша милость

обещает мне вести себя спокойно и не требовать, чтобы я сейчас же принялся себя стегать, и тогда я отпущу вас на свободу.

Дон Кихот дал требуемое обещание и поклялся не трогать даже ниточки на одежде Санчо, предоставив ему отстегать себя, когда ему вздумается и захочется. Санчо выпустил своего господина, и мир между ними был восстановлен. Однако после случившегося Санчо не чувствовал уже полного доверия к дон Кихоту и во избежание повторения подобных неприятностей решил провести остаток ночи подальше от своего господина. С этой целью он отошел в сторону и расположился под большим деревом. Остальная часть ночи прошла спокойно. Поднявшись на рассвете, они слегка позавтракали и уже собрались тронуться в дальнейший путь, как вдруг из-за деревьев показались какие-то вооруженные люди. Не успели дон Кихот и Санчо оглянуться, как их окружило человек сорок разбойников; на каталонском наречии они приказали нашим путникам не шевелиться до прибытия атамана. Рыцарь был пеш и безоружен, так как Росинант щипал траву неподалеку, а копьё, прислоненное к дереву, стояло в стороне, — словом, он лишен был возможности защищаться. Поэтому он счел за благо сложить руки и склонить голову, прибегая силы для более подходящего времени.

Разбойники быстро обшарили осла и забрали все, что нашлось в дорожной сумке Санчо; к счастью для Санчо, эскудо, полученные им от герцога, он спрятал у себя в поясе. Впрочем, эти добрые люди наверное добрались бы и до них, обыскав беднягу с ног до головы. Но в эту минуту появился атаман; это был человек лет тридцати четырех, смуглый, крепко сложенный, довольно высокого роста, с повелительным выражением лица. Он сидел на сильном коне; на нем была стальная кольчуга, на поясе висело четыре пистоleta. Видя, что его «оруженосцы» — как называли себя разбойники — собираются обыскать Санчо Пансу, он приказал им прекратить бесчинства. Те немедленно повиновались, и таким образом пояс Санчо был спасен. Атаман весьма удивился, увидев копьё, прислоненное к дереву, щит, брошенный на землю, и самого дон Кихота, стоявшего с таким печальным и унылым видом, что он казался воплощением самой печали. Подойдя к нему, атаман сказал:

— Не печальтесь так, добрый человек: вы попали в плен не к дикому злодею, а к Роке Гинарту, ⁹⁴ в душе которого больше сострадания, чем жестокости.

— Меня, — ответил дон Кихот, — нисколько не печалит, что я оказался в твоей власти, о доблестный Роке Гинарт, чья слава в этом мире беспредельна. Но я не могу себе простить, что по своей беспечности я был захвачен твоими солдатами врасплох. Ведь устав странствующего рыцарства, к которому я принадлежу, повелевает мне всегда быть в полной боевой готовности. Ты должен знать, великий Роке, что если бы я попался этим людям верхом, с копьём и щитом в руке, им нелегко бы было одолеть меня, потому что я — дон Кихот Ламанчский, слава которого гремит по всему миру.

Тут Роке Гинарт догадался, с кем имеет дело. Он уже раньше много слышал о нашем рыцаре, но считал все пустыми рассказами, так как не мог себе представить, чтобы жажда рыцарских подвигов могла с такой силой овладеть человеком и превратить его в безумца. Поэтому ему было чрезвычайно интересно увидеть собственными глазами того, о ком он раньше знал только понаслышке.

— Доблестный рыцарь, — сказал он, — не гневайтесь на свою оплошность. Быть может, эти испытания — только путь, ведущий к благу. Воля неба непостижима, и провидение нередко дарует счастье несчастливцам, ставит на ноги падших и обогащает бедняков.

Не успел Роке Гинарт закончить свою речь, как к нему прискакал сторожевой, обязанный следить за проезжающими и прохожими.

— Сеньор, — сказал он, — по барселонской дороге движется большая толпа людей.

Роке спросил его:

— А что — эти люди из тех, кто ищет нас, или из тех, кого мы ищем?

— Из тех, кого мы ищем, — ответил часовой.

— В таком случае не теряйте времени, — сказал Роке, — ступайте и приведите их скорей сюда. Да позаботьтесь, чтобы ни один человек не ускользнул от вас.

Оруженосцы ему повиновались и поспешили навстречу проезжим, а дон Кихот, Санчо и Роке остались одни. Тут, обратившись к дон Кихоту, Роке сказал:

— Необычайною должна показаться сеньору дон Кихоту та жизнь, которую мы ведем; необычайными и опасными все наши дела и похождения. Говоря по совести, я и сам нахожу, что нет ремесла более беспокойного и тревожного, чем наше. По своей природе я человек сострадательный и мирный. Но жестокое оскорбление, нанесенное мне моими недругами, пробудило во мне такую жажду мести, что я наперекор моим добрым наклонностям взялся за это страшное ремесло и упорно продолжаю вести такую жизнь, хотя мой собственный разум убеждает меня отказаться от нее. А между тем один проступок влечет за собой другой. Один грех тянет за собой второй. В конце концов все чувства спутались во мне, и я мщу уже не только за мои, но и за чужие обиды. Однако, хоть я и погряз в заблуждениях, но все же не теряю надежды выбраться из них в гавань спасения.

С удивлением слушал дон Кихот эти разумные речи Роке. Он никогда не думал, чтобы среди людей, ремесло которых — убийство и грабеж, мог найтись человек, способный так здраво рассуждать.

— Сеньор Роке, — сказал он, — сознание своей болезни и готовность принимать лекарства, прописываемые врачом, — уже начало исцеления. Раз ваша милость хорошо знает свой недуг, небо, или лучше сказать милосердный бог, пропишет вам лекарства, которые исцелят вас постепенно, а не внезапно. Разумные грешники гораздо ближе к исправлению, чем неразумные. А так как вы, ваша милость, выказали в своей речи мудрость, то я скажу вам: мужайтесь и надейтесь на облегчение болезни вашей совести. Но если ваша милость желает скорее выйти на стезю спасения, пойдемте со мной. Вы сделаетесь странствующим рыцарем. Невзгоды, связанные с этим званием, послужат для вас отличным покаянием и проложат вам путь в рай.

Тем временем возвратились разбойники, посланные за добычей; они привели двух кабальеро, двух пеших паломников, карету, в которой ехало несколько женщин в сопровождении шести пеших и конных слуг, и, наконец, двух погонщиков мулов. Ору-

женосцы обступили их. Как побежденные, так и победители хранили глубокое молчание, ожидая, когда заговорит великий Роке Гинарт. Он спросил у всадников, кто они такие, куда едут и сколько у них при себе денег. Один из кабальеро ответил:

— Сеньор, мы капитаны испанской пехоты; наши отряды находятся в Неаполе; едем мы в Барселону, где стоят галеры, отплывающие в Сицилию; у нас двести или триста эскудо. С нас этого довольно, и мы не ропщем на свою судьбу, ибо бедным солдатам не приходится мечтать о горах золота.

Эти же вопросы Роке задал паломникам. Паломники сказали, что они направляются в Рим, и что у них обоих найдется, может быть, шестьдесят реалов. Наконец Роке спросил, кто те дамы, что сидят в карете, и сколько у них с собою денег. На это один из конных слуг ответил:

— В этой карете едет моя сеньора, донья Гиомар де Кинь-онес, жена верховного судьи в Неаполе, а с нею ее маленькая дочь, служанка и дуэнья, сопровождают их шестеро слуг, а денег у них с собой шестьсот эскудо.

— Итак, — сказал Роке Гинарт, — у всех путников девятьсот эскудо и шестьдесят реалов. Солдат у меня около шестидесяти. Посмотрим, сколько придется на человека: я что-то плохо считаю.

Услышав это, грабители громко закричали:

— Да здравствует Роке Гинарт, назло негодьям, ищущим его гибели!

Кабальеро не могли скрыть своего огорчения, жена верховного судьи опечалилась, да и у паломников лица вытянулись, когда они увидели, что их хотят лишить последних реалов. Роке с минуту продержал их в замешательстве, а затем, желая рассеять их печаль, которую нетрудно было заметить и на расстоянии аркебузного выстрела, обратился к кабальеро и сказал:

— Не соблаговолят ли сеньоры капитаны одолжить мне шестьдесят эскудо? А у супруги верховного судьи я попрошу восемьдесят, чтобы удовлетворить людей из моего отряда. А затем вы все можете спокойно и беспрепятственно продолжать свой путь. Я выдам вам охранный лист, чтобы в случае, если вас встретит какой-нибудь другой из моих отрядов, мои люди не

причинили вам зла. Я никогда не обижаю ни солдат, ни женщин, ни детей.

Оба капитана принялись в самых красноречивых выражениях благодарить Роке за ту щедрость и великодушие, с каким он оставил им их собственные деньги. Сеньора донья Гиомар де Киньонес хотела выскочить из кареты и поцеловать руки и ноги великого Роке, но он этого не допустил, а сам попросил у них извинения за причиненное им насилие, совершить которое обязывала его тяжелая профессия. Супруга верховного судьи приказала одному из своих слуг немедленно отсчитать восемьдесят эскудо, а капитаны вручили свои шестьдесят. Паломники уже готовы были отдать свои жалкие крохи, но Роке попросил их не беспокоиться и, обратившись к своим людям, сказал:

— Каждый из вас получит из этих денег по два эскудо, а из тех двадцати, что остаются, десять мы отдадим паломникам, а другие десять — оруженосцу этого рыцаря, чтобы он помянул добрым словом это приключение.

Затем Роке принесли письменные принадлежности, и он написал для путников охранную грамоту. Попрощавшись с пленниками, он отпустил их на свободу, и они продолжали свой путь, восхищенные благородством, изящным видом и необычайностью поступков разбойничьего атамана.

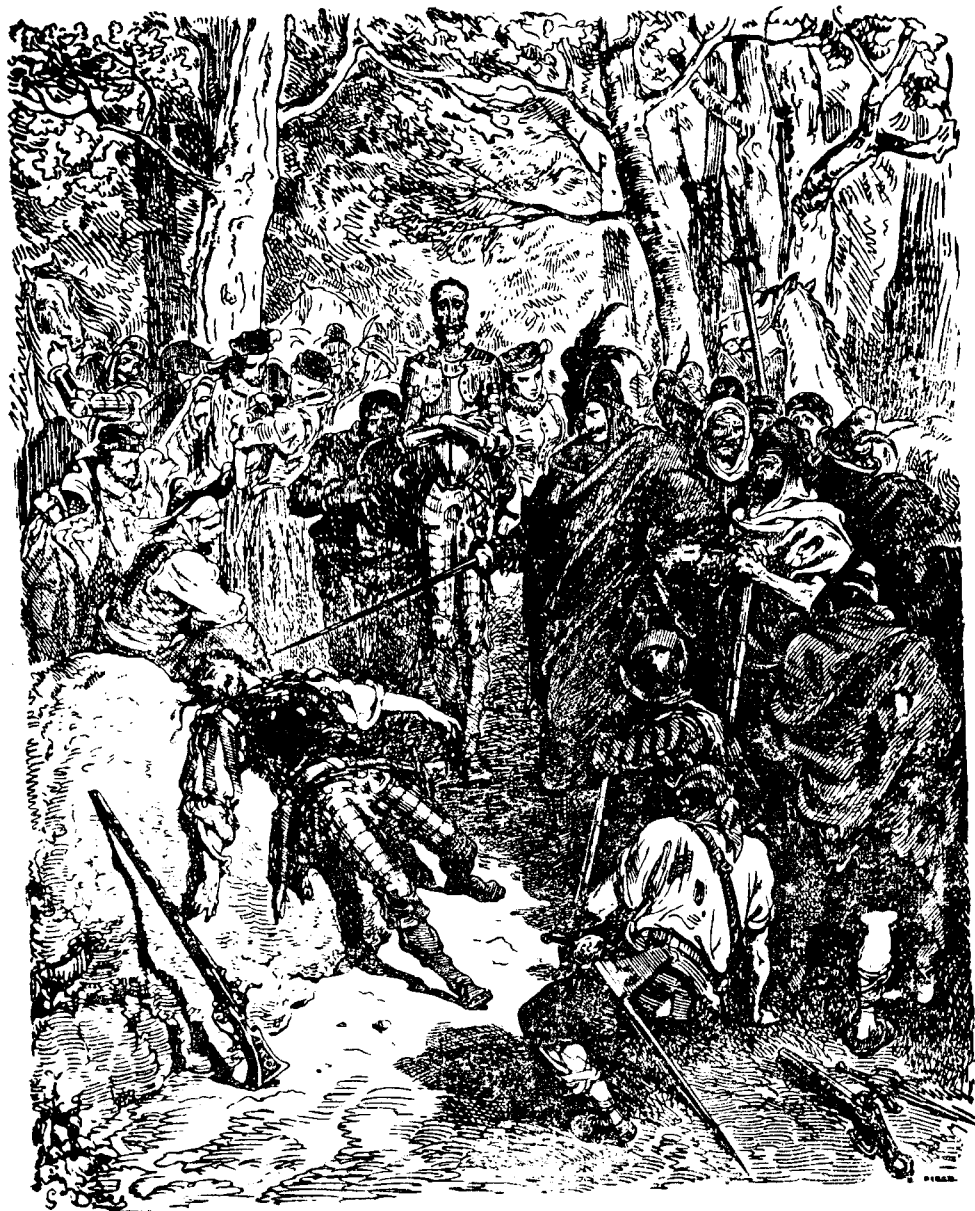
— Нашему капитану скорее пристало быть монахом, чем разбойником, — пробормотал один из оруженосцев, обращаясь к своим товарищам. — Если он хочет быть щедрым, так пусть великодушиничает за свой собственный счет.

Несчастный произнес это довольно громко, и Роке его услышал. Выхватив меч, он раскрыл дерзкому голову, воскликнув:

— Вот как я наказываю наглецов, не умеющих держать язык на привязи!

Все опешили от ужаса. Никто не посмел вымолвить ни слова: в такой покорности держал их атаман.

Отойдя в сторону, Роке написал письмо своему приятелю в Барселоне. В письме он извещал, что встретился со знаменитым дон Кихотом Ламанчским, тем самым странствующим рыцарем, о котором столько рассказывают. Роке прибавлял еще, что это — самый забавный и вместе с тем самый рассудительный

человек на свете, и обещал через четыре дня, а именно в праздник святого Иоанна Крестителя, доставить его в полном вооружении, верхом на Росинанте, вместе с его оруженосцем Санчо Пансой, на набережную Барселоны.

Это письмо Роке вручил одному из своих оруженосцев, а тот, сбросив разбойничий наряд и надев крестьянское платье, пробрался в Барселону и передал его по назначению.

Покончив со всеми делами, Роке пригласил дон Кихота следовать за собой, объявив, что считает его своим гостем. Три дня провел наш рыцарь у атамана. Но если бы он прожил у него триста лет, то и тогда не перестал бы удивляться образу жизни разбойников. Проснувшись в одном месте, они завтракали уже в другом; то они бежали, сами не зная от кого, то поджидали, сами не зная чего. Непрестанно они рассылали разведчиков, выслушивали донесения дозорных, раздували фитили аркебуз, хотя аркебуз-то у них было мало, и большинство было вооружено кремневыми пистолетами. Сам Роке часто исчезал неизвестно куда. Он постоянно скрывался от своих оруженосцев в каких-то неизвестных тайниках и убежищах, никому из них неизвестных. В указах барселонского вице-короля за голову Роке была объявлена крупная награда, и ему приходилось вечно быть настороже: атаман опасался, что собственные приспешники могут убить его или выдать правосудию, — поистине, жалкая и убогая жизнь.

Наконец, заброшенными дорогами, тайными и окольными тропинками Роке с дон Кихотом, Санчо и шестью оруженосцами пробрались в Барселону. Они прибыли на набережную в ночь праздника святого Иоанна. Тут Роке обнял дон Кихота и Санчо (которому он только теперь отдал обещанные десять эскудо) и расстался с ними, обменявшись тысячью взаимных любезностей и предложений услуг.

Роке ушел, а дон Кихот, не сходя с Росинанта, стал дожидаться рассвета. И, действительно, вскоре на востоке занялась заря, и в то же самое мгновение слух путников порадовали доносившиеся, видимо из города, звуки множества гобоев и барабанов, звон бубенчиков и крики скороходов, возглашавших: «Эй, расступись! Дорогу! Дорогу!» Меж тем Аврора уступила место

солнцу, лик которого, чуть-чуть побольше маленького щита, понемногу начал показываться над горизонтом.

Теперь взорам дон Кихота и Санчо открылось море, которого они до сих пор никогда не видали. Море показалось им огромным и необъятным, — куда больше лагун Руидеры их родной Ламанчи. Около набережной стояли галеры. Тысячи значков и флагов развевались на них, лаская своим легким прикосновением воду; с галер доносились звуки рожков, труб и гобоев, оглашавших воздух нежными или воинственными напевами. Внезапно галеры пришли в движение; они меняли свой ход, то приближались друг к другу, то снова удалялись, изображая нечто вроде морского сражения; а на берегу появилось множество роскошно одетых всадников на прекрасных конях. Солдаты на галерах все время стреляли из мушкетов, им отвечали отряды, разместившиеся на городских стенах; тяжелая артиллерия сотрясала воздух своими грозными раскатами, на которые отвечали палубные пушки с галер. Веселое море, ликующая земля, прозрачный воздух, лишь изредка заволакиваемый пушечным дымом, — все это рождало внезапную радость в душах людей. Санчо, разинув рот, глядел на маневрировавшие галеры, не понимая, как эти морские гиганты могли двигаться с такой быстротой.

Тем временем несколько блестящих, прекрасно одетых всадников с гиканьем и шумными возгласами подъехало к тому месту, где стоял смущенный и изумленный дон Кихот. Один из них, тот самый, что получил письмо от Роке, громким голосом сказал дон Кихоту:

— Добро пожаловать в наш город, слава, маяк, путеводная звезда и компас странствующего рыцарства! Добро пожаловать, доблестный дон Кихот Ламанчский!

Дон Кихот не ответил на это ни слова, да всадники и не ждали от него ответа. Кружась и гарцуя, они устроили настоящую скачку вокруг дон Кихота, который, обратившись к Санчо, сказал:

— Видишь, Санчо, слава о нас дошла до Барселоны. Эти люди нас сразу узнали.

Тут всадник, который приветствовал дон Кихота, снова подошел к нему и сказал:

— Соболаговолите, ваша милость сеньор дон Кихот, послеловать за нами: мы все — покорные слуги вашей милости и добрые друзья Роке Гинарта.

Дон Кихот на это ответил:

— Если великодушный Роке Гинарт — ваш добрый друг, сеньор кабальеро, то ваша учтивость — родная дочь или близкая родственница учтивости этого благородного человека. Ведите же меня, куда желаете, ибо у меня нет другой воли, кроме вашей, особенно, если дело клонится к тому, чтобы услужить вам.

На это всадник ответил дон Кихоту не менее изысканной речью. Его спутники окружили нашего рыцаря и под звуки го-боев и барабанов направились с ним к городу.

Дон Кихот и Санчо под звуки все той же музыки торжественно проехали по главным улицам, толпа народа провожала их удивленными взорами, а уличные мальчишки бежали сзади, выкрикивая разные забавные шутки. Наконец они достигли великолепного, просторного дома, принадлежавшего кабальеро, столь любезно встретившему наших друзей на набережной. Кабальеро этот, повидимому, был очень богат и знатен; имя его было дон Антонио Морено.

Залучив к себе дон Кихота, дон Антонио стал придумывать, как бы заставить нашего рыцаря позабавнее выказать свое безумие. Однако ему не хотелось, чтобы дон Кихот потерпел при этом какой-нибудь ущерб или почувствовал обиду. Он знал, что плоха та шутка, от которой у другого кости болят, и мало похвальна та забава, от которой у другого желчь разливается. Поэтому он решил обдумать хорошенько, как все это устроить, а пока предложил дон Кихоту снять доспехи и освежиться после долгой дороги. Когда дон Кихот исполнил совет своего нового друга и немножко отдохнул, дон Антонио вывел его на балкон своего дома, выходивший на одну из самых больших улиц города, на показ всему народу и мальчишкам, глазевшим на него, как на обезьяну. И снова перед дон Кихотом начали гарцовать разряженные всадники, словно они разделились для него одного, а не для того, чтобы украсить собою праздник. Санчо был в полном восторге; ему казалось, что каким-то волшебством он снова перенесен в герцогский замок.

В этот день у дон Антонио обедало несколько его друзей, и все они оказывали величайший почет дон Кихоту, обращаясь с ним, как со странствующим рыцарем; а тот не помнил себя от гордости, тщеславия и удовольствия. Шутки Санчо были настолько удачны, что ему так и смотрели в рот не только слуги, но и все остальные слушатели: Когда общество уселось за стол, дон Антонио сказал Санчо:

— Слыхали мы, милый Санчо, будто вы так любите сладкий курник и фрикадельки, что, набив себе желудок, остальное прочете себе за пазуху про запас.

— Нет, сеньор, это неправда, — ответил Санчо, — я человек очень опрятный и совсем не обжора. Мой господин, дон Кихот, может подтвердить, что иной раз мы питались целую неделю пригоршней желудей или орехов. Оруженосцу странствующего рыцаря подчас крутенько приходится. И кто же осудит меня, если я, получив коровку, бегу за веревкой, — я хочу сказать, — ем все, что мне подают. Но если кто скажет, что я нсряха и обжора, то он сделает большую ошибку, — я бы и покрепче сказал, кабы не мое уважение к присутствующим здесь особам.

— Поистине, — сказал дон Кихот, — похвала опрятности и умеренности, проявляемым Санчо за едой, достойна быть вырезанной на бронзовых таблицах для увековечения в памяти грядущих поколений. Правда, когда он голоден, он может показаться несколько прожорливым, так как ест он тогда проворно и работает обеими челюстями; но опрятность он всегда соблюдает, и когда он был губернатором, то даже виноград и гранаты ел вилкой.

— Как! — воскликнул дон Антонио. — Санчо был губернатором?

— Да, — ответил Санчо, — я был губернатором острова Баратарии. Десять дней я управлял им в свое полное удовольствие; за эти десять дней я утратил душевный покой и научился презирать всякие губернаторства; я сбежал оттуда, провалился в подземелье, где едва не погиб, и спасся только чудом.

Дон Кихот подробно рассказал всю историю губернаторства Санчо, чем доставил своим слушателям большое наслаждение.

В тот же вечер дон Кихоту предложили проехать по городу, без доспехов, в домашнем платье и длинном плаще из рыжего сукна, таком теплом, что под ним вспотел бы даже лед. Слугам был отдан приказ всячески занимать Санчо, чтобы удержать его дома. Дон Кихот ехал не на Росинанте, а на высоком муле в богатой сбруе. На рыцаря надели плащ, а сзади, незаметно для него, прикрепили пергамент, на котором крупными буквами было написано: «Дон Кихот Ламанчский». Во время прогулки надпись эта неуклонно привлекала внимание прохожих, которые читали вслух «дон Кихот Ламанчский». Слыша это, дон Кихот радовался и изумлялся, что столько людей называют его по имени, словно хорошо его знают. Обратясь к дон Антонио, который ехал с ним рядом, он сказал:

— Смотрите, сеньор дон Антонио, какая слава сопутствует странствующим рыцарям. Достаточно мне было въехать в этот город, чтоб убедиться, что все население, вплоть до мальчишек, знает меня, хотя никогда раньше и не видело!

— Это правда, сеньор дон Кихот, — ответил дон Антонио, — как пламя нельзя спрятать или прикрыть, так и доблести человеческие не могут пребывать в неизвестности; а те доблести, которые приобретаются воинскими подвигами, побеждают и затмевают все остальные.

Только одно маленькое происшествие едва не омрачило этой прогулки. Какой-то кастилец, прочтя надпись на спине дон Кихота, громко воскликнул:

— Чорт бы тебя побрал, дон Кихот Ламанчский! Как это ты добрался сюда, не подохнув от бесчисленных ударов, сылавшихся тебе на спину? Ты ведь полоумный. Если бы ты безумствовал втихомолку, сидя в своем углу, это было бы еще с полбеды; но ты обладаешь способностью сводить с ума и сбивать с толку всех, кто с тобой встречается и разговаривает: достаточно посмотреть на этих сеньоров, которые тебя сопровождают. Возвращайся, безумец, к себе домой. Займись там хозяйством, присматривай за женой и детьми и брось эти дурачества, которые калечат твой мозг и мутят рассудок.

— Ступайте, любезный, своей дорогой, — сказал ему дон Антонио, — и не лезьте с вашими советами, которых не спраши-

вают. Сеньор дон Кихот Ламанчский находится в полном рас-судке, да и мы, его сопровождающие, не дураки. Доблесть всегда заслуживает почета, где бы она ни встретилась. Убирайтесь же к дьяволу и не суйтесь, куда вас не просят!

— Провалиться мне, коль ваша милость не права! — отве-тил кастилец. — Давать советы этому молодцу — то же, что бить кулаком по ножу, но все-таки обидно становится, что светлый ум, которым он обладает, увяз в трясине всяких бредней о стран-ствующем рыцарстве. Но пусть я и все мое потомство уберемся к дьяволу, как выразилась ваша милость, если я отныне (про-живи я даже Мафусайлов век) дам кому-нибудь совет, хотя бы он его и спрашивал!

Советчик удалился, и прогулка продолжалась. Однако под конец вокруг них собралось такое множество мальчишек и вся-кого праздного люда, что дон Антонио принужден был незаметно для дон Кихота снять пергамент с надписью.

Наступила ночь, и все вернулись домой. Там ждал их бал. Жена дон Антонио, сеньора знатного рода, очень веселая, краси-вая и разумная, позвала к себе нескольких своих приятельниц, чтобы они почтили ее гостя и позабавились его невиданным без-умием. Приглашение было принято с радостью, и после рос-кошного ужина, почти уже в десять часов вечера, начались танцы. Среди дам нашлись две большие проказницы и рез-вушки, искусные в изобретении веселых и безобидных шуток. Они до того приставали к дон Кихоту, заставляя его танцевать с ними, что вконец измучили не только его тело, но и душу. Удивительное зрелище представляла эта длинная, костлявая, желтая фигура, неуклюже выделяющаяся па. Дамы старательно ухаживали за ним, а он, сохраняя величайшую учтивость, упорно пытался отделаться от них. Но видя, что они не отстают, наш рыцарь, не выдержав и громко возопил:

— *Fugite, partes adversae!** Оставьте меня в покое. Ищите, сеньоры, других любезников и кавалеров. Владычица моя, не-сравненная Дульсинея Тобосская, не допускает, чтобы мысль о ком-нибудь, кроме нее, овладела мною.

* Сгинь, нечистая сила (церковное заклинание, латынь).

Произнеся эти слова, он в изнеможении опустился на пол среди залы. Дон Антонио вселел на руках перенести его в постель. Санчо тотчас прибежал к нему и, всплеснув руками, воскликнул:

— И зачем это вы пустились в пляс, сеньор хозяин? Неужели же вы думаете, что все храбрецы должны уметь танцевать, а все странствующие рыцари — быть хорошими танцорами? Если вы так думаете, то, поверьте, вы сильно ошибаетесь: есть люди, которым легче убить великана, чем красиво проделать какую-нибудь фигуру. Если бы дело шло о нашей деревенской пляске, я бы мог еще заменить вас, потому что я отплясываю ее, как орел; но в этих барских танцах я ни черта не смыслю.

Своими рассуждениями Санчо сильно насмешил всех гостей. Затем он уложил своего господина в постель и хорошенько его закутал, опасаясь, как бы тот не схватил простуды после своих танцевальных упражнений.

Глава 55,

повествующая о встрече дон Кихота с рыцарем Белой Луны и о том, что последовало за этим.

Через несколько дней после происшествия на балу дон Кихот отправился прогуляться на берег в полном вооружении: он любил повторять, что его наряд — доспехи, а отдых — бой. Рыцарь медленно ехал вдоль набережной, наслаждаясь свежим морским воздухом, как вдруг увидел скачущего ему навстречу рыцаря, точно также вооруженного с головы до ног. На его щите блестело изображение Луны. Приблизившись настолько, чтобы его можно было расслышать, рыцарь обратился к дон Кихоту и громким голосом произнес такие слова:

— О славный, еще никем по достоинству не воспетый рыцарь дон Кихот Ламанчский, знай, что перед тобой — рыцарь Белой Луны. Надеюсь, что слава о моих необычайных подвигах достигла твоих ушей. Ныне я прибыл сюда, чтобы сразиться с тобой и заставить признать, что моя дама, кто бы она ни была, несравненно прекраснее твоей Дульсиныи Тобосской. Если ты немедленно признаешь эту истину, ты избавишь себя от смерти,

меня от труда убивать тебя. Но если ты станешь со мной биться и будешь мною побежден, тебе придется исполнить мою волю: сложить оружие, отказаться от поисков приключений, удалиться в свое селение. Там, не прикасаясь к мечу, ты должен будешь прожить целый год в мирной тишине и благом спокойствии, на пользу твоему хозяйству и спасению твоей души. А если ты победишь меня, тогда ты можешь отрубить мне голову, и вместе с моим конем и доспехами к тебе перейдет слава моих подвигов, которая увеличит твою славу. Подумай, как лучше тебе поступить. Я жду немедленного ответа, ибо решил сегодня же покончить с этим делом.

Дон Кихот был поражен надменностью рыцаря Белой Луны. С горделивым спокойствием и достоинством он сказал:

— О рыцарь Белой Луны, о подвигах которого я доселе не слышал, я готов поклясться, что вы никогда не видели высоко-родной Дульсины; ибо я уверен, что если бы вы ее видели, то остереглись бы вызывать меня на бой; бросив на нее только один взгляд, вы убедились бы, что не было и не может быть на свете красавицы, подобной Дульсине. А потому я не стану говорить, что вы лжете, скажу только, что вы ошибаетесь. Я принимаю ваш вызов и соглашаюсь на все ваши условия, за исключением одного: я не нуждаюсь в славе ваших подвигов, с меня довольно моих собственных. Итак, не будем медлить. Выбирайте любое место на этом поле, и пусть бог решит, на чьей стороне правда.

Между тем несколько кабальеро, проезжавших мимо, обратили внимание на рыцаря Белой Луны и, догадавшись, какая опасность угрожает дону Кихоту, немедленно сообщили об этом дону Антонио. Дон Антонио поспешил на берег и явился на место поединка как раз в ту минуту, когда дон Кихот поворачивал Росипанта, чтобы занять боевую позицию. Увидя, что оба рыцаря готовы ринуться друг на друга, дон Антонио стал между ними и спросил, какие побуждения заставляют их так внезапно вступить в этот опасный бой. Рыцарь Белой Луны ответил, что между ними идет спор о первенстве красоты, и вкратце повторил все то, что сказал дон Кихот, упомянув и условия поединка, принятые обеими сторонами.

— Сеньоры кабальеро, — сказал дон Антонио, — если вы иначе не можете решить ваш спор, если ни вы, сеньор дон Кихот, ни ваша милость, рыцарь Белой Луны, не желаете уступить, то, с божьей помощью, начинайте бой.

После этого наш рыцарь, поручив себя от всей души богу и своей Дульсинее (ибо так он всегда делал, вступая в бой), отскакал немного для разбега, его противник сделал то же самое; и, не дожидаясь звука трубы или другого боевого сигнала к падению, оба в одно и то же время пустили вскачь своих коней. Но конь незнакомца был быстрее Росинанта, и рыцарь Белой Луны налетел на дон Кихота с такой силой, что, не пуская в ход копыта (он, видимо, нарочно поднял его вверх), мгновенно сбил Росинанта с ног, и наш рыцарь вместе с лошадью рухнул на землю.

Рыцарь Белой Луны поспешно спрыгнул с коня, подбежал к дон Кихоту и, приставив копыта к его забралу, воскликнул:

— Вы побеждены, рыцарь, и немедленно умрете, если не согласитесь выполнить условия нашего поединка.

Дон Кихот, помятый и оглушенный падением, не поднимая забрала, слабым и глухим голосом, доносившимся словно из могилы, ответил:

— Дульсинея Тобосская — самая прекрасная женщина в мире, а я — самый несчастный рыцарь на свете — никогда не отрекусь от истины, хотя и бессилён защищать ее. Вонзай свое копыто, рыцарь, и возьми мою жизнь, раз ты отнял у меня честь.

— Этого я ни за что не сделаю, — возразил рыцарь Белой Луны. — Пусть не меркнет слава Дульсинеи Тобосской. Единственное, чего я требую, — это чтобы великий дон Кихот на год удалился в свое селение, согласно условию, заключенному нами перед началом поединка.

Все это слышал дон Антонио и другие кабальеро, там присутствовавшие; слышали они и ответ дон Кихота, который, как подобает честному и добросовестному рыцарю, изъявил согласие выполнить все, что от него потребуют, если только это не помрачит чести Дульсинеи. Получив такое обещание, рыцарь Белой Луны повернул коня и, учтиво поклонившись дон Антонио и собравшимся кабальеро, коротким галопом поскакал в город.

В эту минуту на поле битвы прибежал запыхавшийся Санчо; он не присутствовал при этом злополучном поединке. С помощью двух кабальеро Санчо поднял с земли дон Кихота и открыл его мертвенно бледное лицо. Росинант же получил такие увечья, что не мог двинуться с места. Санчо был потрясен до глубины души, он не знал, что сказать и что делать; ему казалось, что все это происходит во сне, что во всей этой диковине замешано волиебство. Его господин был побежден и обязался целый год не брать в руки оружия. Он видел, что закатился блеск славы великих подвигов, видел, как его собственные упования и надежды на знатность и богатство исчезли и развеялись, как дым.

Дон Антонио велел принести носилки, уложить на них пострадавшего рыцаря и отнести к себе в дом. Сам дон Антонио, томимый желанием узнать, кто такой рыцарь Белой Луны, так жестоко расправившийся с его гостем, поскакал вдогонку за победителем. Ему удалось догнать рыцаря в ту минуту, когда тот слезал с коня около гостиницы. Желая узнать, кто этот незнакомец, дон Антонио вошел вслед за ним. Навстречу рыцарю выбежал слуга и провел рыцаря в залу нижнего этажа; дон Антонио следовал за ними по пятам. Видя, что незнакомый кабальеро не отстает от него, рыцарь Белой Луны сказал:

— Я вижу, сеньор, что вы желаете узнать, кто я; мне незачем скрываться, и я охотно расскажу вам все, пока слуга будет

снимать с меня доспехи. Меня зовут бакалавр Самсон Карраско; я живу в том же селе, что и дон Кихот Ламанчский; его безумие и сумасбродства внушают глубокое сострадание всем, кто его знает, а я один из тех, кого они особенно печалили. Твердо уверенный, что единственное лекарство против его болезни — тихая и спокойная жизнь в деревне, я решил прибегнуть к хитрости, чтобы заставить его сидеть дома. Три месяца тому назад я встретился с дон Кихотом и под именем рыцаря Лееа вызвал его на поединок; побежденный был обязан отдаться на волю победителя. Заранее считая себя победителем, я надеялся взять с него обещание вернуться домой и никуда не выезжать в течение года, предполагая, что за это время он успеет излечиться. Но судьба решила иначе: не я победил его, а он меня, сбросив с лошади, и мой замысел кончился неудачей. Дон Кихот, торжествуя, продолжал свой путь, а я вернулся домой побежденный, пристыженный и порядком пострадавший от своего падения. Однако это не отбило у меня охоты еще раз попробовать свои силы в единоборстве с ним, отыскать его и победить. В нашу деревню приехал с письмами и подарками к жене Санчо Пансы герцогский паж, который подробно рассказал мне о пребывании дон Кихота и его оруженосца в герцогском замке; я поспешил туда и узнал, что рыцарь направился в Барселону на турнир; я последовал за ним, и тут произошло то, чему вы были свидетелем. Так как дон Кихот строго соблюдает рыцарские законы, то я не сомневаюсь, что он сдержит данное им слово. Вот и вся недолгая история, сеньор: к сказанному мне больше нечего прибавить. Но об одном прошу вас: не выдайте меня, не говорите дон Кихоту, кто я такой, дабы исполнилось мое доброе намерение вернуть разум человеку, который обладает им в полнейшей мере, когда он хоть на минуту забывает свои рыцарские бредни.

— Ах, сеньор, — сказал дон Антонио, — да простит вас бог за то, что вы лишаете весь мир самого забавного безумца, стремясь вернуть нашему рыцарю рассудок. Неужели, сеньор, вам не ясно, что польза, которую принесет исцеление дон Кихота, не сравнится с удовольствием, порождаемым его безумием. Впрочем, я уверен, что никакая сила не сможет вернуть рассудка человеку, столь глубоко пораженному безумием; боюсь погрешить

против человеколюбия, но я бы очень желал, чтобы дон Кихот никогда не исцелялся, потому что с возвращением к нему разума мы лишимся не только его чудачества, но и острот его оруженосца Санчо Пансы, которые могут развеселить самого мрачного меланхолика. Однако вы можете быть спокойны, я буду молчать и ничего не скажу дон Кихоту, так как желаю воочию убедиться в том, что все ваши старания ни к чему не приведут.

На это бакалавр ответил, что он придерживается иного мнения и рассчитывает на счастливый исход своей затеи. Затем он простился с дон Антошко, велел нагрузить свои доспехи на мула и на том самом коне, на котором бился с дон Кихотом, уехал к себе домой. В пути с ним не случилось ничего, заслуживающего быть упомянутым в этой правдивой истории.

Шесть дней пролежал дон Кихот в постели, печальный, унылый, мрачный и расстроенный, без конца вспоминая подробности своего злосчастного поражения. Пытаясь утешить его, Санчо ему говорил:

— Господин мой, поднимите голову и постарайтесь развеселиться. Благодарите небо за то, что, упав на землю, вы не поломали себе ребер; помните, ваша милость: где найдешь, там и потеряешь, и не всегда на крючке висит окорок. Покажите фигу доктору (потому что ваша болезнь в нем не нуждается), и вернетесь домой, бросив поиски приключений по неизвестным землям и городам. Конечно, вашу милость здесь порядком потрепали. Однако, здраво рассуждая, я больше всего потерял на этом деле. Ведь, побывав губернатором и утратив вкус к управлению, я не потерял еще охоты сделаться графом. Но, увы, этого никогда не будет, ибо ваша милость, бросив рыцарские странствия, уже не станет королем. Теперь всем моим надеждам суждено развеяться дымом.

— Молчи, Санчо, ты знаешь, что моя ссылка и заточение продлятся только год. После этого я снова вернусь к моему благородному занятию и тогда уж добуду себе королевство, а тебе графство.

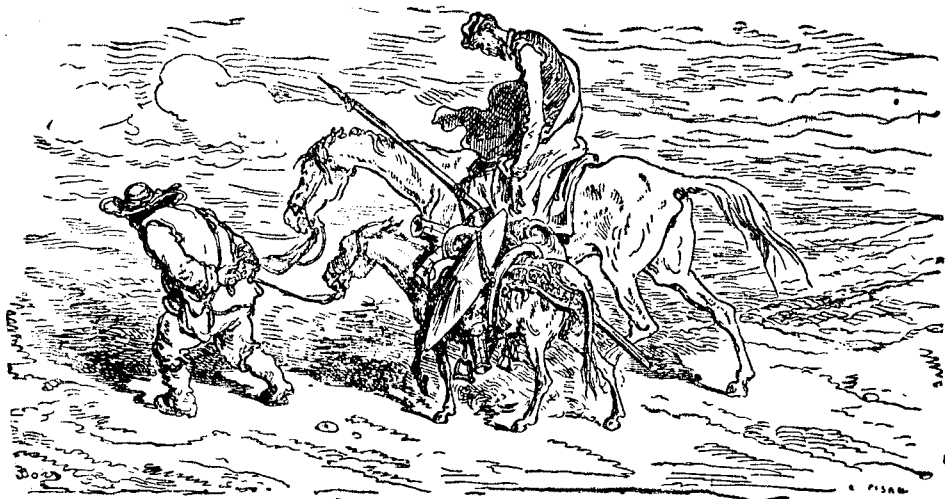
— Да услышит вас бог, — сказал Санчо. — И то правда: не стоит придавать большого значения этим стычкам и потасовкам. Сегодня ты, а завтра я; сегодня вас побили, а завтра вы побьете,

если только не раскиснете так, что не соберетесь о духом для новых трудов.

Так Санчо утешал своего господина.

Медленно поправлялся наш рыцарь от жестоких ушибов, полученных им на злополучном поединке. Дни шли за днями, а он все еще не был в силах сесть на лошадь. Время тянулось для него скучно и уныло, ибо после своего поражения он избегал общества и мрачно сидел у себя в комнате. Но наконец он окреп настолько, что мог выдержать путешествие домой. Поблагодарив дон Антонио, наш рыцарь поспешил оставить Барселону; сам он уехал без оружия, в дорожном платье; доспехи его были взвалены на осла, а бедному Санчо пришлось идти пешком.

Глава 56

о том, что случилось с дон Кихотом и Санчо Пансой по дороге в их деревню.

Покидая Барселону, дон Кихот обернулся, чтобы посмотреть на то место, где его сбросили с коня, и воскликнул:

— Здесь была моя Троя.⁹⁵ Не трусость, а злая судьба похитила здесь у меня приобретенную рансе славу. Здесь Фортуна показала мне все свое непостоянство, здесь затмился блеск моих подвигов; короче говоря, здесь затмилась моя звезда, чтобы никогда более не воссиять.

Услышав это, Санчо сказал:

— Человеку мужественному, сеньор мой, подобает столь же терпеливо переносить бедствия, как и радоваться счастью. Сужу об этом по себе: когда я был губернатором, я чувствовал себя ве-

слым, да и теперь, став пешим оруженосцем, не слишком печалюсь. Слышал я, что особа, называемая Фортуной, баба безрасудная и взбалмошная, да притом еще слепая, так что сама не видит, что делает, и не знает, кого она унижает и кого возвышает.

— Ты большой философ, Санчо, — ответил дон Кихот, — и рассуждаешь очень здраво. Не знаю, кто тебя научил этому. Скажу тебе только, что не Фортуна, то есть слепой случай, царит в мире, нет, все — и доброе и злое — совершается по особому предопределению неба. Недаром существует поговорка: каждый из нас кузнец своего счастья. Я тоже был кузнецом своего счастья; но при этом я не выказал должного благоразумия, и чрезмерная самонадеянность довела меня до беды. Я должен был сообразить, что мой тонкий Росинант не устоит против могучего коня рыцаря Белой Луны. Но я дерзнул принять бой; конечно, я сделал все, что мог, и все же был выбит из седла; но, хотя я утратил честь, я не утратил и никогда не утрачу верности данному мною слову. Когда я был смелым и доблестным странствующим рыцарем, моя рука и мои подвиги явно показывали, каковы мои дела, а теперь, когда я снова стал простым идалго, я покажу, что значит мое слово, выполнив взятое на себя обязательство. Итак, вперед, друг мой Санчо. Поспешим скорее домой!

— Сеньор, — сказал Санчо, — не очень-то поспешишь, когда шагаешь пешком. Давайте, отряхнем с себя прах рыцарства и повесим эти доспехи на какое-нибудь дерево. Когда я сяду на спину серого и отделю ноги от земли, мы сможем совершать такие переходы, какие ваша милость пожелает и прикажет; но ждать, чтобы я, плетясь пешком, не отставал от вас, — значит требовать от меня невозможного.

— Ты прав, Санчо, — сказал дон Кихот, — повесим мои доспехи на дерево в виде трофея, а под ними вырежем на коре такую же надпись, какая была начертана под доспехами Роланда:

... Коснуться их достоин

Лишь доблестью Роланду равный воин.

— Вот золотые слова, — промолвил Санчо. — Если бы Росинант не был нам нужен для путешествия, я бы предложил вместе с доспехами подвесить и его.

— Нет, я не хочу отрекаться ни от него, ни от моих доспехов, — воскликнул дон Кихот. — Пусть никто не посмеет сказать, что я плохо плачу за верную службу.

— Это вы правильно заметили, ваша милость, — сказал Санчо. — Умные люди говорят, что не следует казнить седло за вину осла; а так как во всем случившемся виновата ваша милость, то и наказывайте самого себя, а не вымещайте своего гнева ни на этих избитых и окровавленных доспехах, ни на кротком Росинанте, ни на моих бедных ногах, требуя, чтобы они шагали быстрее, чем они могут.

В таких речах и беседах прошел весь день, а за ним и следующие четыре. На пятый день, проезжая какое-то село, они увидели у дверей гостиницы большую толпу людей. Когда дон Кихот подъехал к ним, какой-то крестьянин громко сказал:

— Пусть эти сеньоры, которые только что приехали и никого здесь не знают, рассудят наш спор.

— Я охотно это сделаю, — ответил дон Кихот, — и постараюсь вынести справедливое решение.

— Вот в чем дело, почтенный сеньор, — сказал крестьянин. — Один толстяк из нашего села вызвал на состязание своего соседа, человека очень тощего. Первый весит одиннадцать арроб, а второй только пять арроб. По условию они должны пробежать ровно сто шагов с одинаковым грузом за плечами. Но перед самым состязанием толстяк потребовал, чтобы противник взвалил на себя шесть арроб железа, с него же будет довольно его собственного брюха.

— Это вздор, — вмешался тут Санчо, прежде чем дон Кихот успел вымолвить слово. — Позвольте мне как бывшему судье и губернатору разрешить ваши сомнения и вынести приговор.

— Говори, в добрый час, мой друг Санчо, — сказал дон Кихот. — Я ни на что сейчас не гожусь, у меня сейчас в голове все перепуталось.

Получив это разрешение, Санчо обратился к крестьянам, которые столпились вокруг него, разинув рты.

— Братцы! В том, чего требует толстяк, нет ни смысла, ни справедливости. Выбор оружия принадлежит вызванному на бой; значит, вызвавший не может навязывать ему никаких усло-

вий. Поэтому мое решение таково: пусть толстяк, вызвавший тощего, подчистит, подскоблит, пригладит, подрежет и сократит себя по собственному своему выбору и желанию так, чтобы убавить у себя мяса на шесть арроб. Тогда он сравняется со своим противником, весящим пять арроб, и они могут бежать на равных условиях.

— Чорт побери! — вскричал один крестьянин, выслушав приговор Санчо. — Этот сеньор рассуждает, как святой, и решает дела, как каноник! Но только наверное толстяк не захочет снять с себя даже унции мяса, не то что шесть арроб.

— Тогда лучше всего им вовсе не затевать этого бега, — заявил другой крестьянин, — если тощий не хочет надорваться под своим грузом, а толстяк — кромсать себя; пусть половина заклада пойдет на вино; отправимся в хорошую таверну, пригласим этих сеньоров, и делу конец.

— Благодарю вас, сеньоры, — сказал дон Кихот, — но я не могу задерживаться здесь ни на минуту; печальные обстоятельства и грустные мысли заставляют меня быть невежливым и торопиться в путь.

И, пришпорив Росинанта, он поехал дальше. Крестьяне, разинув рты, глядели ему вслед. Они были одинаково изумлены как странной внешностью дон Кихота, так и мудростью Санчо.

Эту ночь господин и слуга провели под открытым небом.

На рассвете они двинулись дальше. Путь их лежал по прекрасной долине, где среди тенистых деревьев тихо журчал ручеек. Дон Кихот остановился и долгое время задумчиво любовался чудной картиной сельской природы. Затем он воскликнул:

— Слушай, Санчо. Мне пришла в голову счастливая мысль. Сделаемся на время нашего искуса мирными пастухами и возродим здесь нравы древней Аркадии. Я куплю несколько овец и все необходимое для пастушеской жизни, назовусь пастухом Кихотисом, а ты пастухом Пансино; мы будем бродить по горам, лесам и лугам, распевая песни и вздыхая о наших возлюбленных. Жажду мы будем утолять жидким хрусталем источников, прозрачных ручейков и многоводных рек. Дубы щедрою рукою отпустят нам свои сладчайшие плоды, ивы дадут нам тень, розы — свой аромат, луна и звезды — свой свет, побеждающий ночную тьму, песни — радость, а слезы — отраду.

— Чорт возьми! — вскричал Санчо. — Вот такая жизнь мне по нраву и по вкусу. И я уверен, что стоит только бакалавру Карраско и мастеру Николасу, цырюльнику, услышать про нашу новую затею, как им сразу захочется присоединиться к нам и стать пастухами. Да и нашего священника, чего доброго, тоже возьмет охота вступить в нашу компанию; ведь он большой весельчак и любит удовольствия.

— Ты прав, Санчо, — сказал дон Кихот, — бакалавр Самсон Карраско, если он примет пастушеское звание, — а я уверен, что он это сделает, — может назваться пастухом Самсоново или Каррасконом, а цырюльник Николас — пастухом Николосо; для священника мы тоже придумаем какое-нибудь имя, подходящее его сану, например, Курнамбро. Найти имена для пастушек, в которых мы будем влюблены, нам так же легко, как нарвать груш с дерева. К тому же имя моей сеньоры одинаково подходит как для принцессы, так и для пастушки, так что мне незачем

ломать голову, стараясь приискать лучшее, а для своей пастушки, Санчо, ты сам выберешь, какое пожелаешь.

— Я назову ее, — ответил Санчо, — Тересоной. * Это прозвище близко к ее настоящему имени и подойдет к ее толщине. Священнику, по-моему, не следует заводить пастушки, чтобы не подавать дурного примера. Ну, а бакалавр пусть поступает, как ему заблагорассудится.

— Ах, и славно, — воскликнул дон Кихот, — мы заживем с тобой, Санчо! Сколько кларнетов, сколько заморских волюнок, сколько тамбуринов, бубен и флейт будут улаживать наш слух. Но, кроме музыки, мы будем улаживать свои досуги и поэзией. Я, как тебе известно, могу писать стихи, а бакалавр Карраско — тот уж настоящий поэт. О священнике я ничего не могу сказать, но готов биться об заклад, что и у него есть вкус к стихотворству. Не сомневаюсь, что и друг наш Николас кое-что смыслит в этом деле. Все цырюльники мастера бренчать на гитаре да распевать песенки. Я буду оплакивать разлуку, ты станешь воспевать свое постоянство, пастух Карраскон — холодность возлюбленной; священник Куриамбро сам подыщет себе подходящую тему. Словом, все устроится так, что лучше и желать невозможно.

На это Санчо ответил:

— Боюсь только, сеньор, что не дожждаться мне этой прекрасной жизни; уж очень я несчастливый человек. А как бы хорошо мы зажили с вами! Ах, сколько деревянных ложек я бы вырезал, если бы стал пастухом! Сколько бы у нас было клецок, сливок, венков и всякой пастушеской требухи! Тут уж наверное я бы прослыл если не умником, то большим ловкачом. Моя дочь Санчика приносила бы нам обед в поле.

В таких разговорах и мечтах о пастушеской жизни дон Кихот и Санчо Панса подвигались вперед до тех пор, пока их не застигла ночь. Тогда они свернули с большой дороги и расположились в тенистой роще. Поужинав чем бог послал, наши друзья улеглись под деревьями. Санчо, как обычно, мгновенно погру-

* Тересона (Teresona) — увеличительное от имени Тереса — Тересища.

S. J. May

H. PIRAN

зился в крепкий сон, свидетельствовавший о его добром здравьи и отсутствии забот. Но дон Кихот никак не мог заснуть. Мучительные мысли не давали ему покоя. Наконец он не выдержал и разбудил Санчо.

— Меня удивляет, Санчо, — сказал он, — твой беспечный характер. Ну право же, ты сделан из мрамора или из твердой бронзы. Я бодрствую, а ты спокойно спишь; я плачу — ты поешь песни; я изнуряю себя постом — ты еле дышишь, наевшись до отвала. Доброму слуге подобает хотя бы из приличия разделять страдания и горе своего господина. Взгляни на тишину этой ночи, на это уединение; они зовут нас прервать сон и немного пободрствовать. Встань, ради бога, отойди в сторону и нанеси себе с достойным мужеством триста или четыреста ударов в счет тех, которые тебе полагаются для освобождения Дульсины. Прошу тебя и умоляю, ибо не хочу, как в прошлый раз, прибегать к насилию и снова изведать тяжесть твоей руки. А после того как ты постегнешь себя, мы проведем остаток ночи в пении; я буду петь о разлуке с милой, ты — о своем постоянстве; этим мы положим начало той пастушеской жизни, которую будем вести у себя в деревне.

— Сеньор, — ответил Санчо, — я не монах, чтобы прерывать свой сон, вставать и заниматься истязанием илоти, но еще труднее, мне кажется, от порки сразу же перейти к музыке. Не мешайте мне, ваша милость, спать и не приставайте ко мне с этим бичеванием. Не то я дам клятву, что никогда не прикаснусь даже к волоску на моем платье, не то что на теле.

— О черствая душа! О бессердечный оруженосец! Вот благодарность за хлеб, которым я кормил тебя, и за милости, которые я расточал тебе и намеревался расточать и впредь. Благодаря мне ты стал губернатором и благодаря мне питаешь надежду сделаться графом или получить какой-нибудь другой, не менее высокий титул.

— Я знаю, сеньор, только одно, — сказал Санчо, — когда я сплю, я не знаю ни страха, ни надежд, ни трудов, ни блаженства; спасибо тому, кто изобрел сон — этот плащ, покрывающий все людские мысли, эту пищу, прогоняющую голод, эту воду, уто-

ляющую жажду, этот огонь, согревающий стужу, этот холод, умеряющий жар, одним словом, эту единую для всех монету, эти единые веса, равняющие пастуха и короля, дуралея и мудреца. Одним только плох крепкий сон: говорят, что он очень смахивает на смерть и что разница между спящим и мертвым не слишком велика.

— Никогда еще, Санчо, — сказал дон Кихот, — ты не произносил такой изящной речи. Это только подтверждает пословицу, которую ты любишь повторять: не с тем, с кем родился, а с тем, с кем кормился.

— Ага, сеньор хозяин! — воскликнул Санчо. — Теперь уже не я нанизываю пословицы: они слетают с уст вашей милости не хуже, чем у меня. Правда, разница в том, что ваши пословицы приходится кстати, а мои — ни к селу ни к городу, но как-никак и те и другие — пословицы.

В эту минуту они услышали какой-то глухой и неприятный шум, разносившийся по окрестным долинам. Дон Кихот вскочил

на ноги и схватился за меч, а Санчо залез под серого и загоролдился с боков грудюю доспехов и ослиным седлом. Оруженосец был настолько же испуган, насколько его господин взволнован. Шум все усиливался, приближаясь к путникам. А дело было в том, что несколько человек гнало в этот ночной час на ярмарку шестьсот с лишним свиней; эти животные производили такой шум, что дон Кихот и Санчо, не понимавшие, откуда он происходит, были совсем оглушены. Огромное хрюкающее стадо налетело на наших друзей и, не выказав к ним никакого уважения, опрокинуло дон Кихота вместе с Росинантом, потоптало Санчо, серого, седло и доспехи нашего рыцаря. Кое-как поднявшись с земли, взбешенный Санчо попросил у своего господина меч; он непременно хотел заколоть с полдюжины невежливых сеньор свиней, ибо он успел разглядеть этих дерзких возмутителей его покоя. Но дон Кихот сказал:

— Оставь их, мой друг. Они тут ни при чем. Этот позор послан мне в наказание за мой грех. Такова справедливая кара небес; на побежденного странствующего рыцаря набрасываются самые низкие существа: его грызут шакалы, жалят осы и топчут свиньи.

— Должно быть, и оруженосцев странствующих рыцарей постигает небесная кара: только их кусают мухи, едят виш и терзает голод. И это величайшая несправедливость. Ведь если бы мы, оруженосцы, были сыновьями странствующих рыцарей или их близкими родственниками, ну тогда пусть бы карали нас за их вину, вплоть до четвертого поколения. Но что общего у Пансы с дон Кихотом? Ну, да ладно, давайте приляжем где-нибудь и проспим остаток ночи. Бог даст, утром дела наши поправятся.

— Спи, Санчо, — ответил дон Кихот, — спи, ты создан для спанья. Но я создан для того, чтобы бодрствовать, и предамся моей тоске. Я изолью ее в стихах, посвященных моей даме.

— Мне кажется, — сказал Санчо, — что тоска, которая изливается в стихах, не должна быть особенно тяжелой. Распевайте себе, ваша милость, сколько вам заблагорассудится, а я посплю, сколько мне удастся.

И отмерив себе на голой земле столько места, сколько ему было угодно, он свернулся клубочком и тотчас же заснул крепким сном. Доброго Санчо не тревожили, видно, мысли о долгах, поручительствах или иных заботах. А дон Кихот, прислонившись к стволу дерева, предался сочинению стихов; каждую новую строчку он произносил, тяжело вздыхая и проливая слезы, как человек, сердце которого разрывается при мысли о недавнем поражении и разлуке с милой.

Но вот наступил день, и солнечные лучи ударили в глаза Санчо; он потянулся и расправил свои ленивые члены. Увидев, какое опустошение свиньи произвели в его запасах, он хорошенько выругал жадных животных и тех, кто их гнал. Затем господин и слуга снова пустились в путь.

Дон Кихот ехал мрачный и унылый. Воспоминание о недавнем поражении угнетало его душу, но больше всего мучила его мысль, что дело с освобождением сеньоры Дульсины слишком медленно подвигается вперед. Наконец он обратился к своему оруженосцу с такой речью:

— Я вижу, Санчо, по своей доброй воле ты никогда не решишься подвергнуть себя бичеванию ради освобождения Дульсины. Принудить тебя к этому силой я не имею права. Но, может быть, корысть побудит тебя терпеливо вынести положенные удары. Я готов вознаградить тебя за самобичевание. Правда, я не уверен, что снятие чар может быть куплено за деньги. Я не хотел бы, чтобы награда помешала действию лекарства. Но все-таки, мне думается, — мы ничего не потеряем, если попробуем. Решай, Санчо, сколько ты хочешь получить, и сейчас же начинай бичевать себя. А после ты сам себе заплатишь наличными, потому что все мои деньги хранятся у тебя.

При этом предложении Санчо вытаращил глаза и широко развесил уши. Решив в душе добросовестно отстегать себя, он сказал дон Кихоту:

— Ну ладно, сеньор, я, так и быть, согласен услужить вашей милости и исполнить ваше желание себе на пользу. Любовь моя к жене и детям вынуждает меня быть корыстолюбивым. Скажите же, ваша милость, сколько вы заплатите за каждый удар, который я себе нанесу.

— Если бы я хотел наградить тебя, Санчо, — сказал дон Кихот, — сообразно с достоинством и величием цели, ради которой ты предпримешь этот подвиг, то всех сокровищ Венеции нехватило бы, чтобы заплатить тебе. Прикинь, сколько у тебя моих денег, и сам назначь плату за каждый удар.

— Всего, — сказал Санчо, — мне полагается три тысячи триста с лишком ударов; из них я уже дал себе пять. Отнесем эти пять ударов за счет «лишка»; остается, следовательно, три тысячи триста. Если оценить каждый удар в один куартильо (а меньше я не возьму, хотя бы весь мир меня упрасивал), то это составит три тысячи триста куартильо; три тысячи куартильо — это тысяча пятьсот полуреалов, то есть семьсот пятьдесят реалов, а триста куартильо составляют сто пятьдесят полуреалов, иначе говоря, семьдесят пять реалов; всего, значит, получается восемьсот двадцать пять реалов. Эту сумму я вычту из денег вашей милости и вернусь домой богатый и веселый, хотя и здорово избитый. Но делать нечего: не замочив штанов, форели не поймашь.

— О мягкосердечный Санчо! О возлюбленный мой Санчо, — воскликнул дон Кихот. — После этого я и Дульсинея будем всю жизнь благословлять твое имя. Когда к ней возвратится утраченный ею облик, для нас наступят дни величайшего блаженства. Решай же, Санчо, когда ты начнешь бичевать себя. Чтобы ускорить дело, я прибавлю тебе еще сто реалов.

— Когда начну? — ответил Санчо. — Да не позже, чем этой ночью. Позаботьтесь только, ваша милость, чтобы мы провели сегодняшнюю ночь под открытым небом, в поле; а я уж себя не пощажу.

Наступила ночь, которой дон Кихот ждал с величайшим нетерпением; ему казалось, что солнце никак не может склониться к западу и день тянется дольше обычного. Наконец они вьехали в прелестную рощицу, расположенную поодаль от дороги; там, освободив Росинанта от седла, а серого от вьюка, они растянулись на зеленой травке и подкрепились провизией, какая нашлась у Санчо. После этого Санчо, сделав из узды Росинанта и недоуздка серого крепкую и гибкую плетъ, отошел шагов на двадцать от своего господина под тень буковых де-

ревяев. Видя, как бодро и решительно он идет, дон Кихот сказал:

— Смотри, мой друг, не изорви себя в куски; останавливайся после каждого удара, не торопись, чтобы на полдороге у тебя не занялось дыхание. Я боюсь, как бы ты не перестарался и не лишил себя жизни раньше, чем примешь все положенные удары. А чтобы ты не проиграл игры из-за одного лишнего или недостающего очка, я буду стоять поблизости и считать на моих четках наносимые тобою удары. Да поможет тебе небо, как этого заслуживает твое благое намерение.

— Хорошему плательщику никакой залог не страшен, — ответил Санчо. — Я буду бить себя больно, но не до смерти: ведь больше ничего не требуется.

Затем он обнажился до пояса и, схватив плетъ, принялся хлестать себя, а дон Кихот начал считать удары. Санчо хлестнул себя раз шесть или семь, но тут ему показалось, что он продешевил. Приостановившись на минуту, он объявил дон Кихоту, что ошибся в расчете и что за каждый такой удар следует платить не по кuartилью, а по полреала.

— Продолжай, друг мой Санчо, не смущайся, — сказал дон Кихот, — я заплачу тебе вдвое.

— Если так, — ответил Санчо, — то помогай бог. Сейчас удары градом посыплются.

Но хитрец перестал бичевать себя, а принялся хлестать по деревьям; от времени до времени он выпускал такие тяжелые вздохи, что, казалось, с каждым из них его душа улетала из тела. Дон Кихот начал серьезно опасаться, как бы Санчо и впрямь себя не прикончил, погубив своей неосторожностью все его надежды. Выждав еще немного, он сказал плуту:

— Ради бога, друг мой, прерви это занятие. Это лекарство очень сурово и требует передышки. Ты уже нанес себе, если я только не ошибся в счете, более тысячи ударов; довольно пока: уж на что, грубо выражаясь, вынослив осел, а ведь и его нельзя нагружать свыше меры.

— Нет, нет, сеньор, — ответил Санчо, — я не хочу, чтобы про меня сказали: «денежки получил — и руки сложил». Отой-

дите подальше, ваша милость, и не мешайте мне нанести себе еще тысячу ударов. Таким образом мы в два приема покончим с этим делом.

— Ну, раз у тебя такие добрые намерения, — сказал дон Кихот, — да благословит тебя бог. Продолжай свое дело, а я отойду и сторонку.

Санчо возобновил свое занятие с таким жаром и так жестоко себя бичевал, что содрал кору с множества деревьев. Наконец, нанеся отчаянный удар по боковому дереву, он громко закричал:

— Конец мне — пришла моя смерть!

Услышав жалобный возглас Санчо, дон Кихот подбежал к нему и, выхватив из его рук узду, заменявшую плетъ, сказал:

— Да не допустит бог, друг мой Санчо, чтобы в угоду мне ты лишился жизни. Она нужна твоей жене и твоим детям. Пусть Дульсинея потерпит еще немного, а я удовольствуюсь надеждой на скорое завершение этого дела и подожду, пока ты наберешься новых сил. Все должно кончиться к общему благополучию.

— Если ваша милость сеньор мой этого желает, — ответил Санчо, — я согласен. Набросьте, пожалуйста, мне на плечи ваш плащ; я вспотел и не хотел бы простудиться, как это бывает с бичующимися в первый раз.

Дон Кихот прикрыл своим плащом Санчо, оставшись сам в одном камзоле. Хитрец завернулся в плащ покрепче и проспал до тех пор, пока его не разбудило солнце. Наши путники снова пустились в дорогу и остановились только тогда, когда прибыли в какое-то село. Они спешили около гостиницы; к удивлению Санчо, дон Кихот не принял ее за замок с глубокими рвами, башнями, решетками и подъемным мостом. С тех пор как наш рыцарь потерпел поражение, он стал судить обо всем гораздо более здраво, чем прежде.

Когда они подкрепились пищей и сном, дон Кихот спросил своего оруженосца, не пожелает ли он этой ночью закончить бичевание. И если пожелает, то где это должно совершиться: под крышей или под открытым небом.

— Честное слово, — ответил Санчо, — выполняемое мною дело таково, что мне все равно, где его производить, в доме или среди поля; но все-таки я предпочел бы, чтобы это было под де-

рвьями; поистине, они мои товарищи и помощники в моей работе.

— Ну, хорошо, — сказал дон Кихот. — Теперь ты отдыхай и набирайся сил, а вечером мы двинемся дальше, и в какой-нибудь укромной роще ты нанесешь себе оставшиеся удары.

Санчо согласился и прибавил, что хотел бы покончить с этим делом поскорее, пока железо горячо и пока мельница на ходу, потому что в промедлении часто таится опасность, и бога проси, а молотком стучи; лучше одно «хватай», чем два «ожидай»; и лучше воробей в руке, чем коршун на лету.

— Довольно пословиц, Санчо, ради господа бога! — вскричал дон Кихот. — Говори просто, ясно, толково, как я тебя учил, и ты увидишь, как одним хлебцем ты сто раз наешься.

— Уж и не знаю, право, — ответил Санчо, — что это за напасть такая. Не могу сказать словечка без пословицы, и каждая пословица кажется мне подходящей. Но все же я постараюсь исправиться.

И на этом их разговор прекратился. Весь этот день дон Кихот и Санчо провели в деревне, дожидаясь наступления ночи. Один, чтобы покончить в чистом поле со своим бичеванием; другой, чтобы дожидаться исполнения своих желаний. Наконец наступил вечер, и они покинули деревню. Была уже глубокая ночь, когда они остановились в небольшой роще. Здесь Санчо должен был нанести себе оставшиеся удары и освободить Дульсинею от волшебных чар. Он и покончил с этим делом, но, разумеется, гораздо больше за счет буковой коры, чем собственной спины, которую он так шадил, что не прогнал бы плетью даже мухи, если бы она села ему на плечо. Обманутый дон Кихот подсчитал все удары, не пропустив ни одного: вместе с полученными Санчо в первый раз их набралось ровно три тысячи триста. Солнце, казалось, взошло в тот день раньше, чтобы посмотреть на это жертвоприношение, и при первых лучах его наш рыцарь и его оруженосец снова двинулись в путь. До их деревни было уже совсем близко.

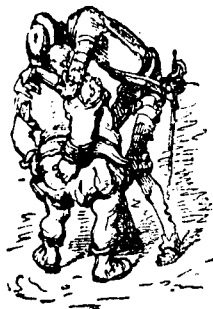
Дон Кихот с трепетом ожидал наступления дня, уверенный, что он встретит Дульсинею, освобожденную от чар самобичеванием его оруженосца. Наш рыцарь пытливо вематривался в

каждую встречную женщину, надеясь узнать в ней свою Дульсинею, ибо он считал непреложными обещания Мерлина. Томимый этими мыслями и желаниями, он вместе с Санчо поднялся на холм. С вершины холма открылся вид на их деревню. Увидев ее, Санчо упал на колени и воскликнул:

— Открой глаза, желанная родина, и взгляни на своего сына Санчо Пансу, который возвращается если не разбогатевший, то сильно избитый плетью! Раскрой свои объятия и прими также своего сына дон Кихота, который едет домой, побежденный рукою другого, но зато победив самого себя, а это, по его словам, высшая из всех побед, какой только можно пожелать.

— Брось молотъ вздор, — сказал дон Кихот, — и вступи с правой ноги в нашу деревню, где мы дадим простор нашим мечтам о той пастушеской жизни, которую мы собираемся вести.

Тут они спустились с холма и направились в свое селение.

Глава 57,

повествующая о том, как дон Кихот возвратился на родину, а также о его болезни, составленном им завещании и смерти.

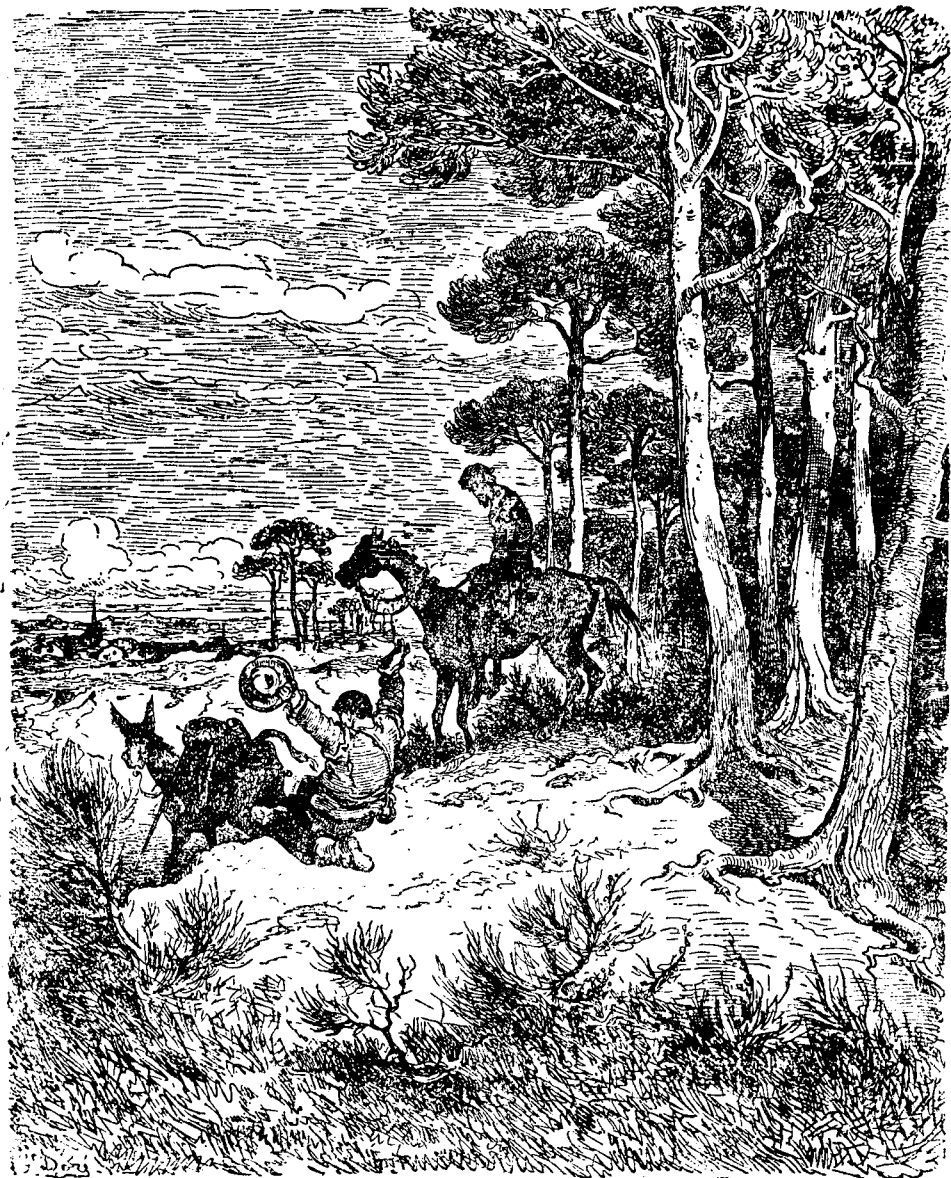
У околицы близ деревенского гумна дон Кихот увидел двух ссорившихся мальчишек. Один из них крикнул другому:

— Не старайся попусту, Перикильо: ты ее во всю свою жизнь больше не увидишь.

Услышав это, дон Кихот сказал Санчо:

— Ты заметил, мой друг, что сказал этот мальчишка: «ты ее во всю свою жизнь больше не увидишь».

— Так что ж из того? — спросил Санчо. — Мало ли что крикнул мальчишка.

— Что из того! — воскликнул дон Кихот. — Но как же ты не понимаешь, какое это дурное предзнаменование. Ведь это значит, что я никогда больше не увижу Дульсиною.

Санчо хотел что-то ответить, но в эту минуту он увидел зайца, который удирает по полю от преследовавшей его своры борзых; перепуганное животное кинулось к серому и спряталось между его ног. Санчо поймал его голыми руками и подал дон Кихоту, который на это сказал:

— Дурное предзнаменование, дурная примета. Заяц бежит, за ним гонятся борзые: не увижу я больше Дульсиною.

— Дивлюсь я вашей милости, — сказал Санчо. — Повернем дело иначе! Пускай этот заяц будет Дульсиною Тобосская, а эти псы, что гонятся за ней, — подлые волшебники, превратившие ее в крестьянку. Она убегает, я ее ловлю и отдаю в руки вашей милости, которая держит ее в объятиях. Какой же это плохой знак, и какое дурное предзнаменование можно здесь усмотреть?

В это время мальчики подошли посмотреть на зайца, и Санчо спросил одного из них, из-за чего они ссорились. Мальчуган, — тот самый, который сказал: «ты ее во всю свою жизнь больше не увидишь», — ответил, что он отнял у другого мальчика клетку со сверчком и никогда ему ее не отдаст. Санчо вынул из кошелька четыре кварто и, получив в обмен на них клетку, протянул ее дон Кихоту со словами:

— Вот, сеньор, я отвел и устранил все эти дурные предзнаменования, которые, на мой дурацкий взгляд, имеют к вашим делам такое же отношение, как и прошлогодние тучи. Помнится мне, наш священник говорил, что люди умные и истинные христиане не должны обращать внимания на такие глупости. Да и ваша милость еще недавно мне говорила то же самое, доказывая, что христиане, верующие в приметы, — дураки. Так что нечего нам тут задерживаться: двинемся дальше.

Тут подъехали охотники, потребовали своего зайца, и дон Кихот отдал его. Рыцарь и оруженосец отправились дальше и у самого въезда в деревню встретили на лужайке священника и бакалавра Карраско с трепниками в руках.

Священник и бакалавр сразу же узнали наших странников и бросились к ним с распростертыми объятиями. Дон Кихот се-

шел с коня и крепко обнял друзей. А деревенские мальчишки, услышав о приезде дон Кихота, бежались поглядеть на него.

Так, окруженные ребятишками, рыцарь и оруженосец вместе со священником и бакалавром направились к дому дон Кихота; на пороге уже стояли экономка и племянница, извещенные о прибытии рыцаря. Дошла эта весть и до Тересы Пансы, жены Санчо Пансы, которая, растрепанная и полуодетая, таща за руку дочку свою Санчику, кинулась встречать своего мужа. Увидев его одетым победнее, чем полагалось, по ее мнению, губернатору, она вскричала:

— Господи боже мой, да что же это такое, муженек! Плестесь вы пешком да еще еле ноги волочите! Нет, на губернатора вы что-то не похожи.

— Молчи, Тереса, — ответил Санчо: — часто бывает, что крючок есть, а окорока на нем нету. Пойдем-ка домой, там я тебе порасскажу чудес. Главное — то, что у меня есть денежки, которые я нажил своим умом-разумом, никого не обидев.

— Были бы деньги, милый муженек, — сказала Тереса, — а как они достались — не важно; как бы вы их ни добыли, вы этим никого не удивите.

Санчика обняла отца и спросила, что он ей привез; она ждала его, как майского дождика. Жена взяла Санчо за руку, дочка принялась подгонять осла, и все четверо направились домой, оставив дон Кихота в его доме на попечении экономки и племянницы, в обществе священника и бакалавра.

Дон Кихот, не желая терять ни дня, ни часа, тотчас же заперся с бакалавром и священником и рассказал им о своем поражении и о принятом им на себя обязательстве не выезжать из деревни в продолжение года. Как истый странствующий рыцарь, строго соблюдающий устав и правила своего рыцарского ордена, он намеревался вынюлнить в точности это обязательство, не отступая от него ни на шаг. Этот же год он решил прожить пастухом — бродить в уединении полей, свободно предаваясь своим пылким любовным мечтам и унажняясь в добродетельной пастушеской жизни.

— Быть может, — прибавил он, — и вы согласитесь присоединиться ко мне, если только более важные заботы не помешают

вам. Я куплю стадо овец, вполне достаточное для того, чтобы мы могли назваться пастухами. Но главное сделано: я уже придумал вам прекрасные и звучные имена.

Священник попросил дон Кихота сообщить им эти имена, и тот сказал, что себе самому он избрал имя пастуха Кихотиса, бакалавру — пастуха Карраскона, священнику — пастуха Куррамбро, а Санчо — пастушка Пансино. Оба друга были поражены новым безумием дон Кихота. Однако боясь, как бы он опять не пустился на поиски рыцарских подвигов, и надеясь, что в течение года он образумится, они согласились на его новую затею и, одобрив эту нелепость как мысль разумную, обещали в ней участвовать.

— Мне это предложение особенно по сердцу, — заявил бакалавр. — Всему миру известно, что я знаменитый поэт. Скитаясь по полям, я смогу безустали слагать стихи. Но главное, сеньоры мои, вот что: необходимо, чтобы каждый из нас придумал имя для пастушки, которую он будет прославлять. Я убежден, что не останется ни одного дерева, как бы твердо оно ни было, на котором, согласно правилу и обычаю влюбленных пастухов, мы бы не написали и не вырезали имен наших пастушек.

— Превосходно! — вскричал дон Кихот. — Но мне незачем изобретать имя для вымышленной пастушки. У меня есть несравненная Дульсинея Тобосская, слава этих берегов, украшение этих лугов, хранилище красоты, верх изящества, словом, та, к которой подойдет всякая хвала, как бы чрезмерна она ни была.

— Истинная правда, — сказал священник, — и мы тоже любуемся себе пастушек.

А Самсон Карраско прибавил:

— И назовем их самыми красивыми именами, какие только можно придумать. Если моя дама, вернее сказать, пастушка, будет называться Анна, я буду воспевать ее под именем Анарды; если это будет Франциска, я назову ее Франсенией; если Люсия — то Люсиндой. А Санчо Панса, если он вступит в наше содружество пусть прославляет свою Тересу Пансу под именем Терсоны.

Дон Кихот рассмеялся при этом имени, а священник расхвалил его почтенное и добродетельное решение, снова обещав про-

водить вместе с ними все свободное от неотложных обязанностей время. Затем оба друга простились с дон Кихотом, попросив его заботиться о своем здоровье и исполнять все необходимое для этого.

Судьбе было угодно, чтобы весь этот разговор слышали племянница и экономка; и, как только священник и бакалавр удалились, они вошли к дон Кихоту, и племянница сказала:

— Что это значит, сеньор мой дядя? А мы-то думали, что ваша милость навсегда вернулась домой, чтобы вести здесь спокойную и почтенную жизнь. Но, оказывается, вы собираетесь броситься в новые приключения и стать пастухом, для того чтобы о вас говорили:

Пастушок, идешь откуда,
Ты куда, пастух, идешь?

Поверьте мне, ячменная солома слишком тверда, чтобы делать из нее свистульки.

А экономка прибавила:

— Неужели ваша милость думает, что будет в силах переносить полуденный зной летом, туманные вечера и завывание волков зимой? Конечно, нет. Это — занятие для людей крепких и закаленных, приученных к нему, можно сказать, с пеленок. Если выбирать меньшее из зол, то уж лучше быть странствующим рыцарем, нежели пастухом. Одумайтесь, сеньор, и последуйте моему совету: оставайтесь дома, занимайтесь своим хозяйством, почаще исповедуйтесь, подавайте милостыню бедным, — и пусть грех падет на мою душу, если все не устроится к лучшему.

— Тише, дочки, — сказал дон Кихот, — я сам знаю, что мне надо делать. Уложите меня в постель. Мне что-то нездоровится. Но будьте уверены, что кем бы я ни был, странствующим рыцарем или, если удастся, пастухом, я всегда буду заботиться о ваших нуждах.

И добрые дочки поспешили исполнить желание дон Кихота, уложили его в постель, накормили и окружили наилучшим уходом. Но, несмотря на все эти заботы и попечения, нашему рыцарю не суждено было поправиться. Ничто не вечно в этом мире, но все, от самого своего начала, клонится к закату, в особенности

же человеческая жизнь; а так как жизнь дон Кихота не обладала чудесной способностью замедлить свой бег, то его смерти наступила в ту минуту, когда он меньше всего этого ожидал. Произошло ли это вследствие меланхолии, в которую он впал после своего поражения, или от какой-либо другой причины, но только он заболел лихорадкой, продержавшей его в постели шесть дней. Друзья — священник, бакалавр и цырюльник — неирестанно навещали его, а Санчо Панса, добрый его оруженосец, не отходил от его изголовья. Полагая, что бедному идальго мешает поправиться тоска, порождаемая мыслью о том, что не исполнилось его желание увидеть Дульсинею освобожденной и расколдованной, они всячески старались развеселить дон Кихота. Бакалавр уговаривал его приободриться и встать с постели, чтобы начать пастушескую жизнь; он, Самсон Карраско, уже сложил на этот случай великолепные стихи, которые затмят все ранее написанные эклоги; кроме того, он купил двух отличных собак, чтобы сторожить стадо: одна из них называлась Барсино, а другая Бутрон. Но все это не могло рассеять печали дон Кихота.

Его друзья позвали врача; тот пощупал у дон Кихота пульс и посоветовал нашему рыцарю подумать о своей душе, так как телу его грозит великая опасность. Дон Кихот спокойно выслушал его. Но не так отнеслись к словам доктора эконома, племянница и оруженосец, все они принялись так громко плакать, словно дон Кихот уже лежал мертвым перед ними. А дон Кихот попросил оставить его одного, так как ему захотелось поспать. Его желание было исполнено, и он проспал, как говорится, без просыпу целых шесть часов, так что эkonomка и племянница уже стали тревожиться, не скончался ли он во время сна. Однако по истечении указанного времени он проснулся и громко вскричал:

— Да будет благословен всемогущий бог, оказавший мне такую милость! Поистине, милосердие его безгранично, и грехи человеческие не могут ни ослабить, ни отворотить его.

Племянница, внимательно вслушавшись в слова своего дяди, которые показались ей более разумными, чем обычные его речи, спросила:

— О чем это говорит ваша милость сеньор мой? О каком таком милосердии и о каких грехах человеческих вы толкуете?

— О том милосердии, племянница, — ответил дон Кихот, — которое в это мгновение проявил ко мне господь, — и мои собственные грехи не помешали этому. Сейчас я сужу обо всем трезво и ясно, потому что разум мой освободился от густого мрака неведения, которым его окутало злополучное и постоянное чтение презренных рыцарских романов. Теперь я признаю их нелепыми и лукавыми и горюю только о том, что просветление пришло ко мне слишком поздно и у меня уже нет времени и сил возместить зло, причиненное этими романами, чтением других книг — истинных светочей души. Я чувствую, племянница, что смерть близка, и мне хотелось бы умереть так, чтобы люди не считали мою жизнь очень плохой и чтобы за мной не утвердилось слава сумасшедшего. Правда, я был им, но я не хочу подтверждать этого своей смертью. Позови, милая, наших добрых друзей: священника, бакалавра Самсона Карраско и мастера Николаса, потому что я хочу исповедаться и составить завещание.

Однако племяннице не пришлось об этом хлопотать, ибо как раз в эту минуту трое друзей вошли в комнату. Как только дон Кихот их увидел, он сказал:

— Поздравьте меня, добрые сеньоры: вы видите перед собою не странствующего рыцаря дон Кихота Ламанчского, а идадьго Алонсо Кехано, прозванного Добрым. С этой минуты я враг Амадиса Галльского и всего несметного полчища его потомков: мне ненавистны все нечестивые истории странствующих рыцарей; я познал свое безумие и ту опасность, которой подверг себя, читая их; и ныне, когда милосердный господь просветил наконец мою голову, я предаю их осуждению.

Когда присутствующие услышали это, они решили, что им овладело какое-нибудь новое безумие, и Самсон сказал:

— Что это, ваша милость сеньор дон Кихот? О чем это вы говорите как раз в ту минуту, когда пришла весть об освобождении Дульсинеи, когда уже все готово, чтобы нам начать прекрасную пастушескую жизнь? И тут-то ваша милость и хочет отречься от всех своих мечтаний!

— Бредни было все то, что я говорил до сих пор, — ответил дон Кихот, — и, поистине, гибельные бредни. Но в минуту смерти я, с божьей помощью, обращу их себе на пользу. Я чувствую, сеньоры, что смерть моя совсем близка; перестанем же шутить. Оставьте меня одного со священником, чтобы я исповедался, и приведите писца, чтобы я мог составить завещание, ибо в такую минуту не пристало человеку шутить со своей душой. Прошу вас, пока сеньор священник будет меня исповедывать, пошлите за писцом.

Присутствующие переглянулись, дивясь речам дон Кихота, и хотя они не могли победить своих сомнений, но все же были склонны ему поверить. Тем более, что к этим своим словам он прибавил много других, настолько связанных и разумных, что все сомнения рассеялись, и присутствующие окончательно убедились, что он находится в здравом уме. Это внезапное превращение показалось им признаком его близкой смерти. Священник попросил всех выйти из комнаты и, оставшись с дон Кихотом наедине, исповедал его. Баккалавр отправился за писцом и вскоре вернулся с ним и Санчо Пансой. Когда Санчо, предупрежденный баккалавром, что его господину очень плохо, увидел экономку и племянницу, обливавшихся горькими слезами, он и сам расплакался, как ребенок. Исповедь вскоре окончилась, священник вышел и сказал:

— Алонсо Кехано Добрый действительно умирает, и он в самом деле в здравом уме и твердой памяти. Войдите к нему, чтобы присутствовать при составлении завещания.

Эти слова вызвали новый поток слез из глаз экономки, племянницы и доброго оруженосца Санчо Пансы, разразившихся горькими рыданиями и глубокими бесчисленными вздохами, ибо, поистине, дон Кихот, и в бытность свою простым идальго Алонсо Кехано Добрым, и в бытность свою рыцарем дон Кихотом Ламанским, неизменно отличался кротостью и приветливостью, за что его любили не только близкие, но и все, кто его знал. Вместо с другими вошел писец. После того как он написал заголовок завещания, дон Кихот, с соблюдением всех полагающихся при этом христианских правил, приступил к перечислению пунктов и начал так:

— Прежде всего я желаю, чтобы деньги, находящиеся у Санчо Пансы, которого во время моего безумия я сделал своим оруженосцем, были оставлены ему в вознаграждение за его службу. И если, будучи безумным, я помог ему получить в управление остров, то теперь, в здравом уме, я отдал бы ему, если бы мог, целое королевство, ибо этого заслуживают его простая душа и верное сердце.

И, обратясь к Санчо, он прибавил:

— Прости мне, мой друг, что из-за меня ты тоже прослыл безумным, ибо по моей вине ты впал в такое же заблуждение, в каком пребывал я, поверив, что были на свете и сейчас еще есть странствующие рыцари.

— Ах, — воскликнул Санчо, заливаясь слезами, — не умирайте, ваша милость мой сеньор, а послушайтесь моего совета — живите еще много лет. Потому что величайшее безумие, которое может совершить человек, — это умереть так, ни с того, ни с сего, от одной тоски, когда никто его не убивал, никто не изводил, никто не злоумышлял против него. Прошу вас, встаньте-ка с постели да пойдемте-ка бродить по полям, одевшись пастухами, как было у нас решено. Быть может, за каким-нибудь кустом мы найдем освобожденную сеньору Дульсинею, и тогда нам не останется желать ничего на свете. А если вы умираете от мысли, что вас победили, то свалите вину на меня: скажите, что вас вышибли из седла потому, что я плохо подтянул подпругу Росинанта. К тому же ваша милость сами читали в своих рыцарских книгах, как часто случается, что один рыцарь вышибает другого из седла. Победенный сегодня — завтра сам оказывается победителем.

— Конечно, — сказал Самсон, — добрый Санчо Панса судит об этих делах вполне правильно.

— Тише, сеньоры, — сказал дон Кихот. — Я был сумасшедшим, а теперь я в здравом уме, я был дон Кихотом Ламанчским и снова стал Алонсо Кехано Добрым. Пусть мое раскаяние и моя искренность возвратят мне ваше прежнее уважение. А теперь, сеньор писец, пишите дальше.

«Я завещаю все мое движимое и недвижимое имущество племяннице Антонии Кехано с тем, чтобы она произвела уплату

тех сумм, которые я отказываю другим лицам, и в том числе прежде всего прошу уплатить жалованье моей экономке за это время, что она мне прослужила, и сверх того выдать ей двадцать дукатов на платье. Душеприказчиками моими назначаю сеньора священника и сеньора бакалавра Самсона Карраско, при сем присутствующих.

«Кроме того, я желаю, чтобы моя племянница Антония Кехано, если она захочет выйти замуж, выбрала мужем человека, про которого будет точно известно, что он не знаком с рыцарскими романами. Если же окажется, что он читал их, а моя племянница все же пожелает выйти за него замуж, тогда я лишаю ее наследства и прошу моих душеприказчиков употребить все мое имущество на добрые дела».

На этом дон Кихот окончил свое завещание и, лишившись чувств, вытянулся на постели. В продолжение трех дней, которые идадьго еще прожил, он почти все время лежал без сознания. Весь дом был в тревоге. Тем не менее племянница кушала, экономка пропускала стаканчик, и Санчо тоже ублажал себя: так ожидание наследства смягчает и подавляет в наследниках естественную печаль, которую вызывает мысль о смерти. Наконец дон Кихот, по совершении над ним всех таинств, тихо скончался, окруженный плачущими домочадцами и друзьями. Писец, при этом присутствовавший, заметил, что ни в одном рыцарском романе он не читал, чтобы какой-нибудь странствующий рыцарь умирал в своей постели так спокойно и по-христиански, как дон Кихот.

Не будем описывать слез Санчо, племянницы и экономки дон Кихота; не будем приводить всех эпитафий, начертанных на гробнице дон Кихота, за исключением одной, сочиненной Самсоном Карраско:

Здесь лежит идадьго смелый,
Чья отвага забрела
В столь высокие пределы,
Что и смерть не возмогла
Прах смирить похолоделый.
Пренебрегши миром шумным,

Он бродил виденьем темным
Добрым людям на забаву
И, стяжав навеки славу,
Умер мудрым, жив безумным.

Таков был конец хитроумного ламанчского идадьго, историю которого автор правдиво рассказал в этом романе.

СЕРВАНТЕС И ЕГО РОМАН

Б. М. Энгельгардт

В 1605 году в Испании вышла книга, сразу приковавшая к себе всеобщее внимание. Книга эта была острой и забавной пародией на рыцарские романы, которыми зачитывалась тогда вся страна. Автор ее ставил своей задачей «внушить людям отвращение к нелепым рыцарским историям». Он достиг своей цели: после «Дон Кихота» рыцарский роман навсегда вышел из моды. Но странное дело: рыцарский роман умер, а пародия на него осталась жить. Прошли века, а интерес к ней не гаснет, но разгорается все ярче и ярче. Она приобрела всемирную славу, переведена на множество языков; о ней написаны сотни книг, имена ее героев стали нарицательными, а многие выражения — пословицами.

Эта повесть о безумном идалъго подымает такие темы и выражает такие чувства, которые и поныне волнуют людей. В ней воплощены основные черты той эпохи, когда она была создана, и нашел свое отражение богатый опыт беспокойной скитальческой жизни ее автора.

Мигель де Сервантес Сааведра, родился в 1547 году в небольшом городке Алькала де Энарес, неподалеку от Мадрида. Он был сыном обедневшего идалъго, занимавшегося врачебной практикой. Недостаток средств помешал Мигелю получить правильное образование, но рано

пробудившаяся страсть к литературе и театру помогла ему восполнить пробелы школьных занятий. Еще мальчиком он мечтал сделаться поэтом, драматургом, писателем, и его мадридский учитель, гуманист Хуан Лопес де Гойос всячески поддерживал его в этих намерениях. Однако жестокая нужда заставила Сервантеса подумать о службе. Устроиться в Испании ему не удалось, и в 1569 году он поступил на должность простого слуги в свиту кардинала Аквавивы и уехал в Италию, в Рим.

Унизительная служба у кардинала не могла его удовлетворить. Как раз в это время папа, испанский король Филипп II и Венецианская республика предприняли войну против турок. Сервантес покидает двор Аквавивы и поступает волонтером в действующую армию. Следующие четыре года Сервантес проводит в непрерывных походах и сражениях. Мужество и беззаветная отвага создали ему блестящую репутацию в полку, а неистощимая бодрость и веселость сделали его любимцем товарищей. В морской битве при Лепанто (1571 г.) он был тяжело ранен в грудь и утратил способность владеть левой рукой — «для большей славы правой», как он любил говорить позднее.

К 1575 году военные действия затихли, и Сервантес решает вернуться на родину. Кроме изувеченной руки да рекомендательных писем от главнокомандующего и от неаполитанского вице-короля, он ничего не везет туда. Зато он повидал Италию, долго жил в Риме и Неаполе, изучил итальянский язык, познакомился с лучшими творениями итальянских гуманистов. В голове у него роится множество литературных планов, он полон самых радужных надежд и только о том и думает, чтобы поскорее попасть в Мадрид.

На пути из Неаполя домой его подстерегает тяжелое испытание. Корабль, на котором он плывет, захвачен мавританскими пиратами и отведен в Алжир. Пять долгих лет Сервантес томится в неволе. Рискуя жизнью, он предпринимает не одну попытку к бегству, но все они кончаются неудачей. Только в 1580 году он освобождается из плена за крупный выкуп и попадает наконец в Испанию.

Родина встречает его нерадостно. Отец с матерью влачат полунищенское существование. Власти проявляют к нему полное безучастие. Прославленный своей доблестью убогий воин выброшен на улицу.

Сервантес обращается к литературе. Год за годом он мужественно борется с жестокой нуждой, пробуя свои силы в разных областях литературы. Но неудачи попрежнему преследуют его. Сервантес еще не на-

пел себя, он всецело во власти литературных традиций. Он творит в избитых литературных формах, и его своеобразный гений не может свободно развернуться. Стихи его проходят незамеченными, истинно роман «Галатея» не имеет успеха. Драмы, — а он написал их свыше двадцати, — сходят со сцены после первого же представления.

Сервантесу грозит полная нищета. В 1587 году он покидает Мадрид, чтобы занять незавидное место сборщика зерна, а позднее сборщика подоимок в Севилье. Он окупается в самую гущу провинциальной жизни Испании того времени, знакомится с бытом и нравами крестьян, богатеев, мелких дворянчиков. В 1597 году Сервантеса постигает поваль бед: он доверил крупные казенные деньги одному банкиру, а тот исчез вместе с ними. Сервантес попадает в тюрьму. Правда, друзья довольно скоро выручают его, но в 1598 и 1602 годах он снова подвергается тюремному заключению.

Только в 1604 году ему удастся рассчитаться с казной, и власти наконец оставляют его в покое. Все эти годы он ведет пищенское, полуголодное существование, перебиваясь случайными заработками и подаянками друзей.

Но и среди самой отчаянной нужды и унижений спокойное мужество, ясное расположение духа и веселость не оставляют Сервантеса. Именно в эти годы он задумывает и пишет своего «Дон Кихота». Форма свободной пародии открыла широкий простор для его неистощимой фантазии и несравненного юмора. Его гений получил наконец возможность проявиться во всем своем блеске, и книга дошла до читателя. Первый том «Дон Кихота», вышедший в 1605 году, имел исключительный успех. Но материальной обеспеченности своему автору он не принес. Сервантес попрежнему ведет полунищенское существование в Вальядолиде и Мадриде. Силы его явно слабеют, но он с прежней страстью продолжает отдаваться литературе.

За последние годы жизни, кроме второго тома «Дон Кихота» (1615 г.), Сервантес выпускает сборник блестящих новелл («Назидательные новеллы»), сатирическую поэму «Путешествие на Парнас», больше десятка комедий и интермедий и затевает новый фантастический роман. Но смерть стоит уже у него за плечами. Он умер 23 апреля 1616 года, едва успев набросать посвящение к неоконченной книге.

Такова была многотрудная жизнь великого писателя. Можно себе представить, какой огромный и пестрый запас самых разнообразных впе-

чатлений и наблюдений у него накопился. И он широко использовал этот опыт в своем романе, который по богатству содержания и своеобразию художественной формы является одним из самых замечательных литературных памятников эпохи Возрождения.

Это была эпоха, когда глубокие перемены совершались в жизни Европы. Капитализм шел на смену обветшавшему феодальному строю с его отсталыми формами хозяйства. Торговля переживала необычайный подъем. Открытие Америки и морского пути в Индию еще больше расширило ее обороты. Спрос на европейские товары — ткани, сукно, кожу, железные изделия — рос непрерывно. Начали возникать мануфактуры, появились первые крупные предприниматели.

Торговля с заокеанскими странами велась при помощи хищнических приемов и приносила огромные барыши. Поток золота лился в Европу из далеких колоний, создавались колоссальные состояния. Города быстро богатели и приобретали все больший вес и значение. Городские магнаты соперничали с феодальным дворянством не только в блеске и роскоши жизни, но и во влиянии на ход государственных дел.

Власть феодальных сеньоров постепенно ограничивалась. Дробление страны на ряд отдельных феодальных владений с собственными законами, налогами и пошлинами, которые произвольно устанавливались феодалами, крайне стесняло развитие торговли и промышленности. Новый хозяйственный порядок нуждался в крепкой центральной власти, в единообразных законах, в устранении всяких перегородок между отдельными провинциями. Шло образование централизованных национальных государств.

Так шаг за шагом капитализм распространял свое влияние на все области хозяйственной и политической жизни Европы. Конечно, ломая цепи старого, феодального рабства, он приносил трудящимся новые, не менее тяжкие. Уже первые шаги его — в пору так называемого первоначального накопления — отмечены беспощадным истреблением и порабощением мирных жителей заокеанских владений, чудовищной эксплуатацией на мануфактурах, разорением крестьян, которых сгоняли с их участков, превращаемых в пастбища для овец, ибо торговля шерстью приносила огромный доход.

И все же в своей борьбе с отживающим феодальным строем капитализм выступал как прогрессивная историческая сила. Борьба эта была упорна и ожесточенна и велась на всех фронтах. Но особый размах и

пироту приобрела она в области духовной культуры. Здесь она вытеснила к жизни огромное культурное движение, которое Энгельс назвал «величайшим прогрессивным переворотом, пережитым до того человечеством».

Основу этого движения составляло стремление вырвать человека из призрачного, фантастического мира, созданного католической религией, и приблизить его к миру реальной действительности. Новое культурное движение решительно отвергло подчинение разума слепой вере и провозгласило его право на свободное изучение природы и человеческой жизни. Отвлеченным измышлениям церковной схоластики оно противопоставило науку, основанную на фактах.

Если средневековый ученый искал объяснения тому или иному явлению природы или жизни в заплесневелых томах богословских сочинений, то ученый эпохи Возрождения обращался к живому опыту, наблюдал, исследовал, мерил и вычислял. Желая узнать строение вселенной, он изучал движение планет и звезд и старался подметить законы этого движения, а не влискивал в библию различные сказки о небесных светилах. Интересуясь строением человеческого тела, он обращался не к библейскому рассказу о сотворении человека богом, но наблюдал дыхание, движение крови, вскрывал трупы, изучал деятельность различных органов. Он ставил физические и химические опыты, изобретал научные приборы, устраивал лаборатории. Так мало-помалу воздвигалось здание точной науки, которая не только коренным образом изменила все взгляды человека на природу и жизнь, но и явилась могучим орудием покорения природы.

Но мало этого. Новое культурное движение подвергло уничтожающей критике аскетическое учение церкви о греховности всего земного и восстановило право личности на удовлетворение всех земных влечений, потребностей и желаний. Поэты, художники и ваятели Возрождения в прекрасных стихах и великолепных картинах и статуях прославляли земное счастье человека, величие и силу его страстей, красоту человеческого тела.

Возрождение разрушило монополию церкви на исключительное обладание истиной. Исчезли и все притязания мертвой церковной латыни на роль единственного литературного языка. Живые народные языки — итальянский, французский, испанский, английский — очень быстро вошли в систему нового просвещения, а вместе с ними проникли туда и народная литература, фольклор, предания, поверья. Это великое куль-

турное движение по самому своему существу было реалистическим, ибо оно стремилось вырваться из тесного круга предвзятых суждений богословской схоластики на просторы непосредственного изучения природы и жизни. А в то же время оно носило черты подлинной народности, поскольку многое в нем будило живое сочувствие широких народных масс.

Обе эти характерные черты эпохи ярко проявляются в произведении Сервантеса.

Ему было не трудно найти центральный образ своего романа в окружающей действительности. Обнищавший идальго, с презрением отворачивающийся от современности и грезящий о прошлом — типичная фигура тогдашней испанской жизни.

В середине XVI века Испания, в силу особых условий своего развития, переживала глубокий экономический кризис. Этот кризис пагубно отразился на хозяйственной жизни страны. Начавшийся еще в XV веке переход к новым, капиталистическим формам производства приостановился. Испания, все еще занимавшая положение «первой державы Европы», начала явно клониться к упадку. Гибельная политика Филиппа II, стремившегося к мировому господству, истощала страну. Казна была опустошена, огромные налоги и поборы ложились тяжким бременем на народ. Промышленность и ремесла хирели, земледелие падало, труд обесценивался. Население ницало все больше и больше.

Мелкое дворянство — идальго — не избегало общей участи. Уже самый переход к новым формам хозяйства был для идальго непосилен, так как на это у него нехватало средств, а теперь кризис, разразившийся над Испанией, только довершил его разорение. Всякий, кто мог, уходил на королевскую службу, остальные бедствовали, пускались в сомнительные предприятия. В какой-то мере Сервантес и сам был таким полунинчим идальго, пытавшимся приложить свои силы на разных поприщах. Но Сервантес обладал великим творческим дарованием, а богатая самыми разнообразными событиями и впечатлениями личная жизнь научила его глубокому пониманию действительности. Проникнутый лучшими стремлениями своей эпохи, он вложил в образ нищего идальго совершенно оригинальное, глубокое содержание.

В своем дон Кихоте под видом сумасшедшего он дает нам глубоко продуманный и тонко нарисованный образ человека, который не умеет да и не хочет считаться с реальными условиями жизни. Рыцарь Печаль-

ного Образа воодушевлен самыми лучшими намерениями. Он хочет быть заступником обиженных и угнетенных, он стремится искоренить в мире насилие и гнет, он мечтает утвердить на земле царство справедливости и свободы.

В борьбе за осуществление этого великого идеала он проявляет такую самоотверженность, такое мужество, такую непреклонность и твердость духа, что внушает глубокое уважение к своей доблести. По благородству своих стремлений, по силе и искренности убеждений, по беззаветной преданности делу, во имя которого он всегда готов на любые жертвы и подвиги, дон Кихот настоящий герой. Его скорбная фигура возвышается над всеми другими персонажами романа, неизменно вызывая сочувствие и жалость у читателя. Вся беда дон Кихота в том, что к достижению своих высоких целей он идет совершенно ложными, фантастическими путями.

Чтобы преобразовать жизнь, надо знать ее, надо изучить законы, которые ею управляют, силы, которые ею движут. Дон Кихот же судит о действительности совершенно произвольно, приписывая ей то, чего в ней нет да и не может быть. По его мнению, единственным лекарством от всех зол и бедствий мира является странствующее рыцарство. Это рыцарство он представляет себе по рыцарским романам, в правдивости которых у него нет никаких сомнений. Восхищенный героями, там выведенными, ослепленный подвигами, там описанными, он не хочет знать, чем было рыцарство на самом деле, не хочет видеть, что время его миновало безвозвратно. Дон Кихот живет в своем особом, призрачном мире, созданном его пылкой фантазией. Действительность же нисколько не интересует нашего рыцаря.

Вот он подъезжает к убогому придорожному трактиру. Казалось бы, и зрение, и слух — все пять чувств должны убедить его, что перед ним убогая, грязная лачуга с простыми, бедными обитателями и скудным угощением. Но согласно рыцарским романам рыцарь должен встречать на своем пути великолепные замки. И в мгновение ока неприглядный трактир превращается в пышный замок, плут-хозяин — в благородного сеньюра, полунищие служанки — в изящных дам.

Отправляясь на поиски приключений, дон Кихот решает избрать себе даму сердца. Свой выбор он останавливает на миловидной крестьянке из соседнего местечка. Но согласно законам рыцарства дама сердца рыцаря должна быть знатна и богата. И вот, наперекор действительности и здравому смыслу, переименованная в Дульсинею, Альфонса оказывается

прищессой. Она живет во дворце, ее окружает блестящая свита, она превосходит всех красотой, изяществом и образованностью.

Нужды нет, что в действительности Дюльсинеи не существует, как не существует ни замков, ни великанов, а только постоянные дворы да ветряные мельницы. Для дон Кихота фантастические видения реальнее всякой действительности. Все окружающее он воспринимает и толкует в строжайшем согласии с рыцарской премудростью. Правда, картина действительности искажается при этом самым чудовищным образом. Но какое ему дело до этого? Ведь мир должен быть таким, как этого требуют священные рыцарские романы, — значит, он и есть таков. Иногда, правда, разрыв между миром, созданным верой, и действительностью оказывается слишком резким, чтобы его вовсе отвергнуть, — даже дон Кихот не может не заметить разбитой челюсти или ужасных синяков по всему телу, — но тогда на помощь является очень простое объяснение: вмешательство нечистой силы, злых волшебников. Это они превращают замки в постоянные дворы, а великанов в мельницы. Все снова приходит в порядок, и авторитет священного рыцарского писания остается неизменным.

Мы недаром сказали «священное рыцарское писание». Мышление дон Кихота недалеко ушло от мышления средневекового схоласта. Именно так и рассуждала богословская наука, стремившаяся уложить весь мир в рамки, предуказанные «священным писанием и преданием». Подмените в рассуждениях дон Кихота рыцарские романы книгами священного писания, и перед вами окажется типичный богослов-схоласт. И обратно — подставьте в любую богословскую систему вместо «священных книг» рыцарские романы и вы получите мировоззрение дон Кихота. Так забавное повествование о причудливых похождениях сумасшедшего идаляго превращается в глубокую сатиру, которая бьет по схоластике, бьет по всякой попытке построить картину мира на основе отвлеченных, принятых на веру предпосылок.

С убийственной иронией Сервантес показывает, к чему приводит такая оторванность от реальной жизни. Его герой — прекрасный, благородный человек, беззаветно преданный служению истине и справедливости. Но все его подвиги неизменно кончаются печально, — как для него самого, так и для тех, на помощь к которым он спешит. Он вступает за мальчика, но в итоге этого заступничества мальчик избит до полусмерти и выброшен на улицу; он помогает колодникам разбить их цепи, но разбежавшись, эти люди наводят страх на всю округу; он питает идеальную

любовь к прекрасной Дульсинее, но это возвышенное чувство оказывается истинным бедствием для окружающих и т. д. и т. д.

Слепая вера в бредни рыцарских романов, упорное нежелание считаться с фактами порождают в дон Кихоте презрение к живому человеку с его нуждами и влечениями. В нем развивается неслыханные самоуверенность и высокомерие. Он не терпит возражений. Всякого, кто не согласен с ним, он провозглашает извергом и направляет против него свое копьё. Так оторванность от действительности искажает лучшие порывы человека, лучшие стороны его души, и от доброго Кехамы до опасного фанатика оказывается только один шаг.

Но сатира Сервантеса направлена не только на отвлеченное и призрачное отношение к миру, унаследованное от средневековья, она захватывает и другие стороны современной Сервантесу испанской действительности.

Рядом с безумным мечтателем в романе Сервантеса действует трезвый и деловитый Санчо Панса. Образ этот не менее глубок и сложен, чем образ самого дон Кихота. Санчо Панса — это двойник дон Кихота, дон Кихот навыворот, дон Кихот здравого смысла.

Подобно тому как дон Кихот проявляет немалую рассудительность и глубокомыслие во всем, что не касается рыцарства, так и Санчо — вне круга своих сумасбродных мечтаний — отличается трезвым и проникательным взглядом на вещи и судит нередко как настоящий мудрец.

И подобно тому как дон Кихот не в силах противостоять фантастическим бредням рыцарских романов, точно так же Санчо — этот добродушный, умный и скромный труженик-крестьянин — заражен лихорадкой легкой наживы, авантюризма, который вообще был характерен для той эпохи, но особенно сильно проявлялся в разоренной Испании.

Испанские города кишат в то время рыцарями Фортуны, азартными спекулянтами и авантюристами. Стремление к легкой наживе, жажда понюхать счастья на неверных путях быстрого обогащения охватывает все более и более широкие круги. Она проникает в дома скромных ремесленников, в усадьбы обедневших идалго, в разоренные деревни вместе с рассказнями о случаях сказочного обогащения в Испании и за океаном.

Этой азартной лихорадкой захвачен и Санчо Панса. Ни его практицизм, ни его здравый смысл не могут устоять перед щедрыми посулами дон Кихота, тем более, что он издавна привык уважать почтенного идалго. Сблуженный мечтами о губернаторстве, о каком-то острове, о богатстве

и знатности, Санчо Панса превращается на время в рыцаря наживы. Подобно тому как добрый Кехана, увлекшись рыцарскими романами, облачается в ржавые доспехи и пускается искать приключений на больших дорогах, так и Санчо, ослепленный мечтой о быстром обогащении, меняет трудовую деревенскую жизнь на фантастическую профессию оруженосца при странствующем рыцаре. И если у дон Кихота отношение к миру определяется нелепыми, вычитанными из романов, законами рыцарства, то Санчо глядит на мир сквозь призму своих мечтаний о скором обогащении, об острове, графстве и пр. и пр. И вот оказывается, что в каком-то смысле верный оруженосец почти так же безумен, как и его господин.

Быть может, нигде Сервантес не проявил такой гениальной пропигандистности, как заставив Санчо уверовать в бредни своего господина. На первый взгляд это кажется неправдоподобным. Как может Санчо, этот трезвый, здравомыслящий, плутоватый Санчо, поверить в нелепые рассказы об императорских коронах и обширных королевствах, ожидающих его господина, о злых волшебниках и заколдованных принцессах, о чудовищах и великанах, кровь которых заливает чердаки убогих трактиров? Но подумав немного, приходится согласиться с Сервантесом. В самом деле, как было Санчо, охваченному жадной наживы, страстным желанием испытать свою фортуна, не поддаться на убеждения дон Кихота? Чем этот «проект» обогащения за счет губернаторства и острова был хуже тех фантастических проектов открытия сказочного Эльдорадо, проектов чудовищных спекуляций, которые тысячами рождались в головах тогдашних авантюристов?

Нет ничего забавнее и поучительнее, чем следить, как запутывается Санчо в сетях безудержной фантазии своего господина. «Здравый смысл» подсказывает ему, что все это чистейший вздор. Но в то же время убежденные речи дон Кихота производят на него неотразимое впечатление. Он колеблется, теряется, бросается из стороны в сторону. В конце концов он перестает различать, где правда и где вымысел, перестает отличать действительность от бреда. Объяснить поведение Санчо его простодушием и темнотой пельзя. Во-первых, он совсем не прост, а во-вторых, безумие дон Кихота так резко бросается в глаза, что не нужно решительно никакого образования, чтобы критически отнестись к его нелепым фантазиям. Причина легковерия Санчо лежит в другом: ему выгодно верить дон Кихоту. Вот что стоит за здравомыслием и рассудительностью Санчо Пансы. Выгода играет в его мировоззрении такую же

роль, как жажда славы и рыцарских подвигов в мировоззрении дон Кихота. И поэтому оба эти мировоззрения одинаково произвольны: и то и другое — каждое на свой образец — искажает картину мира и жизни, оба они одинаково далеки от подлинно реалистического понимания действительности. Дон Кихот подчиняет все совершающееся мечте о воскрешении рыцарства. Санчо — мечте о губернаторстве, о богатой, привольной и беспечальной жизни. Противоположности сходятся, и житейский авантюризм Санчо мало в чем уступает возвышенным фантазиям дон Кихота. Глядя на них, окружающие невольно задаются вопросом, кто же безумнее: странствующий рыцарь или его верный оруженосец? Они воистину двойники, и один стоит другого.

Так ирония Сервантеса оказывается направленной в две стороны: в лице дон Кихота он высмеивает схоластическое мировоззрение, в лице Санчо Пансы — дух авантюризма и стяжания.

Но что же противопоставляется в романе фантастике дон Кихота и «здравому смыслу» Санчо Пансы? Ответить на этот вопрос нетрудно. Им противостоит глубокий реализм самого Сервантеса, одного из самых блестящих представителей гуманизма, одного из титанов — по выражению Карла Маркса — эпохи Возрождения. И с высот этого реализма Сервантес с одинаковой решительностью и силой направляет свои удары как против рыцаря Печального Образа, так и против рыцаря наживы.

Сервантес гениально обобщил эти образы обнищавшего идальго, мечтающего о возрождении рыцарства и сбитого с толку, пустившегося в бессмысленные авантюры простолюдина. Сервантес вложил в эти образы общечеловеческое содержание, превратил их в символы беспочвенного, оторванного от жизни идеализма, с одной стороны, и убогого мещанского «здравого смысла», — с другой.

Силы для этой борьбы Сервантес черпал прежде всего в глубокой народности своего художественного творчества. Именно глубокая народность Сервантеса позволила ему возвыситься над предрассудками своего сословия. Именно она позволила ему одинаково критически отнестись ко всем явлениям окружающей действительности — будь то пережитки старого или уродства нового. Сервантес принадлежит не буржуазии, не правящим классам, а прежде всего испанскому народу.

В его романе развернута широкая и яркая картина народной жизни Испании конца XVI века. Кого тут только нет. Крестьяне и ремесленники, пастухи и погонщики, пошлы, сельские власти, солдаты, студенты.

мелкие ворюжки и дерзкие разбойники. Все они показаны на нестром фоне правдиво изображенного быта. Все они говорят своим собственным живым языком, а весь роман пересыпан меткими народными пословицами, поговорками и прибаутками, на которые так щедр добродушный болтун Санчо Панса.

В то же время очень показателен топ неизменной благожелательности, в котором изображены простые люди и простая жизнь. Посмотрите, какими пустыми и неинтересными получились у писателя герцог и герцогиня, и как живы, красочны и ярки характеристики простолюдинов. В каждом из них Сервантес находит уголок души, на который с сочувствием отзывается читатель. Грубая, непривлекательная служанка Мариторнес на последние гроши покупает кружку вина для бедняги Санчо. Хозяйка с неспритворным участием облепляет пластырями избитого погонщиками дон Кихота. Злодей и каторжник Хинес де Пассамонте выступает добродушным владельцем кукольного театра и чудесной обезьяны. Конечно, плут остается плутом, но в его изображении нет ничего отталкивающего. Переберите все народные персонажи романа и всегда вы заметите эту особенность творчества Сервантеса: он не только не стремится сгущать краски, рисуя своих героев, но, напротив, охотно показывает их с хорошей стороны.

Здесь с особенной силой вскрывается глубокий гуманизм Сервантеса. Его реализм, его необычайное мастерство в изображении жизни сочетаются с искренним уважением к человеку, с крепкой верой в его высокое призвание. Этот гуманизм позволил Сервантесу увидеть под маской безумца доброго Кехано, исполненного возвышенных чувств. Он помог ему разглядеть в плутоватом крестьянине-оруженосце доброго, благородного человека, мудрого губернатора, правление которого на бутафорском острове может служить живым укором пустому самодуру герцогу. Именно в образе многострадального Санчо ярко запечатлелась кровная связь Сервантеса с его народом. Народный характер творчества Сервантеса неразрывно связан с трезвым и ясным отношением к действительности и с глубокой человечностью. Эти черты мировоззрения гениального писателя взаимно дополняют и подкрепляют друг друга, сообщая его творчеству необычайную проникновенность и остроту.

Это же определяет и особый характер иронии Сервантеса. Как бы зло и тонко ни смеялся Сервантес над жизнью и человеком, от его па-

смешки никогда не веет ни безнадежностью, ни пессимизмом. Он слепком верит в человека и в его силы, чтобы впадать в уныние.

И как бы мрачно ни было, в сущности, содержание его романа, как бы трагичен ни был его финал, Сервантес и тут остается таким же мужественным, бодрым и жизнерадостным, каким был в своей трудовой и многострадальной жизни.

И потому в его книге нигде не слышно ни горького разочарования, ни усталой примиренности, ни скептического успокоения. Напротив, в ней звучит глубокая вера в неисчерпаемую мощь человека, в его способность путем борьбы с предрассудками и суевериями, с мещанской узостью и закостелостью пробиться к ясному и трезвому познанию действительности, к созданию новой прекрасной жизни на земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

Составил Б. М. Энгельгардт

¹ И д а л ь г о — мелкопоместный дворянин. В эпоху напряженной борьбы с маврами (XI—XIV века) мелкое дворянство играло выдающуюся роль в жизни Испании. Главным образом из него вербовались бойцы за освобождение Испании от чужеземцев, благодаря чему эти дворяне успели прочно обосноваться на отвоеванных землях. Но уже в XV и XVI веках, в пору усиления королевской власти, эти группы дворянства утратили большую долю своего значения, превратившись постепенно в простых служащих королевской армии, гражданских чиновников и мелких придворных. Начавшийся в конце XV века поворот к капиталистическим формам хозяйства и непрерывный рост цен на предметы первой необходимости постепенно привели мелкое дворянство к полному разорению. Во времена Сервантеса лишившийся последнего клочка земли, обнищавший идалго представлял характерную фигуру испанской жизни.

² А м а д и с Г а л ь с к и й — герой рыцарского романа, который пользовался огромным успехом в Испании, — особенно в XVI веке. Содержание этого романа совершенно фантастическое. У английской принцессы Элизены родился сын. Стыдясь своего внебрачного ребенка, мать бросила его в море. Неизвестный рыцарь спас дитя и увез его в Шотландию. Когда Амадис вырос, он влюбился в несравненную красавицу Ориану, дочь короля Лизуарта. Чтобы завоевать ее любовь, Амадис странствует по всей Европе, попадает в таинственные волшебные страны, сражается с великанами, чародеями и магами и совершает тысячи других замечательных подвигов. Роман заканчивается торжеством Амадиса,

который женится наконец на даме своего сердца, красавице Ориане. Герои романа — вымышленные лица; сплошь и рядом трудно понять, в какой стране происходит то или иное событие; еще труднее определить, к какому веку относится его действие. Но автор романа и не заботился об историческом правдоподобии. Его главной задачей было изобразить истинного рыцаря — храброго, великодушного, любезного, и в то же время искусного, могучего и сурового воина.

³ Роман «Пальмерин Английский» — едва ли не самое блестящее из всех подражаний «Амадису Галльскому». Пальмерин — сын донна Дуэрте (Эдуарда), короля английского. Вместе со своим братом Флорианом, идеалом галантного кавалера, он совершает бесчисленные подвиги во славу дамы своего сердца, побеждает могучего чародея Делианта, попадает на волшебный остров и пр. и пр. От «Амадиса Галльского» «Пальмерин Английский» отличается тем, что многие эпизоды его романа заимствованы из английских хроник и летописей.

⁴ Сид Кампеадор (сид — арабское слово сеид: господин, владыка; кампеадор по-испански — герой, воитель) — полубогатырский герой Испании, живший во второй половине XI века. Настоящее его имя Рюи Диас Бивар. Сид был блестящим полководцем и долго служил в войсках королей Кастилии, Леона и Арагонии, участвуя в их воинственных распрях между собой. Особенно прославился Сид в войне с маврами, у которых он отнял Валенсию. Вокруг его имени возникло множество легенд, которые дошли до нас в виде бесчисленных романсов и поэм.

⁵ Битва в Ронсевальском ущелье. Когда Карл Великий возвращался из испанского похода (778 год), арьергард его армии был застигнут неприятелем в Ронсевальском ущелье и почти целиком истреблен. В этом бою погиб один из сподвижников Карла — Хруадланд (Роланд). Событие это воспето в знаменитом произведении французского эпоса — «Песня о Роланде». Бернард де Карнио — легендарный герой средневекового испанского эпоса.

⁶ Буцефал — конь Александра Великого (356—323 до н. э.), царя Македонии и знаменитейшего полководца древности. Буцефал не боялся шума сражений, неустрашимо кидался в самую гущу врагов и отличался свирепостью, страшной силой и выносливостью; он долго и верно служил своему хозяину, пока наконец не был убит в одном из кровавых сражений. Александр устроил своему коню пышные похороны

и на месте его могилы основал целый город, названный в его честь Буцефалией.

⁷ Бабьеса Сида — конь Сида, прославленный в бесчисленных романах, воспевающих этого героя. Подобно Буцефалу, конь Сида отличался необычайной быстротой, силой и выносливостью и не раз спас хозяина в схватках и битвах с маврами.

⁸ Феб — бог солнца и света у древних греков.

⁹ Паладин. Паладинами первоначально назывались знатные приближенные Карла Великого (конец VIII — начало IX века), жившие вместе с ним в его дворце (по-латыни дворец — palatium) и сопровождавшие императора в его походах. Позднее паладином стали называть всякого знатного и доблестного рыцаря.

¹⁰ Посвящение в рыцари. Сервантес забавно пародирует действительный обряд посвящения в рыцари. В эпоху расцвета рыцарства (XI—XII века) обряд этот обставлялся особенно торжественно и пышно. Каждый посвящаемый обязан был провести ночь перед посвящением в церкви на страже оружия. Утром, во время обедни, это оружие освящалось. Новый рыцарь приносил над ним торжественное обещание нерушимо соблюдать все законы и правила рыцарства. Затем выступал какой-нибудь знатный и искушенный в боевом деле рыцарь и, взяв меч, трижды ударял посвящаемого по левому плечу, произнося: «Посвящаю тебя в рыцари». Этим обряд и заканчивался. Посвященного опоясывали мечом, пристегивали ему золотые шпоры, и все присутствовавшие отправлялись на пир в честь нового рыцаря.

¹¹ Реал (real de plata, 68 мараведисов) — монета стоимостью около 20 копеек, содержащая четыре куарто.

¹² Старинный романс о маркизе Мантуанском и его племяннике рыцаре Балдуине пользовался огромной популярностью в Испании.

¹³ Лиценциат — ученая степень, которая давала право преподавать в университете.

¹⁴ Урганда — волшебница, одно из главных действующих лиц любимого дон Кихотом рыцарского романа «Эспландиан».

¹⁵ Архиепископ Турпин — реймский архиепископ конца VIII века. Долгое время ему приписывалось составление знаменитой хроники «О жизни Карла Великого» («Хроника Турпина»). В этой хро-

нике содержатся фантастические, лишенные исторического правдоподобия рассказы о подвигах и приключениях Карла Великого и его племянника Роланда в Испании. «Хроника Турпина» лежит в основе большинства рыцарских романов о Карле Великом и его сподвижниках.

¹⁶ Двенадцать пэров — так называли двенадцать легендарных рыцарей — сподвижников Карла Великого. Самые известные среди них: Роланд, Оливье, Рейнальд Монтальбанский. Совершенно невероятные подвиги и приключения этих рыцарей описываются в «Хронике Турпина».

¹⁷ Рольдан — народная переделка имени Роланд.

¹⁸ Оруженосец. Звание оруженосца не заключало в себе ничего унижительного. Это был не слуга, а скорее боевой помощник рыцаря. Юноши из старинных и зажиточных дворянских семей охотно шли в оруженосцы к знатному и прославившемуся своими подвигами рыцарю. Служба оруженосцем у такого рыцаря считалась хорошей военной школой. Кроме того, при его поддержке можно было надеяться завязать влиятельные знакомства, выдвинуться при дворе. Но главное — это был верный путь к получению рыцарского звания. Оруженосцы не получали жалованья. Но обычно рыцарь уделял им известную долю своей военной добычи и делал им подарки. Получив какую-нибудь влиятельную должность, рыцарь никогда не забывал своего оруженосца и устраивал его как можно лучше. С точки зрения строгих рыцарских правил Санчо был таким же неподходящим человеком на роль оруженосца, как простая крестьянка Альдонса Лоренсо на роль прекрасной дамы.

¹⁹ Бриарей, — по верованию древних греков, сын бога морей Посейдона и богини Фетиды; сторукий великан, обладавший невероятной силой и изрыгавший пламя.

²⁰ Бенедиктинец — монах ордена Бенедикта, основанного в VI веке. Орден обладал огромными богатствами и был чрезвычайно влиятелен.

²¹ Бискаец — баск.

²² Санта Эрмандад (дословно — святое братство). Первоначально так назывались вольные союзы городских и сельских жителей, целью которых была защита себя и своего имущества от бесчинства феодалов и их приспешников. В XIV веке вся Испания покрылась такими союзами; объединившись в лигу, они образовали мощную организацию.

Феодалы не раз пытались разрушить Санта Эрмандад, но королевская власть, которая сама стремилась ограничить влияние феодальной знати, оказывала братству решительную поддержку. Получив официальное признание, Санта Эрмандад из вольной лиги превратилась мало-помалу в административное учреждение, сделавшись чем-то вроде охранного корпуса для борьбы со всякого рода преступлениями. Во времена Сервантеса значение Санта Эрмандад сильно пало. Инквизиция успела наложить на нее свою руку и нередко пользовалась услугами ее членов в своих собственных целях.

²³ А с у м б р а — мера жидкости, немногим более двух литров.

²⁴ О с а д а А л ь б р а к и — эпизод из поэмы «Влюбленный Роланд» итальянского поэта Маттео Боярдо (1434 — 1494).

²⁵ С и л е н, — по повериям древних греков, воспитатель бога виноделия Вакха (Диониса), страстный поклонник вина и веселых праздников. Силена часто изображали пьяным, верхом на осле. Рассказ о его торжественном въезде в сопровождении толпы пьяных сатиров и фавнов в греческий город Фивы пользовался в эпоху Возрождения большой популярностью. На этот рассказ и намекает дон Кихот, путая Семивратные Фивы в Греции со Стовратными Фивами в Египте.

²⁶ Д ж и н е в р а — жена легендарного английского короля Артура, героиня множества средневековых легенд и романов.

²⁷ Перечисляемые дон Кихотом имена героев, а также названия различных племен и местностей заимствованы им частью из рыцарских романов, а частью из современных ему исторических и географических сочинений.

²⁸ Рыцарями Круглого стола назывались сподвижники легендарного английского короля Артура, собиравшиеся за круглым столом в пирушественной зале его замка. Невероятные подвиги этих рыцарей (Тристана, Ланселотта и др.) описываются в целом ряде романов так называемого «Артурова цикла».

²⁹ Д е в я т ь ю м у ж а м и С л а в ы в средние века считались: три легендарных вождя древних евреев — Иисус Навин, царь Давид, Иуда Маккавей; три героя языческой древности — Александр Македонский, Гектор Троянский, римский полководец Юлий Цезарь; три христианина — король Артур Английский, Карл Великий и один из самых знаменитых вождей крестовых походов — Готфрид Бульонский.

³⁰ М а р с — бог войны у древних римлян.

³¹ Пасть Медведицы. Речь идет о созвездии Большой Медведицы, по положению которой на небе можно приблизительно определить время.

³² Греки натворили из-за Елены... Древнегреческое предание рассказывает, что сын троянского царя Приама Парис похитил жену спартанского царя Менелая, прекрасную Елену. Оскорбленный Менелай обратился за помощью к своим соплеменникам. Греки вступились за него и двинулись в поход на Трою. Осада Трои длилась несколько лет и кончилась разрушением города. История этой войны составляет содержание «Илиады» и «Одиссеи».

³³ Суэльдó — монета стоимостью около рубля. Старинный испанский закон предоставлял знатым лицам право требовать за нанесенную им обиду до 500 суэльдó с обидчика.

³⁴ Галеры. В Испании, как и во Франции, преступники, приговоренные к каторжным работам, отбывали наказание в качестве гребцов на судах королевского флота — галерах. Условия жизни на галерах были невероятно тяжелыми. Изнурительная работа в оковах, жестокие телесные наказания, скудная пища, тесное грязное помещение — все это делало галеры сущим адом.

³⁵ Ласарильо с Тормеса — повесть неизвестного автора, вышедшая в свет в 1554 году. Под видом незатейливого рассказа о похождениях маленького оборвыша Ласарильо в ней дается злая сатира на тогдашнюю испанскую жизнь. Повесть пользовалась огромной популярностью в Испании и положила основание так называемому «плутовскому роману».

³⁶ Братья Маккавей — прославленные в библейских сказаниях вожди сирейского народа времен его борьбы за свою независимость против Сирии.

³⁷ Кастор и Поллукс — по древнегреческим верованиям, братья-близнецы, дети бога Зевса и красавицы Леды. Почитались древними как образец верной братской любви и воинской доблести.

³⁸ Улисс — Одиссей, легендарный царь острова Итаки, участник Троянской войны. В поэмах Гомера он за свой ум, сообразительность и лукавство прозван «хитроумным».

³⁹ Эней. В поэме Вергилия «Энеида» рассказывается, как во время пожара и гибели Трои Эней спас своего престарелого отца Анхиза. Рис-

кую собственной жизнью, он на руках донес Анхиза до корабля, на котором оставшиеся в живых троянцы отплыли от берегов Трои.

⁴⁰ Неистовый Роланд — герой знаменитой поэмы итальянского поэта эпохи Возрождения Ариосто (1474—1533). Анджелика — дама сердца Роланда, ради которой он совершает все безумства и подвиги, воспетые в поэме.

⁴¹ Пезо — испанская монета, стоимостью около 2 рублей золотом.

⁴² Босые кармелиты — монахи Кармелитского ордена, основанного в XII веке в Палестине и распространившего свою проповедническую деятельность на всю Европу. Желая показать пример скромности, монахи этого богатейшего ордена ходили обычно босыми.

⁴³ Арроба — мера жидкости, равная приблизительно 12 литрам.

⁴⁴ Описывая устами дон Кихота ужасы морского сражения, Сервантес несомненно вспоминает знаменитый бой при Лепанто (1571), в котором он принимал участие. Беззаветное мужество и отвага, проявленные им в этом сражении, засвидетельствованы документально.

⁴⁵ Феб ревновал быстроногую нимфу... Феб (Аполлон) — бог света, поэзии и музыки у древних греков. Дон Кихот имеет в виду греческий миф об Аполлоне и Дафне. Аполлон, бродивший по равнинам Фессалии, полюбил нимфу Дафну, дочь божества реки — Пеней — и богини Земли. Но Дафна предпочла ему юношу Левкиппа. Пылая гневом и ревностью, бог продолжал неустанно преследовать нимфу. Однажды Фебу удалось догнать Дафну; он хотел схватить ее, но в это мгновение мать нимфы разверзла перед пей землю. Дафна исчезла, а вместо нее выросло лавровое деревцо.

⁴⁶ Лагерь Аграманте. Аграманте — один из героев поэмы «Неистовый Роланд» Ариосто. Когда Аграманте стоял лагерем под Парижем, в его войске возникли отчаянные распри и междоусобицы. В конце концов дело дошло до того, что никто не понимал, за что и с кем дерется.

⁴⁷ Туфля королевы — особый налог, взимавшийся по случаю бракосочетания короля. Такое странное название он получил потому, что в те времена в Испании только замужние женщины носили туфли с пробковым носком. В народе говорили, что налог взимается на приобретение драгоценных туфель для королевы.

⁴⁸ Маг Зороастр. Зороастр — легендарный основатель религии древних персов. По учению Зороастра, за обладание миром борются

два божества — доброе (Ормузд) и злое (Ариман). Эта борьба и составляет основу мировой жизни. В средние века и позднее Зороастра считали основателем черной и белой магии и всяких колдовских наук.

⁴⁹ Съ е с т а — послепопуденный отдых в южных странах Европы.

⁵⁰ Р о г Р о л а н д а. Легендарный сподвижник Карла Великого, паладин Роланд, владел волшебным рогом — «Олифантом». Звук этого рога разносился на сотни миль. Когда в Ронсевальском ущелье враги стали одолевать французский арьергард, соратники просили Роланда затрубить в свой рог Олифант, чтобы призвать на помощь Карла Великого, который шел впереди с главными силами французской армии. Но Роланд долго отказывался это сделать. Наконец из его отряда почти никого не осталось, а у него самого сломался славный меч Дюрандаль. Лишь тогда он затрубил в свой рог. Однако было поздно, и Роланд погиб в неравном бою.

⁵¹ Педро Барба и Гутьерре Кихала — кастильские рыцари, которые в 1435 году отправились во Францию, чтобы сразиться с тамошними рыцарями в честь своих дам.

⁵² Турнир леонского рыцаря Суэро Киньонес состоялся в 1434 году. В течение 30 дней Киньонес со своими десятью товарищами победоносно состязался с шестьюдесятью рыцарями как испанскими, так и приезжими из Италии, Германии и Франции.

⁵³ Поединок наваррского рыцаря Лунсе де Фальсес с кастильским Гонсало де Гусман состоялся в Вальядолиде в 1428 году.

⁵⁴ Возвращением дон Кихота домой, описанным в 30-й главе, заканчивается первый том романа Сервантеса. Этот первый том вышел в 1605 году и имел огромный успех среди читателей; он несколько раз переиздавался в Испании и был переведен на французский и английский языки. Словом, рыцарь Печального Образа прославился на всю Европу. И вот, когда Сервантес приступил к писанию второй части дон Кихота, ему пришла в голову счастливая мысль использовать это обстоятельство в своем романе. Во втором томе дон Кихот выступает уже не как безвестный идальго из Ламанчи, а как прославленный на всю Испанию безумец, имя которого хорошо известно каждому грамотному человеку. Это дало Сервантесу возможность ввести в роман целый ряд очень забавных эпизодов.

⁵⁵ Л и к у р г — знаменитый законодатель древней Спарты (IX век до н. э.). Согласно преданиям, именно он положил начало прочному государственному устройству Спарты и дал ей основные законы.

⁵⁶ С о л о н — прославленный афинский философ, законодатель и поэт VII—VI веков до н. э.

⁵⁷ Ю п и т е р (Зевс), — по верованиям древних греков и римлян, бог неба, повелитель богов и людей. Власть над вселенной досталась Юпитеру после ожесточенной борьбы с отцом Сатурном и братьями титанами. Одержав победу над ними, он оставил себе небо и землю, море отдал Нептуну (Посейдону), преисподнюю — Плутону.

⁵⁸ А л ь к а л ь д — глава городского или сельского управления, избиравшийся на один год; он нес также обязанности мирового судьи.

⁵⁹ Б а к к а л а в р — первая ученая степень, дававшаяся по окончании университета.

⁶⁰ В авторских отступлениях в «Дон Кихоте» Сервантес, желая подшутить над читателем, выдает свою книгу за сочинение мавра Бененчели.

⁶¹ М а ф у с а и л — библейский патриарх, долголетие которого вошло в поговорку.

⁶² Карраско советует дон Кихоту отправиться на турнир в Саргоссу. В конце XVI и начале XVII века, то есть во времена Сервантеса, рыцарские турниры еще бывали в Испании. В 1599 году состоялся блестящий турнир в Валенсии, в 1602 году турниры происходили в Торо, Саморе и Вальядолиде.

⁶³ Г о р а ц и й б р о с и л с я в Т и б р. Публий Гораций Коклес — легендарный римский герой. Когда в 507 году до нашей эры этруски напали на Рим, он спас город тем, что в течение долгого времени один оборонял мост через Тибр, не пропуская врага в город. Наконец римлянам удалось разрушить арку моста позади Горация. Только тогда Гораций решил покинуть свой пост, бросился в реку и под градом камней и стрел, раненный, добрался до берегов. За этот подвиг, прославивший его имя, благодарные римляне при жизни воздвигли ему статую.

⁶⁴ М у ц и й с ж е г с е б е р у к у. Когда — гласит предание — этрускский король Порсена осадил Рим, римский сенат послал в лагерь противников воина Кайя Муция с поручением убить короля. По ошибке

Муций вместо короля убил какого-то писца. Его схватили, привели к королю и угрожали пыткой и казнью. В доказательство, что он ничего не боится, Муций положил правую руку на огонь жертвенника и, не дрогнув, смотрел, как она обгорает. Это неслыханное мужество так поразило Порсену, что он отпустил Муция и, уstraшенный его словами, будто триста римских юношей поклялись убить короля, поспешил заключить с Римом мир и снять осаду. Сенат наградил Муция большим участком земли. После этого подвига его стали звать Сцеволой (что значит левша).

⁶⁵ Цезарь перешел Рубикон. Рубикон — небольшая река в северной Италии, впадающая в Адриатическое море. В древности она служила границей между собственно Италией и Итальянской Галлией. Ни один полководец не мог переправиться через эту реку без разрешения римского сената. Один только Юлий Цезарь не поколебался нарушить этот запрет. Когда сенат, встревоженный необычайной популярностью Цезаря, задумал лишить его командования над галльскими легионами, тот с небольшим отрядом поспешил в Италию. Подойдя к Рубикону, Цезарь ненадолго остановился в раздумьи. Перейти Рубикон значило объявить войну сенату, опиравшемуся на огромную армию под командой Помпея. Вернуться в Галлию значило сдаться на милость сената. Цезарь быстро принял решение: он переправился через Рубикон и двинулся на Рим. Это безумно смелое предприятие закончилось успехом. Войска переходили на его сторону, и он торжественно вступил в Рим, сделавшись полновластным диктатором Италии.

⁶⁶ М а ч е х а Г е р к у л е с а. Геркулес, сын Зевса и Алкмены, один из самых популярных героев древнегреческих преданий. Геркулес отличался необычайной физической силой и мужеством. Говоря о его мачехе, Сервантес разумеет, вероятно, ливийскую царицу Омфалу, которая заставила влюбленного в нее Геркулеса совершить ряд опасных и унижительных деяний.

⁶⁷ В е л и к а н ш а Х и р а л ь д а — колоссальный флюгер в виде статуи Победы, укрепленный на главной башне Севильского собора.

⁶⁸ Б ы к и Г и с а н д о — пять огромных бесформенных изваяний из камня в деревне Гисандо близ Мадрида. Происхождение их загадочно. Во времена Сервантеса изваяния эти причислялись к достопримечательностям Испании.

⁶⁹ Пропась Кабра. Пропась Кабра находится близ Кордовы; ее глубина около 150 метров. В прежние времена пропась Кабра внушала окрестным жителям суеверный страх.

⁷⁰ Манна — особый сладковатый и пахучий сок, выделяемый корой многих деревьев Средиземноморья, особенно тополя и ивы. Засыхая, манна образует на коре пятна и натеки белого цвета.

⁷¹ Пещера Монтесинос находится в Ламанче. Описание входа в нее у Сервантеса довольно точно.

⁷² Полидор Вергилий — итальянский ученый XV века. Его сочинение «Об изобретателях» пользовалось в свое время большой известностью. В лице ученого студента, сочиняющего дополнения к книге Полидора, Сервантес зло высмеивает университетскую науку того времени, не освободившуюся еще от влияния схоластики. К этой науке Сервантес всю жизнь относился отрицательно. Он никогда не упускал случая посмеяться над тупыми «педантами», а те, в свою очередь, отвечали ему злобным презрением, высокомерно выражая удивление, как человек без университетского диплома мог осмелиться выступить в литературе.

⁷³ Монтесинос, Дурандарте — легендарные испанские рыцари, якобы принимавшие участие в походе Карла Великого на Испанию. Эпизод с вырезанным сердцем заимствован Сервантесом из старинного романа.

⁷⁴ Мерлиу — мифический герой древних британских сказаний, мудрец и маг, обладавший пророческим даром. В рыцарских романах он выступает обычно в качестве могучего волшебника.

⁷⁵ Гвадиана. Река Верхняя Гвадиана в своем течении несколько раз скрывается под землей. Это явление породило множество легенд, которыми отчасти воспользовался Сервантес в рассказе о пребывании дон Кихота в пещере.

⁷⁶ Герцог Альба (1508—1582) — полководец и доверенное лицо испанского короля Филиппа II. Альба прославился своей зверской жестокостью при подавлении восстания в Нидерландских провинциях и при захвате Португалии. Имя его внушало страх народу.

⁷⁷ Театр марионеток до сих пор процветает в Испании; еще в 70-х годах XIX века на его сцене в Севилье, Валенсии и других городах разыгрывалась «увлекательная история Гайфероса и Мелисендры», с восторгом принимавшаяся зрителями. История эта восста

во множестве романсов. Романсы называют Гайфероса племянником Карла Великого, кузеном знаменитого Роланда, а Мелисендру — родной дочерью императора. Вскоре после помолвки Мелисендра была похищена маврами и увезена в Испанию. Гайферосу только после целого ряда приключений удалось в конце концов освободить ее из плена.

⁷⁸ Р е х и д о р — член сельского или городского правления.

⁷⁹ П т о л с м е й — знаменитый греческий астроном, математик и географ, живший во II веке нашей эры. Его космогоническая система, ставившая неподвижную Землю в центр вселенной, пользовалась общим признанием вплоть до появления гениальных работ Коперника и Галилея.

⁸⁰ К а в а. В одной старинной испанской легенде так рассказывается о завоевании Испании арабами в VIII веке. У могучего графа Юлиана была красавица дочь, по имени Кава. Юлиан обожал свою дочь и берег ее как зеницу ока. Но король Родриго, который пользовался полным доверием несчастного отца, обесчестил Каву. Тогда, чтобы отомстить Родриго, граф Юлиан призвал в Испанию арабов. Родриго выступил против них, но был разбит наголову и сам погиб в битве. Юлиан мог быть доволен: он отомстил за дочь. Но арабы остались в Испании и постепенно покорили себе почти весь полуостров. Таким образом, сопоставляя Елену и Каву, дон Кихот хочет сказать, что подобно тому, как из-за похищения Елены погибла Троя, так из-за оскорбления Кавы Испания подверглась вторжению арабов.

⁸¹ К у х о н н ы е п и к а р о — мелкие прихлебатели, ютившиеся на кухне феодального замка и жившие жалкими подачками челядинцев и свиты. По точному смыслу слова, пикаро — бродяга, плут, попрошайка.

⁸² В а м б а (672—680) — испанский король из готской династии. Предание приписывало ему происхождение из крестьян.

⁸³ Е л и с е й с к и е п о л я — по верованиям древних — поля блаженных, место загробной жизни героев.

⁸⁴ Э с п л а н д и а н. Роман этот является прямым продолжением «Амадиса Галльского». Эспландиан — сын Амадиса и Орианы. Получив посвящение в рыцари, Эспландиан отправляется на поиски приключений. Главной ареной его подвигов служит Восток: тут он сражается с турками и сарацинами, одерживает над ними в одиночку

блестящие победы, завоевывает города, разрушает козни злых чародеев и волшебников и наконец становится императором Константинополя.

⁸⁵ Сословные предрассудки запрещали дворянам заниматься какими-нибудь ремеслами. Только изготовление птичьих клеток и зубочисток считалось занятием, не унижительным для достоинства дворянина.

⁸⁶ А л ь т в а с и л — полицейский надзиратель, блюститель общественной тишины и порядка.

⁸⁷ Б е л л е р о ф о н т — один из героев греческой мифологии, сын коринфского царя Главка. Убив нечаянно брата, Беллерофонт должен был покинуть Коринф. Он отправился в Аргос к царю Претосу. Царь принял его очень хорошо, но жена царя, Стенобея, пожаловалась мужу, будто Беллерофонт хотел обольстить ее. Тогда Претос, не желая сам мстить гостю, отправил его к своему родственнику, царю Иобатею. При этом он вручил письмо для передачи Иобатею. В письме, написанном тайными буквами, Претос просил убить Беллерофонта. Получив это письмо, Иобатей повелел Беллерофонту сразиться со страшным чудовищем Химерой, рассчитывая, что тот погибнет в этой битве. Однако с помощью богини Афины, которая дала ему волшебного коня Пегаса, Беллерофонт победил чудовище. Вслед за тем он совершил столько замечательных подвигов, что восхищенный Иобатей не только помирился с ним, но и отдал за него свою дочь.

⁸⁸ Бог солнца Гелиос — гласит древнегреческое сказание — по просьбе своего сына Фаятона уступил ему управление колесницей солнца. Но слабый и неопытный юноша сбился с пути и едва не спалил вселенную. Желая спасти мир, повелитель богов Зевс ударом молнии поразил несчастного смельчака, а Гелиос снова направил бег солнца на верный путь.

⁸⁹ В пастушеских легендах звезды часто изображались как стада коз или овец, которых пасут на небе ангелы.

⁹⁰ П е р в о е б л ю д о — ф р у к т ы. Начинать обед с фруктов рекомендовалось в эпоху Сервантеса лучшими врачами.

⁹¹ Г и п п о к р а т (460—364 до н. э.) — величайший врач древности, «отец медицины», как его принято называть. Еще в эпоху Возрождения авторитет Гиппократов стоял чрезвычайно высоко, и доктора очень любили ссылаться на него. В данном случае доктор просто дурачит Санчо: Гиппократ нигде не говорит о куропатках.

⁹² О л ь я п о д р и д а — национальное испанское блюдо: тушеные овощи с приправой мяса, сала и пр.

⁹³ И з г н а н и е м а в р о в. При Филиппе II (1556—1598) и его преемнике Филиппе III (1598—1621) завершилось изгнание мавров из Испании. Оно сопровождалось неслыханными жестокостями со стороны как светских властей, так и инквизиции. Насильственная эвакуация мавров из Ламанчи происходила в 1609—1610 годах, то есть как раз в то время, когда Сервантес писал своего «Дон Кихота». Переселившиеся в Африку мавры образовали ряд мелких самостоятельных государств, позднее захваченных Францией, Италией и другими европейскими державами, которые превратили их в свои колонии.

⁹⁴ Р а з б о й н и к Р о к е Г и н а р т действительно существовал во времена Сервантеса и прогремел на всю Испанию своими дерзкими грабежами и нападениями.

⁹⁵ З д е с ь б ы л а м о я Т р о я — изречение, сложившееся под влиянием преданий о разрушении Трои греками и означавшее: здесь и потерпел решительное поражение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1, в которой рассказывается, кто такой был дон Кихот Ламанчский	3
Глава 2, в которой рассказывается о первом выезде дон Кихота из своих владений	10
Глава 3, в которой рассказывается о том, как дон Кихот был посвящен в рыцари	17
Глава 4 о том, что случилось с нашим рыцарем после отъезда из гостиницы	25
Глава 5 о возвращении нашего рыцаря домой	33
Глава 6 о втором выезде нашего доброго рыцаря дон Кихота Ламанчского	43
Глава 7 о победе, одержанной доблестным дон Кихотом в ужасном, доселе неслыханном приключении с ветряными мельницами	48
Глава 8 о славном бое между храбрым бискайцем и доблестным ламанчцем	54
Глава 9 об интересной беседе, которую вели между собой дон Кихот и Санчо Панса	59
Глава 10, в которой рассказывается о злосчастной встрече дон Кихота с янгуэсскими погонщиками	66
Глава 11 о том, что случилось с дон Кихотом и верным его оруженосцем на постоялом дворе, который рыцарь принял за замок	74
Глава 12, в которой описываются дальнейшие бесчисленные невзгоды, испытанные храбрым дон Кихотом и его верным оруженосцем на постоялом дворе, который рыцарь, на свою беду, принял за замок	81

Глава 13 о том, как дон Кихот сражался со стадом баранов	91
Глава 14 о разумной беседе между Санчо Пансой и его господином и о последовавшем затем приключении с мертвым телом	102
Глава 15 о невиданном и неслыханном подвиге, совершенном доблестным рыцарем дон Кихотом Ламанчским	109
Глава 16, в которой рассказывается о великом приключении и завоевании драгоценного шлема Мамбрини и о беседе между рыцарем и его оруженосцем	123
Глава 17 о том, как дон Кихот даровал свободу множеству несчастных, которых насильно вели туда, куда им вовсе не хотелось	135
Глава 18, в которой рассказывается о том, как Хинес де Пасамонте украл у Санчо Пансы его серого	145
Глава 19, где рассказывается о покаянии, которое наложил на себя дон Кихот в подражание Мрачному Красавцу, и о посольстве к Дульсинеи Тобосской	151
Глава 20, повествующая о дальнейших подвигах дон Кихота в Сиерра Морене и о том, что случилось с Санчо Пансой	167
Глава 21, в которой рассказывается о том, каким способом дон Кихот был избавлен от наложенного им на себя сурового покаяния	176
Глава 22, в которой рассказывается об уме прекрасной Доротеи и о том, как нашелся ослик Санчо Пансы	189
Глава 23, в которой рассказывается о беседе рыцаря с его оруженосцем и о встрече с мальчиком Андресом	201
Глава 24, в которой рассказывается о том, как дон Кихот сражался с мехами красного вина	210
Глава 25, в которой передается любопытная речь дон Кихота о военном деле и науках	221
Глава 26, в которой рассказывается о необычайном приключении на постоялом дворе	231
Глава 27, в которой продолжается рассказ о необыкновенных происшествiях на постоялом дворе	242

Глава 28 о том, каким необычайным способом был очарован дон Кихот Ламаанчский	254
Глава 29, в которой излагается умнейшая беседа между Санчо Пансой и его господином дон Кихотом, а также разумнейший спор дон Кихота с каноником	266
✓ Глава 30, в которой рассказывается о встрече с пастухом, о приключении с церковной процессией и о возвращении дон Кихота домой	279
Глава 31 о том, что произошло между священником, цырюльником и дон Кихотом во время его болезни	290
Глава 32, в которой рассказывается о споре Санчо Пансы с племянницей и экономкой дон Кихота	301
Глава 33 о разговоре, который вели между собой дон Кихот, Санчо Панса и бакалавр Самсон Карраско	306
Глава 34 о рассудительном и забавном разговоре, происшедшем между Санчо Пансой и его женой Тересою Пансой	315
Глава 35 о том, что произошло между дон Кихотом, его племянницей и экономкой, — одна из самых важных глав во всей истории	322
Глава 36 о том, что произошло между дон Кихотом и его оруженосцем, и о других поразительных событиях	328
Глава 37, в которой рассказывается, каким хитрым способом Санчо околдовал сеньору Дульсинею	336
Глава 38 о странной встрече дон Кихота с отважным рыцарем и об усладительной беседе двух оруженосцев	353
Глава 39, в которой выясняется, кто такие были неизвестный рыцарь и его оруженосец	366
Глава 40, в которой описывается неслыханное мужество дон Кихота в приключении со львами	380
Глава 41 о великом приключении в пещере Монтесинос, находящейся в самом сердце Ламаанчи	390
Глава 42, в которой описывается забавное приключение с кукольным театром, а также достопримечательные прорицания обезьяны-предсказательницы	409
Глава 43, в которой рассказывается о том, как два друга разыскивали пропавшего осла	429
Глава 44 о славном приключении с заколдованной лодкой	441

Глава 45 о встрече дон Кихота с прекрасной охотницей .	460
Глава 46 о том, как принимали дон Кихота и его оруженосца в герцогском замке	467
Глава 47, в которой рассказывается о том, как был найден способ расколдовать Дульсинею Тобосскую	484
Глава 48, в которой рассказывается о необычайном приключении с дуэньей Долоридой, или графиней Трифальди, а также о письме Санчо к жене своей Тересе Пансе	499
Глава 49 о том, как дон Кихот напутствовал Санчо Пансу перед тем, как тот отправился управлять островом	526
Глава 50 о том, как Санчо вступил во владение своим островом и как он им управлял	536
Глава 51, в которой рассказывается о том, как паж герцогини отвозил письмо жене Санчо Пансы Тересе Пансе	564
Глава 52 о дальнейшем управлении Санчо островом Баратарией и о прискорбном конце его губернаторства	587
Глава 53 о том, как Санчо Панса встретился со своим господином и как они оба уехали из герцогского замка	588
Глава 54, повествующая о приключениях, испытанных дон Кихотом на пути в Барселону	594
Глава 55, повествующая о встрече дон Кихота с рыцарем Белой Луны и о том, что последовало за этим	616
Глава 56 о том, что случилось с дон Кихотом и Санчо Пансой по дороге в их деревню	628
Глава 57, повествующая о том, как дон Кихот возвратился на родину, а также о его болезни, составленном им завещании и смерти	640
Сервантес и его роман	653
Примечания	666
